

РЛ
Т 53

Библиотека

Сем.

19

Толстой Л. Н.

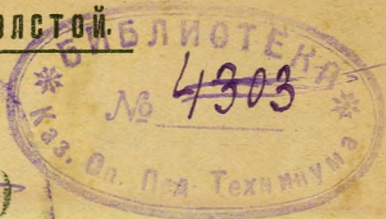
В чем счастье?

Москва, 1900.

~~1904~~
Графъ Л. Н. Толстой.

m-53

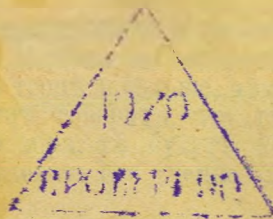
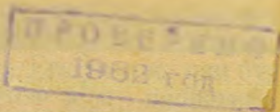
~~5419~~

ВЪ ЧЕМЪ СЧАСТІЕ?

На и

Содержаніе: Въ чемъ счастье? — «Такъ что-же намъ дѣлать». — Жизнь въ городѣ. — Жизнь въ деревнѣ. — О назначеніи науки и искусства. — О трудѣ и роскоши. — Ручной трудъ и умственная дѣятельность. — Праздникъ просвѣщенія 12 января. — Трудолюбіе, или торжество земледѣльца. — Для чего люди одурманиваются. — О переписи въ Москвѣ. — О томъ, въ чемъ правда въ искусствѣ.

МОСКВА.

1900.

ВЪ ЧЕМЪ СЧАСТІЕ?

Христосъ учитъ истинѣ, и если истина отвлеченная есть истина, то она будетъ истиною и въ дѣйствительности. Если жизнь въ Богѣ есть единая жизнь истинная, блаженная сама въ себѣ, то она истинна, блаженна здѣсь, на землѣ, при возможныхъ случайностяхъ жизни. Если бы жизнь здѣсь не подтверждала ученія Христа о жизни, то это ученіе было бы неистинно.

Христосъ не призываетъ къ худшему отъ лучшаго, а напротивъ—къ лучшему отъ худшаго. Онъ жалѣетъ людей, которые Ему представляются какъ растерянные, погибающія безъ пастуха овцы, и обѣщаетъ имъ пастуха и хорошее пастбище. Онъ говоритъ, что ученики Его будутъ гонимы за Его ученіе и должны терпѣть и переносить гоненія міра съ твердостью. Но Онъ не говоритъ, что, слѣдуя Его ученію, они будутъ терпѣть больше, чѣмъ слѣдуя ученію міра; напротивъ, Онъ говоритъ, что тѣ, которые будутъ слѣдовать ученію міра, тѣ будутъ несчастны, а тѣ, которые будутъ слѣдовать Его ученію, тѣ будутъ блаженны.

Христосъ, открывая Свое ученіе, говоритъ людямъ, что, исполняя Его ученіе даже среди неисполняющихъ, они не будутъ отъ этого несчастливѣе, чѣмъ прежде, но, напротивъ, будутъ счастливѣе, чѣмъ тѣ, которые не будутъ исполнять этого. Христосъ говоритъ, что есть вѣрный мірской расчетъ не заботиться о жизни міра.

Христосъ, правда, упоминаетъ, что тѣмъ, которые послушаютъ Его, предстоятъ гоненія отъ тѣхъ, которые не послушаютъ Его; но Онъ не говоритъ, чтобъ ученики что-нибудь потеряли отъ этого. Напротивъ, Онъ говоритъ, что ученики Его будутъ имѣть здѣсь, въ мѣрѣ этомъ, больше радостей, чѣмъ не-ученики.

Что Христосъ говоритъ и думаетъ это, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнiя — и по ясности Его словъ объ этомъ, и по смѣслу всего ученiя, и по тому, какъ Онъ жилъ, и по тому, какъ жили Его ученики.

Разбирая отвлеченно вопросъ о томъ, чье положенiе будетъ лучше: учениковъ Христа или учениковъ мiра, — нельзя не видѣть, что положенiе учениковъ Христа должно быть лучше уже потому, что ученики Христа, дѣлая всѣмъ добро, не будутъ возбуждать ненависти въ людяхъ. Ученики Христа, не дѣлая никому зла, могутъ быть гонимы только злыми людьми, ученики же мiра должны быть гонимы всѣми, такъ какъ законъ жизни учениковъ мiра есть законъ борьбы, т.-е. гоненiя другъ друга. Случайности же страданiй — тѣ же, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, съ тою только разницею, что ученики Христа будутъ готовы къ нимъ, а ученики мiра всѣ силы души будутъ употреблять на то, чтобъ избѣжать ихъ, и что ученики Христа, страдая, будутъ думать, что ихъ страданiя нужны для мiра, а ученики мiра, страдая, не будутъ знать, зачѣмъ они страдаютъ. Разсуждая отвлеченно, положенiе учениковъ Христа должно быть выгоднѣе положенiя учениковъ мiра.

Чтобы провѣрить это, пусть всякій вспомнитъ всѣ тяжелья минуты своей жизни, всѣ тѣлесныя и душевныя страданiя, которыя онъ перенесъ и переноситъ, и спроситъ себя: во имя чего онъ переносилъ всѣ эти несчастiя, — во имя ученiя мiра, или Христа? Пусть всякій искреннiй человѣкъ вспомнитъ хорошенько свою жизнь, и онъ увидитъ, что никогда ни одного раза онъ не пострадалъ отъ исполненiя ученiя Христа; но большинство несчастiй его жизни произошло только отъ того, что онъ,

въ противность своему влеченiю, слѣдовалъ связывающему его ученiю мiра.

Въ своей, исключительно въ мiрскомъ смыслѣ, счастливой жизни я наберу страданiй, понесенныхъ мною во имя ученiя мiра, столько, что ихъ достало бы на хорошаго мученика во имя Христа. Всѣ самыя тяжелыя минуты моей жизни, начиная отъ студенческаго пьянства и разврата до дуэлей, войны и до того нездоровья и тѣхъ неестественныхъ и мучительныхъ условiй жизни, въ которыхъ я живу теперь, — все это есть мученичество во имя ученiя мiра.

Да, и я говорю про свою еще исключительно счастливую, въ мiрскомъ смыслѣ, жизнь. А сколько мучениковъ, пострадавшихъ и теперь страдающихъ за ученiе мiра страданiями, которыхъ я не могу даже живо представить себѣ!

Мы не видимъ всей трудности и опасности исполненiя ученiя мiра только потому, что мы считаемъ, что все, что мы переносимъ для него, — необходимо.

Мы увѣрились въ томъ, что всѣ тѣ несчастiя, которыя мы сами себѣ дѣлаемъ, суть необходимыя условiя нашей жизни, и потому не можемъ понять, что Христосъ учитъ именно тому, какъ намъ избавиться отъ нашихъ несчастiй и жить счастливо.

Чтобы быть въ состоянiи обсудить вопросъ о томъ, какая жизнь счастливѣе, намъ надо хоть мысленно отрѣшиться отъ этого ложнаго представленiя и безъ предвзятой мысли оглянуться на себя и вокругъ себя.

Пройдите по большой толпѣ людей, особенно городскихъ, и взгляните въ эти истомленные, тревожныя, больныя лица, и потомъ вспомните свою жизнь и жизнь людей, подробности которой вамъ довелось узнать; вспомните всѣ тѣ насильственныя смерти, всѣ тѣ самоубийства, о которыхъ вамъ довелось слышать, и спросите, во имя чего — всѣ эти страданiя, смерти и отчаянiя, приводишя къ самоубийствамъ? И вы увидите, какъ ни странно это кажется сначала, что девять десятыхъ страданiй людей несутся ими во имя ученiя мiра, что всѣ эти стра-

данія не нужны и могли бы не быть, что большинство людей—мученики учения міра.

На дняхъ, въ осеннее дождливое воскресенье, я проѣхалъ по конкѣ черезъ базаръ Сухарской башни. На протяжении полуверсты карета раздвигала сплошную толпу людей, тотчасъ же сдвигавшуюся сзади. Съ утра до вечера эти тысячи людей, изъ которыхъ большинство голодные и оборванные, толкуются здѣсь въ грязи, ругая, обманывая и ненавидя другъ друга. То же происходитъ на всѣхъ базарахъ Москвы. Вечеръ эти люди проведутъ въ кабакахъ и трактирахъ, ночь — въ своихъ углахъ и конурахъ. Воскресенье—это лучший день ихъ недѣли. Съ понедѣльника, въ своихъ зараженныхъ конурахъ, они опять возьмутся за постылую работу.

Вдумайтесь въ жизнь всѣхъ этихъ людей, въ то положеніе, которое они оставили, чтобъ избрать то, въ которое они сами себя поставили, и вдумайтесь въ тотъ неустанный трудъ, который невольно несутъ эти люди, мужчины и женщины, и вы увидите, что это—истинные мученики.

Всѣ эти люди побросали дома, поля, отцовъ, братьевъ, часто женъ и дѣтей, отреклись отъ всего, даже отъ самой жизни, пришли въ городъ для того, чтобы приобрести то, что, по учению міра, считается для каждаго изъ нихъ необходимымъ. И всѣ они, не говоря уже о тѣхъ десяткахъ тысячъ несчастныхъ людей, потерявшихъ все и перебивающихся требухой и водкой въ ночлежныхъ домахъ, — всѣ, начиная отъ фабричнаго, извозчика, швея, проститутки до богача-кушца и чиновника и ихъ женъ, — всѣ несутъ самую тяжелую, неестественную жизнь и не приобрѣли того, что считается для нихъ нужнымъ по учению міра.

Поищите между этими людьми и найдите, отъ бѣдняка до богача, человека, которому бы хватало то, что онъ считаетъ нужнымъ, необходимымъ по учению міра, и вы увидите, что не найдете и одного на тысячу. Всякій бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы приобрести то, что не нужно для него, но что требуется отъ него учениемъ міра и отсутствіе чего составляетъ его несчастье. И какъ только онъ

приобрѣтетъ то, что требуется, отъ него потребуются еще другое, и еще другое, и такъ безъ конца идетъ эта Сизифова работа, губящая жизни людей. Возьмите лѣстницу состояній, отъ людей, проживающихъ въ годъ триста рублей до пятидесяти тысячъ, и вы рѣдко найдете человека, который бы не былъ измученъ, истомленъ работой для приобретения 400, когда у него 300, и 500, когда у него 400, и такъ безъ конца. И нѣтъ ни одного, который бы, имѣя 500, добровольно перешелъ на жизнь того, у котораго 400. Если и есть такіе примѣры, то и этотъ переходъ онъ дѣлаетъ не для того, чтобъ облегчить свою жизнь, а для того, чтобы собрать деньги и спрятать. Всѣмъ нужно еще и еще отягчать трудомъ свою, и такъ уже отягченную, жизнь и душу свою безъ остатка отдать учению міра. Нынче приобрѣлъ поддевку и калоши, завтра—часы съ цѣпочкой, послѣ-завтра—квартиру съ диваномъ и лампой, послѣ—ковры въ гостиную и бархатныя одежды, послѣ — домъ, рысаковъ, картины въ золотыхъ рамахъ, послѣ — заболѣлъ отъ непосильнаго труда и умеръ. Другой продолжаетъ ту же работу и такъ же отдаетъ жизнь тому же Молоху, такъ же умираетъ и такъ же самъ не знаетъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ все это.

Но, можетъ быть, сама эта жизнь, во время которой человекъ дѣлаетъ все это, въ самой себѣ счастлива?

Прикиньте эту жизнь на мѣрку того, что всегда всѣ люди называли счастьемъ, и вы увидите, что эта жизнь ужасно несчастлива. Въ самомъ дѣлѣ, какія главныя условія земного счастья, — такія, о которыхъ никто спорить не будетъ.

Одно изъ первыхъ и всѣми признаваемыхъ условій счастья есть жизнь такая, при которой не нарушена связь человека съ природой, т.-е. жизнь подъ открытымъ небомъ, при свѣтѣ солнца, при свѣжемъ воздухѣ; общеніе съ землей, растеніями, животными. Всегда всѣ люди считали лишеніе этого большимъ несчастіемъ. Заключенные въ тюрьмахъ слыше всего чувствуютъ это лишеніе. Посмотрите же на жизнь людей, живущихъ по учению міра. Чѣмъ большаго они достигли успѣха по учению міра, тѣмъ

больше они лишены этого условія счастья. Чѣмъ выше то мірское счастье, котораго они достигли, тѣмъ меньше они видятъ свѣтъ солнца, поля и лѣса, дикихъ и домашнихъ животныхъ. Многіе изъ нихъ—почти всѣ женщины—доживаютъ до старости, разъ или два въ жизни увидавъ восходъ солнца и утро и никогда не видавъ полей и лѣсовъ иначе, какъ изъ коляски или изъ вагона, и не только не посѣявъ и не посадивъ чего-нибудь, не вскормивъ и не воспитавъ коровы, лошади, курицы, но не имѣя даже понятія о томъ, какъ рождаются, растутъ и живутъ животныя. Люди эти видятъ только ткани, камни, дерево, обдѣланные людскимъ трудомъ, и то не при свѣтѣ солнца, а при искусственномъ свѣтѣ; слышатъ они только звуки машинъ, экипажей, пушекъ, музыкальныхъ инструментовъ; обоняютъ они спиртовые духи и табачный дымъ: подъ ногами и руками у нихъ только ткани и дерево; ѣдятъ они, по слабости своихъ желудковъ, большею частію несвѣжее и вонючее. Переѣзды ихъ съ мѣста на мѣсто не спасаютъ ихъ отъ этого лишения. Они ѣдутъ въ закрытыхъ ящикахъ. И въ деревнѣ и загородами, куда они уѣзжаютъ, у нихъ тѣ же камни и дерево подъ ногами, тѣ же гардины, скрывающія отъ нихъ свѣтъ солнца, тѣ же лакеи, кучера, дворники, не пускающіе ихъ до общенія съ землей, растениями и животными. Гдѣ бы они ни были, они лишены, какъ заключенные, этого условія счастья. Какъ заключенные утѣшаются травкой, выросшей на тюремномъ дворѣ, паукомъ, мышью, такъ и эти люди утѣшаются иногда чахлыми комнатными растениями, попускаемъ, собачкой, обезьяной, которыхъ все-таки растятъ и кормятъ не они сами.

Другое несомнѣнное условіе счастья — есть трудъ; во-первыхъ, любимый и свободный трудъ; во-вторыхъ, трудъ физическій, дающій аппетитъ и крѣпкій, успокоивающій сонъ. Опять, чѣмъ большаго, по-своему, счастья достигли люди по ученію міра, тѣмъ больше они лишены и этого другаго условія счастья. Всѣ счастливыцы міра, чиновники міра, чиновники и богачи, или, какъ заключенные, вовсе лишены труда и безуспѣшно борятся съ болѣзнями, про-

исходящими отъ отсутствія физическаго труда, и еще болѣе безуспѣшно со скукой, одолавающей ихъ (я говорю: «безуспѣшно», — потому, что работа тогда только радостна, когда она несомнѣнно нужна; а имъ ничего не нужно), или работаютъ ненавистную имъ работу, какъ банкиры, прокуроры и имъ подобные, устраивающіе гостинныя, посуду, наряды себѣ и дѣтямъ. (Я говорю: «ненавистную» — потому, что никогда еще встрѣтилъ изъ нихъ человѣка, который хвалилъ бы свою работу и дѣлалъ бы ее хоть съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ дворникъ счищаетъ снѣгъ передъ домомъ). Всѣ эти счастливыцы или лишены работы, или приставлены къ нелюбимой работѣ, т.-е. находятся въ томъ положеніи, въ которомъ находятся каторжные.

Третье, несомнѣнное, условіе счастья есть семья. И, опять, чѣмъ дальше ушли люди въ мірскомъ успѣхѣ, тѣмъ меньше имъ доступно это счастье. Большинство—прелюбодѣи и сознательно отказываются отъ радостей семьи, подчиняясь только ея неудобствамъ. Если же они и не прелюбодѣи, то дѣти для нихъ — не радость, а обуза. Если же у нихъ есть дѣти, они лишены радости общенія съ ними. Они по своимъ законамъ должны отдавать ихъ чужимъ, большею частію совсѣмъ чужимъ, сначала иностранцамъ, а потомъ воспитателямъ, такъ что отъ семьи имѣютъ только горе-дѣтей, которыя съ молодости становятся такъ же несчастны, какъ родители, и которыя по отношенію къ родителямъ имѣютъ одно чувство—желаніе ихъ смерти, для того, чтобы наследовать имъ¹⁾. Они не за-

¹⁾ Очень удивительно то оправданіе такой жизни, которое часто слышишь отъ родителей: «мнѣ ничего не нужно, — говоритъ родитель, — мнѣ жизнь эта тяжела, но, любя дѣтей, я дѣлаю это для нихъ». Т.-е. я, несомнѣнно, опытомъ знаю, что наша жизнь не счастлива, и потому... я воспитываю дѣтей такъ, чтобы они были такъ же несчастны, какъ и я. И для этого я, по своей любви къ нимъ, привожу ихъ въ городъ, полный физическихъ и нравственныхъ заразъ, отдаю ихъ въ руки чужихъ людей, ищущихъ въ воспитаніи одну корыстную цѣль, и физически, и нравственно, и умственно старательно порчу своихъ дѣтей. И это-то разсужденіе должно служить оправданіемъ неразумной жизни самихъ родителей.

перты въ тюрьмѣ, но послѣдствія ихъ жизни по отноше-
нію къ семьѣ мучительнѣе того лишения, которому под-
вергаются заключенные.

Четвертое условіе счастья — свободное, любовное обще-
ніе со всѣми разнообразными людьми міра. И, опять, чѣмъ
вышей ступени достигли люди въ мірѣ, тѣмъ больше они ли-
шены этого главнаго условія счастья. Чѣмъ выше, тѣмъ уже,
тѣснѣе тотъ кружокъ людей, съ которыми возможно об-
щеніе, и тѣмъ ниже по своему умственному и нравствен-
ному развитію тѣ нѣсколько людей, составляющіе этотъ
заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Для
мужика и его жены открыто общеніе со всѣмъ міромъ
людей, и если одинъ миллионъ людей не хочетъ общаться
съ нимъ, — у него остается 80 миллионъ такихъ же, какъ
онъ, рабочихъ людей, съ которыми онъ отъ Архангельска
до Астрахани, не дожидаясь визита и представленія, тот-
часъ же входитъ въ самое близкое братское общеніе. Для
чиновника съ его женой есть сотни людей равныхъ ему,
но высшіе не допускаютъ его до себя, а низшіе всѣ
отрѣзаны отъ него. Для свѣтскаго, богатаго человѣка и его
жены есть десятки свѣтскихъ семей; остальное все отрѣ-
зано отъ нихъ. Для министра и богача и ихъ семей есть
одинъ десятокъ такихъ же важныхъ или богатыхъ людей,
какъ и они. Развѣ это не тюремное заключеніе, при ко-
торомъ для заключеннаго возможно общеніе только съ
двумя-тремя тюремщиками?...

Наконецъ, пятое условіе счастья есть здоровье и без-
болѣзненная смерть. И опять, чѣмъ выше люди на об-
щественной лѣстницѣ, тѣмъ болѣе они лишены этого
условія счастья. Возьмите средняго богача и его жену и
средняго крестьянина и его жену, несмотря на весь го-
лодь и непомѣрный трудъ, который несетъ крестьянинъ,
и сравните ихъ. Вы увидите, что чѣмъ ниже, тѣмъ здо-
ровѣе, и чѣмъ выше, тѣмъ болѣзненнѣе мужчины и жен-
щины. Переберите въ своей памяти тѣхъ богачей и ихъ
женъ, которыхъ вы знаете и знали, и вы увидите, что
большинство — больные. Изъ нихъ здоровый человѣкъ, не
лѣчащійся постоянно или періодически лѣтомъ, — такое же

исключеніе, какъ больной въ рабочемъ сословіи. Всѣ эти
счастливицы, безъ исключенія, начинаютъ онанизмомъ,
сдѣлавшимся въ ихъ быту естественнымъ условіемъ раз-
витія; всѣ беззубые, всѣ съдые или пѣшивые бываютъ
въ тѣ годы, когда рабочіи человѣкъ начинаютъ входить
въ силу. Почти всѣ одержимы нервными, желудочными,
половыми болѣзнями отъ объѣденія, пьянства, разврата
и лѣченія, и тѣ, которые не умираютъ молодыми, поло-
вину жизни своей проводятъ въ лѣченіи, во впрыскива-
ніяхъ морфина, или обрюзгшими калѣками, неспособными
жить своими средствами, но могущими жить только какъ
паразиты или тѣ муравьи, которыхъ кормятъ ихъ рабы.
Переберите ихъ смерти: кто застрѣлился, кто сгнилъ отъ
сифилиса. Одинъ за другимъ они гибнутъ во имя ученія
міра. И толпы лѣзутъ за ними и, какъ мученики, ищутъ
страданій и гибели.

Одна жизнь за другую бросается подъ колесницу это-
го бога: колесница проѣзжаетъ, раздирая ихъ жизни, и
новыя, и новыя жертвы со стонами, и воплями, и про-
клятіями валяются подъ нее!

Исполненіе ученія Христа трудно. Христосъ говоритъ:
кто хочетъ слѣдовать Мнѣ, тотъ оставь домъ, поля, брать-
евъ и иди за Мною — Богомъ, и тотъ получитъ въ мірѣ
этомъ во сто разъ больше домовъ, полей, братьевъ и,
сверхъ того, жизнь вѣчную. И никто не идетъ. А ученіе
міра сказало: брось домъ, поля, братьевъ, уйди изъ де-
ревни въ гнилой городъ. И никто не находитъ, что это
трудно. Не только тѣ, которые страдаютъ, но и отцы, и
матери не находятъ, что это трудно. Они даже сами со-
вѣтуютъ дѣтямъ идти. Имъ кажется, что это не только
такъ надо и что нельзя иначе, но что это даже хорошо
и нравственно.

Можно бы повѣрить, что исполненіе ученія Христа
трудно, и страшно, и мучительно, еслибъ исполненіе уче-
нія міра было очень легко, и безопасно, и пріятно. Но
вѣдь ученіе міра много труднѣе, опаснѣе и мучительнѣе
исполненія ученія Христа.

Были когда-то, говорятъ, мученики Христа, но это

было исключение; ихъ насчитываютъ у насъ 380 тысячъ—вольныхъ и невольныхъ за 1800 лѣтъ; но сочтите мучениковъ міра,—и на одного мученика Христа придется 1000 мучениковъ ученія міра, страданія которыхъ въ сто разъ ужаснѣе. Однихъ убитыхъ на войнахъ нынѣшняго столѣтія насчитываютъ тридцать миллионъ человѣкъ.

Вѣдь это все мученики ученія міра, ибо если бы человечество слѣдовало ученію Христа,—люди не убивали бы другъ друга. Стоитъ человѣку только не вѣрить ученію міра, что нужно надѣть калоши и цѣпочку и имѣть ненужную ему гостиную, и повѣрить, что не нужно дѣлать всѣхъ тѣхъ глупостей, которыхъ требуетъ отъ него ученіе міра,—и онъ не будетъ знать непосильной работы и страданій, и вѣчной заботы и труда безъ отдыха и цѣли, не будетъ лишень общенія съ природой, не будетъ лишень любимаго труда, семьи, здоровья, и не погибнетъ безсмысленно мучительною смертью.

Не мученикомъ надо быть во имя Христа,—не этому учить Христосъ. Онъ учитъ тому, чтобы перестать мучить себя во имя ложнаго ученія міра.

Ученіе Христа имѣетъ глубокой метафизическій смыслъ; ученіе Христа имѣетъ общечеловѣчскій смыслъ; ученіе Христа имѣетъ и самый простой, ясный, практическій смыслъ для жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. Этотъ смыслъ можно выразить такъ: Христосъ учитъ людей не дѣлать глупости. Въ этомъ состоитъ самый простой, всѣмъ доступный смыслъ ученія Христа.

Христосъ говоритъ: не сердись, не считай никого ниже себя,—это глупо. Будешь сердиться, обижать людей—тебѣ же будетъ хуже. Еще говоритъ: за зло не плати зломъ, а то зло вернется на тебя еще злѣе, чѣмъ прежде, какъ подвѣшенная колода надъ медомъ, которая убиваетъ медвѣдя. И еще говоритъ: не считай людей чужими только потому, что они живутъ въ другой землѣ, чѣмъ ты, и говорятъ другимъ языкомъ. Если будешь считать ихъ врагами, и они будутъ тебя считать врагомъ,—тебѣ же будетъ хуже. Итакъ, не дѣлай всѣхъ этихъ глупостей, и тебѣ будетъ лучше.

«Да»,—говорятъ на это,—но міръ такъ устроенъ, что противиться его устройству еще мучительнѣе, чѣмъ жить согласно съ нимъ. Не обезпечивай человѣкъ свою жизнь приобрѣтеніемъ того, что нужно ему и семьѣ,—онъ и семья его умрутъ съ голоду». Такъ говорятъ люди, стараясь защитить устройство міра, но сами они не думаютъ такъ. Они говорятъ такъ только потому, что имъ нельзя отрицать справедливости ученія Христа, которому они будто бы вѣрятъ, и имъ надо какъ-нибудь оправдаться въ томъ, что они не исполняютъ этого ученія. Но они не только не думаютъ этого, но никогда даже вовсе не думали объ этомъ. Они вѣрятъ ученію міра и только пользуются отговоркой, что, исполняя ученіе Христа, надо много страдать, и потому никогда даже и не пробовали исполнять ученія Христа. Мы видимъ безчисленныя страданія, которыя несутъ люди во имя ученія міра, но страданій изъ-за ученія Христа мы въ наше время никогда уже не видимъ. Тридцать миллионъ погибло за ученіе міра на войнахъ, тысячи миллионъ погибло въ мучительной жизни изъ-за ученія міра; но не только миллионъ, даже тысячь, даже десятковъ, даже ни одного человѣка я не знаю, который бы погубъ смертью и мучительною жизнью съ голода или холода изъ-за ученія Христа. Это только смѣшная отговорка, доказывающая, до какой степени неизвѣстно намъ ученіе Христа. Мало того, что мы не раздѣляемъ его, но мы никогда даже серьезно не принимали его. Ученіе міра растолковало намъ ученіе Христа такъ, что оно представляется не ученіемъ о жизни.

Христосъ призываетъ людей къ ключу воды, которая тутъ, подлѣ нихъ. Люди томятся жаждой, вѣдятъ грязь, пьютъ кровь другъ друга, но ихъ учителя сказали имъ, что они погибнутъ, если пойдутъ къ тому ключу, къ которому призываетъ Христосъ. И люди вѣрятъ имъ, мучаются и мрутъ отъ жажды въ двухъ шагахъ отъ воды, не смѣя подойти къ ней. Но стоитъ только повѣрить Христу, что Онъ принесъ благо на землю, повѣрить, что Онъ даетъ намъ, жаждущимъ, ключъ воды живой, и придти

къ нему, чтобъ увидать, какъ коваренъ обманъ учителей міра, и какъ безумны наши страданія тогда, когда спасеніе наше такъ близко. Стоитъ прямо и просто принять ученіе Христа, чтобъ ясенъ былъ тотъ ужасный обманъ, въ которомъ живемъ всѣ мы и живетъ каждый изъ насъ.

Поколѣнія за поколѣніями, мы трудимся надъ обезпеченіемъ своей жизни посредствомъ насилія и упроченія своей собственности. Счастіе нашей жизни представляется намъ въ наибольшей власти и наибольшей собственности. Мы такъ привыкли къ этому, что ученіе Христа о томъ, что счастье человѣка не можетъ зависѣть отъ власти и имѣнія, что богатый не можетъ быть счастливъ, представляется намъ требованіемъ жертвы во имя будущихъ благъ. Христосъ и не думаетъ призывать насъ къ жертвѣ; Онъ, напротивъ, учитъ насъ не дѣлать того, что хуже, а дѣлать то, что лучше для насъ здѣсь, въ этой жизни. Христосъ, любя людей, учитъ ихъ воздержанію отъ обезпеченія себя насиліемъ и отъ собственности такъ же, какъ, любя людей, учитъ ихъ воздержанію отъ драки и пьянства. Онъ говоритъ, что, живя безъ отпора другимъ, люди будутъ счастливѣе, и Своимъ примѣромъ жизни подтверждаетъ это. Онъ говоритъ, что человѣкъ, живущій по Его ученію, долженъ быть готовъ умереть во всякую минуту отъ насилія другого, отъ холода и голода, и не можетъ рассчитывать ни на одинъ часъ своей жизни. И намъ кажется это страшнымъ требованіемъ какихъ-то жертвъ, а это—только утвержденіе тѣхъ условий, въ которыхъ всегда неизбѣжно живетъ всякій человѣкъ. Ученикъ Христа долженъ быть готовъ во всякую минуту на страданія и смерть. Но ученикъ міра развѣ не въ томъ же положеніи? Мы такъ привыкли къ нашему обману, что все, что мы дѣлаемъ для мнимаго обезпеченія нашей жизни: наши войска, крѣпости, наши запасы, наши одежды, наши лѣченія, все наше имущество, наши деньги—кажется намъ чѣмъ-то дѣйствительнымъ, серьезно обезпечивающимъ нашу жизнь. Мы забываемъ то, что очевидно каждому, то, что случилось съ тѣмъ, который задумалъ построить житницы, чтобъ обезпечить себя на-

долго: онъ умеръ въ ту же ночь. Вѣдь все, что мы дѣлаемъ для обезпеченія нашей жизни, совершенно то же, что дѣлаетъ страусъ, останавливаясь и пряча голову, чтобы не видать, какъ его убиваютъ. Мы дѣлаемъ хуже страуса: чтобы сомнительно обезпечить нашу сомнительную жизнь въ сомнительномъ будущемъ, мы навѣрно губимъ нашу вѣрную жизнь въ вѣрномъ настоящемъ.

Обманъ состоитъ въ ложномъ убѣжденіи, что жизнь наша можетъ быть обезпечена нашею борьбой съ другими людьми. Мы такъ привыкли къ этому обману мнимаго обезпеченія своей жизни и своей собственности, что и не замѣчаемъ всего, что мы теряемъ изъ-за него; а теряемъ мы все—всю жизнь. Вся жизнь поглощается заботой объ этомъ обезпеченіи жизни, приготовленіемъ къ ней, такъ что жизни совсѣмъ не остается.

Вѣдь стоитъ на минуту отрѣшиться отъ своей привычки и взглянуть на нашу жизнь со стороны, чтобъ увидѣть, что все, что мы дѣлаемъ для мнимаго обезпеченія нашей жизни, мы дѣлаемъ совсѣмъ не для того, чтобы обезпечить нашу жизнь, а только для того, чтобы, занимаясь этимъ, забывать о томъ, что жизнь никогда не обезпечена и не можетъ быть обезпечена. Но мало того, что мы обманываемъ себя и губимъ свою настоящую жизнь для воображаемой, мы, въ этомъ стремленіи къ обезпеченію, чаще всего губимъ то самое, что мы хотимъ обезпечить. Французы вооружаются, чтобъ обезпечить свою жизнь въ 70-мъ году, и отъ этого обезпеченія гибнутъ сотни тысячъ французскъ; то же дѣлаютъ всѣ вооружающіеся народы. Богачъ обезпечиваетъ свою жизнь тѣмъ, что у него есть деньги. И самыя деньги привлекаютъ разбойника, который убиваетъ его. Мнительный человѣкъ обезпечиваетъ свою жизнь лѣченіемъ, и самое лѣченіе медленно убиваетъ его, а если и не убиваетъ его, то навѣрно лишаетъ его жизни, какъ того разслабленнаго, который не жилъ 35 лѣтъ, а дождался ангела у купели.

Ученіе Христа о томъ, что жизнь нельзя обезпечить, а надо всегда, всякую минуту, быть готовымъ умереть, не-

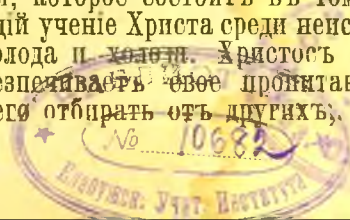
сомнѣнно лучше, чѣмъ ученіе міра о томъ, что надо обезпечить свою жизнь, — лучше тѣмъ, что неизбежность смерти и необезпеченность жизни остается та же при ученіи міра и при ученіи Христа, но сама жизнь, по ученію Христа, не поглощается уже вся безъ остатка празднымъ занятіемъ мнимаго обезпеченія своей жизни, а становится свободной и можетъ быть отдана единой, свойственной ей дѣли—благу себѣ и людямъ. Ученикъ Христа будетъ бѣденъ: да, т.-е. онъ будетъ пользоваться всѣми тѣми благами, которыя ему далъ Богъ. Онъ не будетъ губить свою жизнь. Мы назвали словомъ, выражающимъ бѣду—бѣдностью,—то, что есть счастье; но само дѣло не измѣнилось отъ этого. Бѣденъ—это значить: онъ будетъ не въ городѣ, а въ деревнѣ, не будетъ сидѣть дома, а будетъ работать въ лѣсу, въ полѣ, будетъ видѣть свѣтъ солнца, землю, небо, животныхъ; не будетъ придумывать, что ему съѣсть, чтобы возбудить аппетитъ, и будетъ три раза въ день голоденъ; не будетъ ворочаться на мягкихъ подушкахъ и придумывать, чѣмъ спастись отъ бессонницы, а будетъ спать; будетъ имѣть дѣтей, будетъ жить съ ними, будетъ въ свободномъ общеніи со всѣми людьми, а главное,—не будетъ дѣлать ничего такого, чего ему не хочется дѣлать, не будетъ бояться того, что съ нимъ будетъ. Болѣть, страдать, умирать онъ будетъ такъ же, какъ и всѣ (судя по тому, какъ болѣютъ и умираютъ бѣдные—легче, чѣмъ богатые), но жить онъ будетъ, несомнѣнно, счастливѣе.

Надо возстановить свойственное всѣмъ неиспорченнымъ людямъ представленіе о томъ, что необходимое условіе счастья человѣка есть не праздность, а трудъ; что человѣкъ не можетъ не работать, что ему скучно, тяжело, трудно не работать, какъ скучно, трудно не работать муравью, лошади и всякому животному. Надо забыть наше дикое суевѣріе о томъ, что положеніе человѣка, имѣющаго неразмѣнный рубль, есть естественное, счастливое состояніе. Надо возстановить въ своемъ представленіи тотъ взглядъ на трудъ, который имѣютъ на него всѣ неиспорченные люди и который имѣлъ Христосъ, говоря, что

трудящійся достоинъ пропитанія. Христосъ не могъ Себѣ представить людей, которые бы смотрѣли на работу какъ на проклятіе, и потому не могъ и представить Себѣ человѣка не работающаго или желающаго не работать. Онъ всегда подразумѣваетъ, что ученикъ Его работаетъ. И потому говоритъ: если человѣкъ работаетъ, то работа кормитъ его. И если работу этого человѣка беретъ себѣ другой человѣкъ, то другой человѣкъ и будетъ кормить того, кто работаетъ, именно потому, что пользуется его работой. И потому трудящійся всегда будетъ имѣть пропитаніе.

Разница между ученіемъ Христа и ученіемъ нашего міра о трудѣ—въ томъ, что, по ученію міра, работа есть особенная заслуга человѣка, въ которой онъ считается съ другими и предполагаетъ, что имѣетъ право на большее пропитаніе, чѣмъ больше его работа; по ученію же Христа, работа, трудъ есть необходимое условіе жизни человѣка, а пропитаніе есть неизбежное послѣдствіе его. Работа производитъ пищу, пища производитъ работу — это вѣчный кругъ: одно слѣдствіе и причина другого.

По ученію Христа, каждый отдѣльный человѣкъ, независимо отъ того, каковъ міръ, будетъ имѣть наилучшую жизнь, если онъ пойметъ свое признаніе—не требовать труда отъ другихъ, а самому всю жизнь свою полагать на трудъ для другихъ, жизнь свою отдавать какъ выкупъ за многихъ. Человѣкъ, поступающій такъ, говоритъ Христосъ, достоинъ пропитанія, т.-е. не можетъ не получить его. Словами: «человѣкъ не загѣмъ живетъ, чтобы на него работали, а чтобы самому работать на другихъ», Христосъ устанавливаетъ ту основу, которая несомнѣнно обезпечиваетъ матеріальное существованіе человѣка, а словами: «трудящійся достоинъ пропитанія» Христосъ устраняетъ то, столь обыкновенное возраженіе противъ возможности исполненія ученія, которое состоитъ въ томъ, что человѣкъ, исполняющій ученіе Христа среди неисполняющихъ, погибнетъ отъ голода и холода. Христосъ показываетъ, что человѣкъ обезпечиваетъ свое пропитаніе не тѣмъ, что онъ будетъ его отбирать отъ другихъ, а тѣмъ, что

онъ едѣляется полезенъ, нуженъ для другихъ. Чѣмъ онъ пужнѣе для другихъ, тѣмъ обезпеченнѣе будетъ его существованіе.

Возраженіе противъ неисполнимости ученія Христа, состоящее въ томъ, что если я не буду приобретать для себя и удерживать приобретенное, то никто не станетъ кормить мою семью, справедливо, но только по отношенію къ празднымъ, безполезнымъ и потому вреднымъ людямъ. Христосъ учитъ людей, что такъ сознательно они должны поступать въ жизни, потому что таковъ законъ человѣка и всего человѣчества. Трудъ есть необходимое условіе жизни человѣка, и трудъ же даетъ благо человѣку. И потому удержаніе отъ другихъ людей плодовъ своего или чужого труда препятствуетъ благу человѣка. Отдаваніе своего труда другимъ содѣйствуетъ благу человѣка.

«Если люди не будутъ отнимать одинъ у другого, то они будутъ умирать съ голоду», говоримъ мы. Казалось бы, надо сказать обратно: если люди будутъ силой отнимать одинъ у другого, то будутъ люди, которые умрутъ съ голоду, какъ оно и есть.

Вѣдь всякій человѣкъ, какъ бы онъ ни жилъ, — по ученію ли Христа или по ученію міра, — онъ живъ только трудомъ другихъ людей. Другіе люди и уберегли его, вспоили, и вскормили его, и берегутъ, и поятъ, и кормятъ. По ученію Христа, человѣкъ точно также убереженъ, вскормленъ и вспоенъ другими людьми; но для того, чтобы другіе люди продолжали беречь, поить и кормить его, онъ никого къ этому не принуждаетъ, а самъ старается служить другимъ, быть какъ можно полезнѣе всѣмъ, и тѣмъ становится нужнымъ для всѣхъ. Но всегда, всѣ люди, какъ бы злы они ни были, будутъ старательно кормить и беречь работающаго на нихъ.

Какъ же вѣрнѣе, разумнѣе и радостнѣе жить: по ученію ли міра, или по ученію Христа?

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТАТЬИ:

ТАКЪ ЧТО-ЖЕ НАМЪ ДѢЛАТЬ?

И спрашивалъ его народъ, что-же намъ дѣлать? И онъ сказалъ въ отвѣтъ: у кого есть двѣ одежды, тотъ отдай немущему; и у кого есть пища, дѣлай то же (Лука III, 10, 11).

Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и рая истребляютъ, и гдѣ воры подкопываютъ и крадутъ.

Но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль ни рая не истребляютъ, и гдѣ воры не подкопываютъ и не крадутъ.

Ибо, гдѣ сокровища ваши, тамъ будетъ и сердце ваше. Свѣтъ свѣтъ для тѣла есть око. Итакъ, если око твое будетъ чисто, то все тѣло твое будетъ свѣтло.

Если же око твое будетъ худо, то все тѣло будетъ темно. Итакъ, если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма, то какова же тьма?

Никто не можетъ служить двумъ господамъ; ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ пераждать. Не можете служить Богу и маммонѣ.

Посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего во что одѣться. Душа не больше ли пищи, и тѣло одежды?

Итакъ, не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть? или что пить? или во что одѣться?

Потому что всего этого ищутъ язычники; и потому что Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ.

Ищите же прежде царствія Божія и правды его, и это все приложится вамъ (Мтѣ. VI, 19—25, 31—34).

Ибо легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти въ царствіе Божіе (Мтѣ. XIX, 24; Лука XVIII, 25; Марка X, 25).

I.

Я всю жизнь прожилъ не въ городѣ. Когда я въ 1881 году переѣхалъ на житье въ Москву, меня удивила городская бѣдность. Я знаю деревенскую бѣдность; но городская была для меня нова и непонятна. Въ Москвѣ нельзя пройти улицы, чтобы не встрѣтить нищихъ, и особенныхъ нищихъ, не похожихъ на деревенскихъ. Нищие эти — не нищие съ сумой и Христовымъ именемъ, какъ опредѣляютъ себя деревенскіе нищие, а это нищие безъ

сумы и безъ Христова имени. Московскіе нищіе не носить сумы и не просятъ милостыни. Большею частью, они, встрѣчая или пропуская васъ мимо себя, только стараются встрѣтиться съ вами глазами. И, смотря по вашему взгляду, они просятъ или нѣтъ. Я знаю одного такого нищаго изъ дворянъ. Старикъ ходитъ медленно, наклоняясь на каждую ногу. Когда онъ встрѣчается съ вами, онъ наклоняется на одну ногу и дѣлаетъ вамъ какъ-будто поклонъ. Если вы останавливаетесь, онъ беретъ за фуражку съ кокардой, кланяется и проситъ; если вы не останавливаетесь, то онъ дѣлаетъ видъ, что это только у него такая походка; онъ проходитъ дальше, также кланяясь на другую ногу. Это настоящій московскій нищій, ученый. Сначала я не зналъ, почему московскіе нищіе не просятъ прямо, но потомъ понялъ, почему они не просятъ, но все-таки не понялъ ихъ положенія.

Одинъ разъ, идя по Аванасьевскому переулку, я увидаль, что городской сажаетъ на извозчика опухшаго отъ водяной и оборваннаго мужика. Я спросилъ: «за что?» Городовой отвѣтилъ мнѣ: «за прошеніе милостыни». — «Развѣ это запрещено?» — «Стало быть, запрещено», отвѣтилъ городской.

Больного водяной повезли на извозчикъ. Я взялъ другого извозчика и поѣхалъ за ними. Мнѣ хотѣлось узнать, правда ли, что запрещено просить милостыню и какъ это запрещено. Я никакъ не могъ понять, какъ можно запретить одному человѣку просить о чемъ-нибудь другого, и, кромѣ того, не вѣрилось, чтобы было запрещено просить милостыню, тогда какъ Москва полна нищими.

Я вошелъ въ участокъ, куда свезли нищаго. Въ участокѣ сидѣлъ за столомъ человѣкъ съ саблей и пистолетомъ. Я спросилъ: «за что взяли этого мужика?» Человѣкъ съ саблей и пистолетомъ строго посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «вамъ какое дѣло?» Однако, чувствуя необходимость разъяснить мнѣ что-то, онъ прибавилъ: «начальство велитъ забирать такихъ; стало быть, надо». Я ушелъ. Городовой, тогда, который привезъ нищаго, сидя въ сѣняхъ

на подоконникъ, глядѣлъ уныло въ какую-то записную книжку. Я спросилъ его: «правда ли что нищимъ запрещаютъ просить Христовымъ именемъ?» Городовой очнулся, посмотрѣлъ на меня, потомъ, не то что нахмурился, но какъ бы опять заснулъ, и, садясь на подоконникъ, сказалъ: «начальство велитъ, значитъ, такъ надо», и вновь занялся своей книжкой. Я сошелъ на крыльцо къ извозчику.

— Ну, что? взяли? — спросилъ извозчикъ. Извозчика, видно, заняло тоже это дѣло.

— Взяли, отвѣчалъ я.

Извозчикъ покачалъ головой.

— Какъ же это у васъ, въ Москвѣ, запрещено что ли просить Христовымъ именемъ? — спросилъ я.

— Кто ихъ знаетъ! — сказалъ извозчикъ.

— Какъ же это, сказалъ я, нищій Христовъ, а его въ участокъ везутъ?

— Нынче ужъ это оставили, не велятъ, сказалъ извозчикъ.

Послѣ этого я видалъ и еще нѣсколько разъ, какъ городовые везли нищихъ въ участокъ и потомъ въ Юсуповъ рабочій домъ.

Разъ я встрѣтилъ на Мясницкой толпу такихъ нищихъ, человѣкъ съ тридцать. Спереди и сзади шли городовые. Я спросилъ: «за что?» — «За прошеніе милостыни».

Выходило, что, по закону, въ Москвѣ запрещено просить милостыню всѣмъ тѣмъ нищимъ, которыхъ встрѣчаешь въ Москвѣ по нѣскольку на каждой улицѣ, и шеренги которыхъ, во время службы, и особенно похоронъ, стоять у каждой церкви.

Но почему же нѣкоторыхъ ловятъ и запираютъ куда то, а другихъ оставляютъ? Этого я такъ и не могъ понять. Или есть между ними законные и незаконные нищіе, или ихъ такъ много, что всѣхъ нельзя переловить, или однихъ забираютъ, а другіе вновь набираются?

Нищихъ въ Москвѣ много всякихъ сортовъ: есть такіе, что этимъ живутъ; есть и настоящіе нищіе, такіе, что почему-нибудь попали въ Москву и точно въ нуждѣ.

Изъ этихъ нищихъ бываютъ часто простые мужики и бабы въ крестьянской одеждѣ. Я часто встрѣчалъ такихъ. Нѣкоторые изъ нихъ заболѣли здѣсь и вышли изъ больницы, и не могутъ ни кормиться, ни выбраться изъ Москвы. Нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ того, и загуливали (таковъ былъ, вѣроятно, и тотъ больной водянойкой). Нѣкоторые были не больные, но погорѣвшие или старые, или бабы съ дѣтьми; нѣкоторые же были и совсѣмъ здоровые, способные работать. Эти совсѣмъ здоровые мужики, просившіе милостыню, особенно занимали меня. Эти здоровые, способные къ работѣ мужики-нищие занимали меня еще и потому, что со времени моего прѣзда въ Москву, я сдѣлалъ себѣ привычку, для моціона ходить работать на Воробьевы горы съ двумя мужиками, пилившими тамъ дрова. Два эти мужика были совершенно такие же нищие, какъ и тѣ, которыхъ я встрѣчалъ по улицамъ. Одинъ былъ Петръ, солдатъ, калужскій, другой — мужикъ, Семень, владимірскій. У нихъ ничего не было, кромѣ платя на тѣлѣ и рукъ. И руками этими они зарабатывали, при очень тяжелой работѣ, отъ 40 до 45 копѣекъ въ день, изъ которыхъ они оба откладывали, — калужскій откладывалъ на шубу, а владимірскій на то, чтобы собрать денегъ на отѣздъ въ деревню. Встрѣчая поэтому такихъ же людей на улицахъ, я особенно интересовался ими.

Почему тѣ работаютъ, а эти просятъ?

Встрѣчая такого мужика, я обыкновенно спрашивалъ, какъ онъ дошелъ до такого положенія? Встрѣчаю разъ мужика съ просѣдью въ бородѣ, здороваго. Онъ проситъ: спрашиваю его, кто онъ, откуда? Онъ говоритъ, что пришелъ на заработки изъ Калуги. Сначала нашли работу — рѣзать старье въ дрова. Перерѣзали все съ товарищемъ у одного хозяина; искали другой работы, не нашли, товарищъ отбился, и вотъ онъ бьется такъ вторую недѣлю, пробѣлъ все, что было, — ни пилы, ни колуна не на что купить. Я даю деньги на пилу и указываю ему мѣсто, куда приходите работать. Я впередъ уже уговаривался съ

Петромъ и Семеномъ, чтобы они приняли товарища и подыскали ему пару.

— Смотри же, приходи. Тамъ работы много.

— Приду, какъ не придти! Развѣ охота, говорить, побираться. Я работать могу.

Мужикъ клянется, что придетъ, и мнѣ кажется, что онъ не обманывается, а имѣетъ намѣреніе придти.

На другой день прихожу къ знакомымъ мнѣ мужикамъ. Спрашиваю, приходитъ ли мужикъ? — Не приходитъ. И такъ нѣсколько человекъ обманули меня. Обманывали меня и такіе, которые говорили, что имъ нужно только денегъ на билетъ, чтобы уѣхать домой, и черезъ недѣлю попадались мнѣ опять на улицѣ. Многихъ изъ нихъ я призналъ уже, и они признали меня, и иногда, забывъ меня, повторяли мнѣ тотъ же обманъ, а иногда уходили, завидѣвъ меня. Такъ я увидалъ, что въ числѣ и этого разряда есть много обманщиковъ; но и обманщики эти были очень жалки; все это были полураздѣтые, бѣдные, худые, болѣзненные люди; это были тѣ самые, которые дѣйствительно замерзаютъ или вѣнаются, какъ мы знаемъ по газетамъ.

II.

Когда я говорилъ про эту городскую нищету съ городскими жителями, мнѣ всегда говорили: О! это еще ничего, все то, что вы видѣли. А вы пройдите на Хитровъ рынокъ и въ тамошніе ночлежные дома. Тамъ вы увидите настоящую золотую роту». Одинъ шутникъ говорилъ мнѣ, что это теперь уже не рота, а золотой полкъ: такъ ихъ много стало. Шутникъ былъ правъ, но онъ бы былъ еще справедливѣе, если бы сказалъ, что этихъ людей теперь въ Москвѣ не рота и не полкъ, а ихъ цѣлая армія, думаю, около 50 тысячъ. И мнѣ хотѣлось видѣть эту всю нищету, про которую мнѣ говорили. Нѣсколько разъ я направлялся въ сторону Хитрова рынка, но всякій разъ мнѣ становилось жутко и совѣстно. «Зачѣмъ я пойду смотрѣть на страданія людей, которымъ я не могу по-

мочь?»—говорилъ одинъ голосъ. «Нѣтъ, если ты живешь здѣсь и видишь всё прелести городской жизни, поди, посмотри и на это»,—говорилъ другой голосъ.

И вотъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ третьяго года, въ морозный и вѣтренный день, я пошелъ къ этому центру городской нищеты, къ Хитрову рынку. Это было въ будни, часу въ четвертомъ. Уже идя по Солянкѣ, я сталъ замѣчать больше и больше людей въ странныхъ, не своихъ одеждахъ и въ еще болѣе странной обуви, людей съ особеннымъ нездоровымъ цвѣтомъ лица и, главное, съ особеннымъ, общимъ имъ всеѣмъ пренебреженіемъ ко всему окружающему. Въ самой странной, ни на что не похожей одеждѣ, человекъ шелъ совершенно свободно, очевидно, безъ всякой мысли о томъ, какимъ онъ можетъ представляться другимъ людямъ. Всѣ эти люди направлялись въ одну сторону. Не спрашивая дороги, которую я не зналъ, я шелъ за ними и вышелъ на Хитровъ рынокъ. На рынокѣ такія же женщины въ оборванныхъ капотахъ, сапогахъ, кофтахъ, сапогахъ и калошахъ и столь же свободныя, несмотря на уродство своихъ одеждъ, старыя и молодыя, сидѣли, торговали чѣмъ-то, ходили и ругались. Народу на рынокѣ было мало. Очевидно, рынокъ отошелъ, и большинство людей шло въ гору, мимо рынка и чрезъ рынокъ, все въ одну сторону. Я пошелъ за ними. Чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ больше сходилось все такихъ же людей по одной дорогѣ. Пройдя рынокъ и идя вверхъ по улицѣ, я догналъ двухъ женщинъ; одна старая, другая молодая. Обѣ въ чемъ то оборванномъ и сѣромъ. Онѣ шли и говорили о какомъ-то дѣлѣ.

Послѣ каждаго нужнаго слова произносилось одно или два ненужныхъ, самыхъ неприличныхъ словъ. Онѣ были не пьяны, чѣмъ-то были озабочены, и шедше навстрѣчу и сзади, и спереди мужчины не обращали на эту ихъ странную для меня рѣчь никакого вниманія. Въ этихъ мѣстахъ, видно, всегда такъ говорили. Налѣво были частныя ночлежныя дома, и нѣкоторые завернули туда, другіе шли дальше. Взойдя на гору, мы подошли къ угловому большому дому. Большинство людей, шедшихъ со мною,

остановилось у этого дома. По всему тротуару этого дома стояли и сидѣли на тротуарѣ и на снѣгу улицы все такіе же люди. Съ правой стороны входной двери — женщины, съ лѣвой — мужчины. Я прошелъ мимо женщинъ, прошелъ мимо мужчинъ (всѣхъ было нѣсколько сотъ) и остановился тамъ, гдѣ кончилась ихъ веренища. Домъ, у котораго дожидались эти люди, былъ Ляпинскій бесплатный ночлежный домъ. Толпа людей были ночлежники, ожидающіе впуска. Въ 5 часовъ вечера отворяютъ и впускаютъ. Сюда-то шли почти всѣ тѣ люди, которыхъ я обгонялъ.

Я остановился тамъ, гдѣ кончилась веренища мужчинъ. Ближайшіе ко мнѣ люди стали смотреть на меня и притягивали меня своими взглядами. Остатки одежды, покрывавшихъ эти тѣла, были очень разнообразны. Но выраженіе всѣхъ взглядовъ этихъ людей, направленныхъ на меня, было совершенно одинаково. Во всѣхъ взглядахъ было выраженіе вопроса: зачѣмъ — ты человекъ изъ другого міра — остановился тутъ, подлѣ насъ? Кто ты? Самодовольный ли богачъ, который хочетъ порадоваться на нашу нужду, развлечься отъ своей скуки и еще помучить насъ, или ты то, что не бываетъ и не можетъ быть, — человекъ, который жалѣетъ насъ? На всѣхъ лицахъ былъ этотъ вопросъ. Взглянетъ, встрѣтится глазами и отвернется. Мнѣ хотѣлось заговорить съ кѣмъ-нибудь, и я долго не рѣшался. Но пока мы молчали, уже взгляды наши сблизили насъ. Какъ ни раздѣлила насъ жизнь, послѣ двухъ, трехъ встрѣчъ взглядовъ, мы почувствовали, что мы оба люди, и перестали болѣть другъ друга. Ближе всѣхъ ко мнѣ стоялъ мужикъ съ опухшимъ лицомъ и рыжей бородой, въ прорванномъ кафтанѣ и стоптанныхъ калошахъ на босу ногу. А было 8 градусовъ мороза. Въ третій или четвертый разъ я встрѣтился съ нимъ глазами и почувствовалъ такую близость съ нимъ, что ужъ не то, что совѣстно было заговорить съ нимъ, но совѣстно было не сказать чего-нибудь. Я спросилъ, откуда онъ? Онъ охотно отвѣтилъ и заговорилъ; другіе приблизились. Онъ смоленскій, пришелъ искать работы на хлѣбъ и на

подати. «Работы, говорить, нѣтъ, солдаты нынче всю работу отбили. Вотъ и мотаюсь теперь: вѣрьте Богу, не ѣлъ два дня», сказалъ онъ робко съ попыткой улыбки. Сбитенщикъ, старый солдатъ, стоялъ тутъ. Я подозвалъ. Онъ налилъ сбитня. Мужикъ взялъ горячій стаканъ въ руки и, прежде чѣмъ пить, стараясь не упустить даромъ тепло, грѣлъ объ него руки. Грѣя руки, онъ рассказывалъ мнѣ свои похождения. Похождения или рассказы про похождения почти все одни и тѣ же: была работишка, потомъ перевелась, а тутъ въ ночлежномъ домѣ украли кошелекъ съ деньгами и съ билетомъ. Теперь нельзя выдти изъ Москвы. Онъ рассказывалъ, что днемъ онъ грѣется по кабакамъ, кормится тѣмъ, что съѣдаетъ закуску (куски хлѣба въ кабакахъ); иногда дадутъ, иногда выгоняютъ; ночуетъ даромъ здѣсь, въ Ляпинскомъ домѣ. Ждетъ только обхода полицейскаго, который, какъ безпаспортнаго, заберетъ его въ острогъ и отправитъ по этапу на мѣсто жительства. «Говорять, въ четвергъ будетъ обходъ, сказалъ онъ, тогда заберутъ. Только бы до четверга добиться». Острогъ и этапъ представляются для него обѣтованной землей.

Пока онъ рассказывалъ, человекъ три изъ толпы подтвердили его слова и сказали, что они точно въ такомъ же положеніи.

Худой юноша, блѣдный, длинноносый, въ одной рубахѣ на верхней части тѣла, прорванной на плечахъ, и въ фуражкѣ безъ козырька, бочкомъ протерся ко мнѣ черезъ толпу. Онъ, не переставая, дрожалъ крупной дрожью, но старался улыбаться презрительно на рѣчи мужиковъ, полагая этимъ понасть въ мой тонъ, и глядѣлъ на меня. Я предложилъ и ему сбитню; онъ также, взявъ стаканъ, грѣлъ объ него руки, и только что началъ что-то говорить, какъ его оттѣснилъ большой, черный, горбоносый, въ рубахѣ ситцевой и желетѣ, безъ шапки. Горбоносый попросилъ тоже сбитня. Потомъ старикъ длинный, клиномъ борода, въ пальто, подпоясанъ веревкой и въ лаптяхъ, пьяный. Потомъ маленькій, съ опухшимъ лицомъ и съ слезящимися глазами, въ коричневомъ нанковомъ

пиджакѣ и съ голыми колышками, торчавшими въ дыры лѣтнихъ панталонъ, стучавшими другъ о друга отъ дрожи. Онъ не могъ удержать стаканъ отъ дрожи и пролилъ его на себя. Его стали ругать. Онъ только жалостно улыбался и дрожалъ. Потомъ кривой уродъ, въ лохмотьяхъ и опоркахъ на босу ногу; потомъ что-то офицерское, потомъ что-то духовнаго званія, потомъ что-то странное, безносое, — все это голодное и холодное, умоляющее и покорное тѣснилось вокругъ меня и жалось къ сбитню. Сбитень выпили. Одинъ попросилъ денегъ; я далъ. Попросилъ другой, третій, и толпа осадилла меня. Сдѣлалось замѣшательство, давка. Дворникъ сосѣдняго дома крикнулъ на толпу, чтобы очистили тротуаръ противъ его дома, и толпа покорно исполнила его приказаніе. Явились распорядители изъ толпы и взяли меня подъ свое покровительство — хотѣли вывести изъ давки, но толпа, прежде растянута по тротуару, теперь вся разстроилась и прижалась ко мнѣ. Всѣ смотрѣли на меня и просили; и одно лицо было жалче, измученнѣе и униженнѣе другого. Я роздалъ все, что у меня было. Денегъ у меня было немного: что-то около 20 руб., и я съ толпою вмѣстѣ вошелъ въ ночлежный домъ.

Ночлежный домъ огромный. Онъ состоитъ изъ четырехъ отдѣленій. Въ верхнихъ этажахъ — мужскія, въ нижнемъ — женское. Сначала я вошелъ въ женское; большая комната вся занята койками, похожими на койки 3-го класса желѣзныхъ дорогъ. Койки расположены въ два этажа — наверху и внизу. Женщины, странныя, оборванные, въ однихъ платьяхъ, старыя и молодыя, входили и занимали мѣста, которыя внизу, которыя наверху. Нѣкоторыя старыя крестились и поминали того, кто устроилъ этотъ пріютъ, нѣкоторыя смѣялись и ругались. Я прошелъ наверхъ. Тамъ также размѣщались мужчины; между ними я увидалъ одного изъ тѣхъ, которымъ я давалъ деньги.

III.

Въ тотъ же вечеръ, когда я вернулся изъ Ляпинскаго дома, я рассказывалъ свое впечатлѣннѣе одному пріятелю. Пріятель — городской житель — началъ говорить мнѣ что это самое естественное городское явленіе, что я только по провинциализму своему вижу въ этомъ что-то особенное, что всегда это такъ было и будетъ, что это должно такъ быть и есть неизбѣжное условіе цивилизаціи. Въ Лондонѣ еще хуже... стало быть, дурного тутъ ничего нѣтъ, и недовольнымъ этимъ быть нельзя. Я сталъ возражать своему пріятелю, но съ такимъ жаромъ и съ такою злобою, что жена прибѣжала изъ другой комнаты, спрашивая: что случилось? Оказалось, что я, самъ не замѣчая того, со слезами въ голосѣ кричалъ и махалъ руками на своего пріятеля. Я кричалъ: «такъ нельзя жить, нельзя такъ жить, нельзя!» Меня устыдили за мою ненужную горячность, сказали мнѣ, что я ни о чемъ не могу говорить спокойно, что я неприятно раздражаюсь, и, главное, доказали мнѣ то, что существованіе такихъ несчастныхъ никакъ не можетъ быть причиною того, чтобы отравлять жизнь своихъ близкихъ.

Я долженъ былъ согласиться, что это справедливо и замолчалъ; но въ глубинѣ души я чувствовалъ, что я правъ, и не могъ успокоиться.

И прежде уже чуждая мнѣ и странная городская жизнь теперь опротивѣла мнѣ такъ, что всѣ тѣ радости роскошной жизни, которыя прежде мнѣ казались радостями, стали для меня мученіемъ. И какъ я ни старался найти въ своей душѣ хоть какія-нибудь оправданія нашей жизни, я не могъ безъ раздраженія видѣть ни своей, ни чужой гостинной, ни чисто, барски накрытаго стола, ни экипажа, сытаго кучера и лошадей, ни магазиновъ, театровъ, собраний. Я не могъ не видѣть рядомъ съ этимъ голодныхъ, холодныхъ и униженныхъ жителей Ляпинскаго дома. И не могъ отдѣлаться отъ мысли, что эти двѣ вещи связаны, что одно происходитъ отъ другого. Помню, что,

какъ мнѣ сказалося въ первую минуту это чувство моей виновности, такъ оно и осталось во мнѣ, но къ этому чувству очень скоро подмѣшалось другое и заслонило его.

Когда я говорилъ про свое впечатлѣннѣе Ляпинскаго дома моимъ близкимъ друзьямъ и знакомымъ, всѣ мнѣ отвѣчали то же, что и мой первый пріятель, съ которымъ я сталъ кричать; но, кромѣ того, выражали еще одобреніе моей добротѣ и чувствительности и давали мнѣ понимать, что зрѣлище это такъ особенно подѣйствовало на меня только потому, что я, Левъ Николаевичъ, очень добрѣ и хорошѣ. И я охотно повѣрилъ этому. И не успѣлъ я оглянуться, какъ, вмѣсто чувства упрека и раскаянія, которое я испыталъ сначала, во мнѣ уже было чувство довольства передъ своей добродѣтелью и желаніе высказать ее людямъ.

Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ я себѣ, виноватъ тутъ не я собственно своей роскошною жизнью, а виноваты необходимыя условія жизни. Вѣдь измѣненіе моей жизни не можетъ поправить то зло, которое я видѣлъ. Измѣняя свою жизнь, я сдѣлаю несчастнымъ только себя и своихъ близкихъ, а тѣ несчастія останутся такия же.

И потому задача моя не въ томъ, чтобы измѣнить свою жизнь; какъ это мнѣ показалось сначала, а въ томъ, чтобы содѣйствовать, насколько это въ моей власти, улучшенію положенія тѣхъ несчастныхъ, которые вызвали мое состраданіе. Все дѣло въ томъ, что я очень добрый, хороший человекъ и желаю дѣлать добро ближнимъ. И я сталъ обдумывать планъ благотворительной дѣятельности, въ которой я могу выказать всю мою добродѣтель. Долженъ сказать, однако, что и обдумывая эту благотворительную дѣятельность, въ глубинѣ души я все время чувствовалъ, что это не то; но какъ это часто бываетъ, дѣятельность разсудка и воображенія заглушила во мнѣ этотъ голосъ совѣсти. Въ это время случилася перепись. Это показалось мнѣ средствомъ для учрежденія той благотворительности, въ которой я хотѣлъ выказать мою добродѣтель. Я зналъ про многія благотворительныя учреж-

денія и общества, существующія въ Москвѣ, но вся дѣятельность ихъ казалась мнѣ и ложно направленной, и ничтожной въ сравненіи съ тѣмъ, что я хотѣлъ сдѣлать. И я придумалъ слѣдующее: вызвать въ богатыхъ людяхъ сочувствіе къ городской нищетѣ, собрать деньги, набрать людей, желающихъ содѣйствовать этому дѣлу, вмѣстѣ съ переписью обойти всѣ притоны бѣдности и, кромѣ работы переписи, войти въ общеніе съ несчастными, узнать подробности ихъ нужды и помочь имъ деньгами, работой, высылкой изъ Москвы, помѣщеніемъ дѣтей въ школы, стариковъ и старухъ въ приюты и богадѣльни. Мало того, я думалъ, что изъ тѣхъ людей, которые займутся этимъ, составитя постоянное общество, которое, раздѣливъ между собой участки Москвы, будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы бѣдность и нищета эта не зарождались; будетъ постоянно, въ началѣ еще зарожденія ея, уничтожать ее; будетъ исполнять обязанность не столько лѣченія, сколько гигиены городской бѣдности. Я воображалъ уже себѣ, что, не говоря о нищихъ, просто нуждающихся не будетъ въ городѣ, и что все это сдѣлаю я и что мы всѣ, богатые, будемъ послѣ этого спокойно сидѣть въ своихъ гостиныхъ и кушать обѣдъ изъ 5 блюдъ и ѣздить въ каретахъ въ театры и собранія, не смущаясь болѣе такими зрѣлищами, какія я видѣлъ у Ляпинскаго дома.

Составивъ себѣ этотъ планъ, я написалъ статью объ этомъ, и прежде еще, чѣмъ отдать ее въ печать, пошелъ по знакомымъ, отъ которыхъ надѣялся получить содѣйствіе. Всѣмъ, кого я видалъ въ этотъ день (я обращался особенно богатымъ), я говорилъ одно и то же, почти то же, что я написалъ потомъ въ статьѣ: я предлагалъ воспользоваться переписью для того, чтобы узнать нищету въ Москвѣ и помочь ей дѣломъ и деньгами и сдѣлать такъ, чтобы бѣдныхъ не было въ Москвѣ, и мы, богатые, съ покойною совѣстью могли бы пользоваться привычными намъ благами жизни. Всѣ слушали меня внимательно и серьезно, но при этомъ, со всѣми безъ исключенія, происходило одно и то же: какъ только слушатели понимали въ чемъ дѣло, имъ становилось какъ будто неловко, и

немножко совѣстно. Имъ было какъ будто совѣстно и преимущественно за меня, за то, что я говорю глупости, но такія глупости, про которыя никакъ нельзя прямо сказать, что это глупости. Какъ будто какая-то вѣщная причина обязывала слушателей потакнуть этой моей глупости.

— Ахъ, да! Разумѣется. Это было бы очень хорошо, — говорили мнѣ. — Само собой разумѣется, что этому нельзя не сочувствовать. Да, мысль ваша прекрасная. Я самъ, или сама, думалъ это, но... у насъ такъ вообще равнодушны, что едва ли можно рассчитывать на большой успѣхъ... Впрочемъ, я, съ своей стороны, разумѣется, готовъ, или готова, содѣйствовать.

Подобное этому говорилъ мнѣ всѣ. Всѣ соглашались, но соглашались, какъ мнѣ казалось, не вслѣдствіе моего убѣжденія, и не вслѣдствіе своего желанія, а вслѣдствіе какой-то вѣщней причины, не позволявшей не согласиться. Я замѣтилъ это уже потому, что ни одинъ изъ обѣщавшихъ мнѣ свое содѣйствіе деньгами, ни одинъ самъ не опредѣлялъ суммы, которую онъ намѣренъ дать, такъ что я самъ долженъ былъ опредѣлить ее и спрашивать: «такъ могу я рассчитывать на васъ до 300, или 200, или 100, 25 руб.?» — и ни одинъ не далъ денегъ. Я отмѣчаю это потому, что когда люди даютъ деньги на то, чего сами желаютъ, то, обыкновенно, торопятся дать деньги. На ложу Сары Бернаръ сейчасъ даютъ деньги въ руки, чтобы закрѣпить дѣло. Здѣсь же изъ всѣхъ тѣхъ, которые соглашались дать деньги и выражали свое сочувствіе, ни одинъ не предложилъ сейчасъ же дать деньги, но только молчаливо соглашался на ту сумму, которую я опредѣлялъ. Въ послѣднемъ домѣ, въ которомъ я былъ въ этотъ день вечеромъ, я случайно засталъ большое общество. Хозяйка этого дома уже нѣсколько лѣтъ занимается благотворительностью. У подъѣзда стояло нѣсколько каретъ, въ передней сидѣло нѣсколько лакеевъ въ дорожныхъ ливреяхъ. Въ большой гостиной, за двумя столами и лампами, сидѣли одѣтыя въ дорогіе наряды и съ дорожными украшениями дамы и дѣвицы и одѣвали маленькія

куколь; нѣсколько молодыхъ людей было тутъ же, около дамъ. Куклы, сработанныя этими дамами, должны были быть разыграны въ лотерею для бѣдныхъ.

Видъ этой гостиниой и людей, собравшихся въ ней, очень непріятно поразилъ меня. Не говоря о томъ, что состояніе людей, собравшихся здѣсь, равнялось нѣсколькимъ милліонамъ, не говоря о томъ, что проценты съ одного того капитала, который былъ затраченъ здѣсь на платья, кружева, бронзы, брошки, кареты, лошадей, ливреи, лакеевъ, были бы во сто разъ больше того, что выработаютъ всѣ эти дамы, — не говоря объ этомъ, тѣ расходы, поѣздки сюда всѣхъ этихъ дамъ и господъ, перчатки, бѣлье, переѣздъ, свѣчи, чай, сахаръ, печенье — хозяйкѣ стоили во сто разъ больше того, что здѣсь сработаютъ. Я видѣлъ все это и потому могъ бы понять, что здѣсь-то я ужъ не найду сочувствія своему дѣлу; но я пріѣхалъ, чтобы сдѣлать свое предложеніе, и, какъ ни тяжело мнѣ это было, я сказалъ то, что хотѣлъ (я говорилъ почти все то же, что написалъ въ своей статьѣ).

Изъ бывшихъ тутъ людей одна особа предложила мнѣ денегъ, сказавъ, что сама по бѣднымъ идти не чувствуетъ себя въ силахъ по своей чувствительности, но денегъ дать; сколько денегъ и когда она доставитъ ихъ, она не сказала. Другая особа и одинъ молодой человекъ предложили свои услуги хожденія по бѣднымъ; но я не воспользовался ихъ предложеніемъ. Главное же лицо, къ которому я обращался, сказала мнѣ, что нельзя будетъ сдѣлать многого, потому что средствъ мало. Средства же мало потому, что богатые люди Москвы всѣ уже на счету и у всѣхъ выпрошено все, что только можно, что уже всѣмъ этимъ благотворителямъ даны чины, медали и другія почести, что для успѣха денежнаго нужно выпросить какія-нибудь новыя почести отъ властей, и что это одно дѣйствительное средство, но что это очень трудно.

Вернувшись домой въ этотъ день, я легъ спать не только съ предчувствіемъ, что изъ моей мысли ничего не выйдетъ, но со стыдомъ и сознаніемъ того, что цѣлый этотъ день я дѣлалъ что-то очень гадкое и стыдное. Но я не

оставилъ этого дѣла. Во-первыхъ, дѣло было начато, и ложный стыдъ помѣшалъ бы мнѣ отказаться отъ него; во-вторыхъ, не только успѣхъ этого дѣла, но самое занятіе имъ давало мнѣ возможность продолжать жить въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ я жилъ; неуспѣхъ же подвергалъ меня необходимости отреченія отъ своей жизни и исканія новыхъ путей жизни. А этого я безсознательно боялся. И я не повѣрилъ внутреннему голосу и продолжалъ начатое.

Отдавъ въ печать свою статью, я прочелъ ее по корректурѣ въ Думѣ. Я прочелъ ее, краснѣя и запинаясь, — такъ мнѣ было неловко. Такъ же неловко было, я видѣлъ, и всѣмъ слушателямъ. На вопросъ мой, по окончаніи чтенія о томъ, принимаютъ ли руководители переписи предложеніе мое оставаться на своихъ мѣстахъ, для того, чтобы быть посредниками между обществомъ и нуждающимися, произошло неловкое молчаніе. Потомъ два оратора сказали рѣчи. Рѣчи эти какъ бы поправили неловкость моего предложенія; выражено было мнѣ сочувствіе но указано было на неприменимость моей одобряемой всѣми мысли. Всѣмъ стало легче. Но когда я потомъ, все-таки желая добиться своего, спрашивалъ у руководителей порознь: согласны ли они при переписи изслѣдовать нужды бѣдныхъ и оставаться на своихъ мѣстахъ, чтобы служить посредниками между бѣдными и богатыми, имъ всѣмъ опять стало неловко. Какъ будто они взглядами говорили мнѣ: вѣдь, вотъ, смазали изъ уваженія къ тебѣ твою глупость; а ты опять съ ней лѣзешь! Такое было выраженіе ихъ лицъ; но на словахъ они сказали мнѣ, что согласны; и двое изъ нихъ, каждый порознь, какъ будто сговорились, одними и тѣми же словами сказали: «мы считаемъ себя нравственно обязанными это сдѣлать». То же самое впечатлѣніе произвело мое сообщеніе и на студентовъ-счетчиковъ, когда я имъ говорилъ о томъ, что мы во время переписи, кромѣ цѣли переписи, будемъ преслѣдовать цѣль благотворительности. Когда мы говорили про это, я замѣчалъ, что имъ какъ будто совѣстно смотреть мнѣ въ глаза, какъ совѣстно смотрѣть въ глаза

№ 0632

доброму человѣку, говорящему глупости. Такое же впечатлѣніе произвела моя статья на редактора газеты, когда отдалъ я ему статью, на моего сына, на мою жену, на самыхъ разнообразныхъ лицъ. Всѣмъ почему-то становилось неловко, но всѣ считали необходимымъ одобрить самую мысль, и всѣ тотчасъ послѣ этого одобрѣнія начинали высказывать свои сомнѣнія въ успѣхъ и начинали почему-то (но всѣ безъ исключенія) осуждать равнодушіе и холодность нашего общества и всѣхъ людей, очевидно, кромѣ себя.

Въ глубинѣ души я продолжалъ чувствовать, что все это не то, что изъ этого ничего не выйдетъ; но статья была напечатана, и я взялся участвовать въ переписи: я затѣялъ дѣло, и дѣло само ужъ затянуло меня.

IV.

Мнѣ назначили для переписи, по моей просьбѣ, участокъ Хамовнической части, у Смоленскаго рынка, по Проточному переулку, между Береговымъ проѣздомъ и Никольскимъ переулкомъ. Въ этомъ участкѣ находятся дома, называемые вообще Ржановъ домъ, или Ржановская крѣпость. Дома эти принадлежали когда-то купцу Ржанову, теперь же принадлежатъ Зимнимъ. Я давно уже слышалъ про это мѣсто, какъ про притонъ самой страшной нищеты и разврата, и потому просилъ учредителей переписи назначить меня въ этотъ участокъ.

Желаніе мое было исполнено.

Получивъ распоряженіе Думы, я за нѣсколько дней до переписи, одинъ пошелъ обходить свой участокъ. По плану который мнѣ дали, я тотчасъ же нашелъ Ржанову крѣпость.

Я зашелъ съ Никольскаго переулка. Никольскій переулокъ кончается съ лѣвой стороны мрачнымъ домоу безъ выходящихъ на эту сторону воротъ; по виду этого дома я догадался, что это и есть Ржановская крѣпость.

Спускаясь подъ гору по Никольской улицѣ я поров-

нялся съ мальчиками, отъ 10 до 14 лѣтъ, въ кофточкахъ и пальтецахъ, катавшихъ кто на ногахъ, кто на одномъ конькѣ подъ гору по обледѣвшему стоку тротуара подлѣ этого дома. Мальчики были оборванные и, какъ всѣ городскіе мальчюки, бойкіе и смѣлые. Я остановился посмотреть на нихъ. Изъ-за угла вышла, съ желтыми обвѣшанными щеками, оборванная старуха. Она шла въ гору къ Смоленскому и страшно, какъ запаленная лошадь хрипѣла при каждомъ шагѣ. Поровнявшись со мной, она остановилась, переводя хрипящее дыханіе. Во всякомъ другомъ мѣстѣ эта старуха попросила бы у меня денегъ, но здѣсь она только заговорила со мной. «Види,—сказала она, указывая на катавшихъ мальчюковъ,—только баловаться! Такіе же ржановцы, какъ отцы, будутъ». Одинъ изъ мальчюковъ въ пальто и картузъ безъ козырька услыхалъ ея слова и остановился. «Что ругаешься?—закричалъ онъ на старуху.—Сама ржановская козюлиха!» Я спросилъ у мальчика: «а вы тутъ живете?»—«Да, и она тутъ. Она голенищи украдала!»—крикнулъ мальчикъ и, поднявъ впередъ ногу, покатила дальше. Старуха разразилась неприличнымъ матернымъ ругательствомъ, прерываемымъ кашлемъ. Съ горы въ это время, размахивая руками (въ одной была связка съ однимъ маленькимъ калачомъ и баранками), шелъ по срединѣ улицы бѣлый, какъ дунь, старикъ, весь въ дохмотьяхъ. Старикъ этотъ имѣлъ видъ человѣка, только-что подкрѣпившагося шкаликомъ. Онъ слышалъ, видно, брань старухи и взялъ ея сторону. «А васъ, чертенягъ, у!»—крикнулъ онъ на ребятъ, направляясь какъ будто на нихъ, и, обогнувъ меня, взомелъ на тротуаръ. Старикъ этотъ на Арбатѣ поражаетъ своею старостью, слабостью и нищетой. Здѣсь это былъ веселый работникъ, возвращающійся съ дневного труда.

Я пошелъ за старикомъ. Онъ загнулъ за уголъ палѣво въ Проточный переулокъ и, пройдя весь домъ и ворота, скрылся въ двери трактира.

На Проточный переулокъ выходятъ двое воротъ и нѣсколько дверей: трактира, кабака и нѣсколько съѣстныхъ

и других лавочекъ. Это—самая Ржанова крѣпость. Все здѣсь сѣро, грязно, вонюче—и строенія, и помѣщенія, и дворы, и люди. Большинство людей, встрѣтившихся мнѣ здѣсь, были оборванные и полураздѣтые. Одни проходили, другіе перебѣгали изъ дверей въ двери. Двое торговались о какомъ-то тряпѣ. Я обошелъ все строеніе съ Протоchnаго переулка и Берегового проѣзда и, вернувшись, остановился у воротъ одного изъ домовъ. Мнѣ хотѣлось зайти посмотрѣть, что дѣлается тамъ, въ серединѣ, но жутко было. Что я скажу, когда меня спросятъ, что мнѣ нужно? Поколебавшись, я вошелъ—таки. Какъ только я вошелъ во дворъ, я почувствовалъ отвратительную вонь. Дворъ былъ ужасно грязный. Я повернулъ за уголъ и въ ту же минуту услышалъ налѣво отъ меня, наверху, на деревянной галлерей топотъ шаговъ бѣгущихъ людей, сначала по доскамъ галлерей, а потомъ по ступенямъ лѣстницы. Прежде выбѣжала худая женщина съ засученными рукавами, въ слинявшемъ розовомъ платьѣ и ботинкахъ на босу ногу. Вслѣдъ за ней выбѣжалъ лохматый мужчина въ красной рубахѣ и очень широкихъ, какъ юбка, порткахъ, въ колошахъ. Мужчина подъ лѣстницей схватилъ женщину. «Не уйдешь!» проговорилъ онъ, смѣясь.— «Вишь, косоглазый чортъ!»—начала женщина, очевидно, польщенная этимъ преслѣдованіемъ, но увидала меня и злобно крикнула: «кого надо?» Такъ какъ мнѣ никого не надо было, я смутился и ушелъ. Удивительнаго тутъ ничего не было; но случай этотъ, послѣ того, что я видѣлъ съ той стороны двора—ругающуюся старуху, веселаго старика и катавшихся мальчишекъ,—вдругъ совершенно съ новой стороны показалъ мнѣ то дѣло, которое я затѣвалъ. Я понималъ тутъ въ первый разъ, что у всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, о которыхъ я хотѣлъ благотворительствовать, кромѣ того времени, когда они, страдая отъ холода и голода, ждутъ впуска въ домъ, есть еще время, которое они на что-нибудь да употребляютъ, есть еще 24 часа каждой сутки, есть еще цѣлая жизнь, о которой я прежде не думалъ. Я понималъ здѣсь въ первый разъ, что всѣ эти люди, кромѣ желанія укрыться отъ холода и на-

сытиться, должны еще жить какъ-нибудь тѣ 24 часа каждой сутки, которыя имъ приходится прожить такъ же, какъ и всякимъ другимъ. Я понималъ, что люди эти должны и сердиться, и скучать, и храбриться, и тосковать, и веселиться. Я, какъ ни странно это сказать, въ первый разъ ясно понималъ, что дѣло, которое я затѣвалъ, не можетъ состоять въ томъ только, чтобы накормить и одѣть тысячу людей, какъ бы накормить и загнать подъ крышу 1000 барановъ, а должно состоять въ томъ, чтобы сдѣлать доброе людямъ. И когда я понималъ, что каждый изъ этой тысячи людей такой же точно человекъ, съ такими же страстями, соблазнами, заблужденіями, съ такими же мыслями, такими же вопросами—такой же человекъ, какъ и я, то затѣянное мною дѣло вдругъ представилось мнѣ такъ трудно, что я почувствовалъ свое безсиліе. Но дѣло было начато, и я продолжалъ его.

V.

Въ первый назначенный день студенты-счетчики пошли съ утра, а я, благотворитель, пришелъ къ нимъ часовъ въ 12. Я не могъ придти раньше, потому что всталъ въ 10, потомъ пилъ кофе и курилъ, ожидая пищеваренія. Я пришелъ въ 12 часовъ къ воротамъ Ржановскаго дома. Городовой указалъ мнѣ трактиръ съ Берегового проѣзда, въ который счетчики велили придти всѣмъ, кто будетъ ихъ спрашивать. Я вошелъ въ трактиръ. Трактиръ очень темный, вонючій и грязный. Прямо стойка, налѣво комната со столами, покрытыми грязными салфетками, направо большая комната съ колоннами и такіе же столы у оконъ и по стѣнамъ; кое-гдѣ у столовъ за чаемъ мужчины, оборванные и прилично одѣтые, какъ рабочіе или мелкіе торговцы, и нѣсколько женщинъ. Трактиръ очень грязный; но сейчасъ видно, что трактиръ торгуетъ хорошо. Дѣловитое выраженіе лица приказчика за стойкой и расторопная готовность молодцовъ. Не успѣлъ я войти, какъ уже одинъ половой готовился

снять пальто и подать, что прикажутъ. Видно, что заведена привычка спѣшной и отчетливой работы. Я спросилъ про счетчиковъ. «Ваня!» крикнулъ маленький, по-нѣмецки одѣтый человекъ, что-то устанавливающий въ шкафу за стойкой. Это былъ хозяинъ трактира, калужский мужикъ, Иванъ Федотычъ, снимающій и половину квартиръ Зиминскихъ домовъ и сдающій ихъ жильцамъ. Подбѣжалъ половой, мальчикъ лѣтъ 18, худой, горбоносый, съ желтымъ цвѣтомъ лица. «Проводи барина къ счетчикамъ; они въ большой корпусъ, надъ колодцемъ, пошли». Мальчикъ бросилъ салфетку, надѣлъ пальто сверхъ бѣлой рубахи и бѣлыхъ штановъ и картузь большой съ козырькомъ, и, быстро сѣменя бѣлыми ногами, повелъ меня чрезъ заднія двери съ блокомъ. Въ сальной, вонючей кухнѣ и сѣняхъ мы встрѣтили старуху, которая бережно несла куда-то очень вонючую требуху въ тряпкѣ. Изъ сѣней мы спустились на покатый дворъ, весь застроенный деревянными, на каменныхъ нижнихъ этажахъ, постройками. Вонь на всемъ дворѣ была очень сильная. (Центромъ этой вонни былъ нудникъ, около котораго всегда, сколько разъ я ни проходилъ мимо него, торопились люди. Нудникъ не былъ самъ мѣстомъ испражнения, но онъ служилъ указаніемъ того мѣста, около котораго принято было обычаемъ испражняться. Проходя по двору, нельзя было не замѣтить этого мѣста; всегда тяжело становилось, когда входилъ въ ѣдкую атмосферу отдѣляющагося отъ него зловонія).

Мальчикъ, оберегая свои бѣлые панталоны, осторожно повелъ меня (мимо этого мѣста) по замерзшимъ и незамерзшимъ нечистотамъ и направился къ одной изъ построекъ. Проходившіе по двору и по галлереямъ люди всѣ останавливались посмотреть на меня. Очевидно, чисто одѣтый человекъ былъ въ этихъ мѣстахъ въ диковинку.

Мальчикъ спросилъ одну женщину: не видала ли она, гдѣ счетчики?—и человекъ три сразу отвѣчали на его вопросъ; одни говорили: надъ колодцемъ, а другіе говорили что были, но вышли и пошли къ Никитѣ Ивановичу. Старикъ въ одной рубахѣ, управляющійся около нудника,

сказалъ, что въ 30-мъ номерѣ. Мальчикъ рѣшилъ, что это свѣдѣніе самое вѣроятное и повелъ меня въ 30-й номеръ, подъ навѣсъ подвального этажа, въ мракъ и вонь, другую, чѣмъ та, которая была на дворѣ, мы сошли внизъ и пошли по земляному полу темнаго корридора. Когда мы проходили по корридору, одна дверь порывисто отворилась и изъ нея высунулся пьяный старикъ въ рубахѣ, вѣроятно, не изъ мужиковъ. Человекъ этого съ пронзительнымъ визгомъ гнала и толкала прачка засученными мыльными руками. Ваня, мой провожатый, отстранилъ пьянаго и сдѣлалъ ему выговоръ. «Не годится скандалничать такъ», сказалъ онъ. «Еще офицеръ!» И мы пришли къ двери 30-го номера. Ваня потянулъ ее. Дверь, чмокнувъ, отаплила, отворилась и на насъ пахнуло мыльными парами, ѣдкимъ запахомъ дурной ѣды и табаку, и мы вошли въ совершенный мракъ. Окна были на противоположной сторонѣ, а тутъ шли досчатые корридоры направо и налево, и двери подъ разными углами въ комнаты неровно забранными, крашенымъ водяною бѣлою краской тесомъ. Въ темной комнатѣ, налево, виднѣлась стирающая въ корытѣ женщина. Изъ одной двери направо выглядывала старушка. Въ другую отворенную дверь виденъ былъ обросшій краснорожій мужикъ въ лаптяхъ, сидѣвшій на нарахъ; онъ держалъ руки на колѣняхъ, помахивая ногами, обутыми въ лапти, и мрачно смотрѣлъ на нихъ.

Въ концѣ корридора была дверка, ведущая въ ту комнату, гдѣ были счетчики. Это была комнатка хозяйки всего 30-го номера; она снимала весь номеръ отъ Ивана Федотыча и сдавала его жильцамъ и ночлежникамъ. Въ этой крошечной ея комнаткѣ, подъ фольговымъ образомъ, сидѣлъ студентъ-счетчикъ съ карточками и, точно слѣдователь, допрашивалъ мужчину въ рубахѣ и жилетѣ. Это былъ пріятель хозяйки, за нее отвѣчавшій на вопросы. Тутъ же была хозяйка, старая женщина, и двое любопытныхъ изъ жильцовъ. Когда я вошелъ, то комната стала уже совершенно полна. Я протискался къ столу. Мы поговорились съ студентомъ, и онъ продолжалъ свой он-

рось. А я сталъ оглядывать и опрашивать жителей этой квартиры для моей цѣли.

Оказалось, что въ этой первой квартирѣ я не нашелъ ни одного человѣка, на котораго могла бы излиться моя благотворительность. Хозяйка, несмотря на поразившую меня послѣ тѣхъ палатъ, въ которыхъ я живу, бѣдность, малость и грязь квартиры, жила достаточно сравнительно даже съ городскими бѣдными жителями; въ сравненіи же съ деревенской бѣдностью, которую я зналъ твердо, она жила роскошно. У ней была пуховая постель, стеганое одѣяло, самоваръ, шуба, шкафъ съ посудой. Такой же достаточный видъ имѣлъ и другъ хозяйки. У него были часы съ пѣлочкой. Жильцы были бѣднѣе, но не было ни одного такого, который бы требовалъ немедленной помощи. Просили помощи: стиравшая бѣлье въ корытѣ, брошенная мужемъ женщина съ дѣтьми, старушка-вдова безъ средствъ къ жизни, какъ она сказала, и тотъ мужикъ въ лаптяхъ, который сказалъ мнѣ, что онъ не ѣлъ пынче. Но по разспросамъ оказалось, что всѣ эти лица не особенно нуждаются и что для того, чтобы помочь имъ, надо съ ними хорошенько познакомиться. Когда я предложилъ женщинѣ, брошенной мужемъ, помѣстить дѣтей въ пріютъ, она смѣшалась, задумалась, очень благодарила, но, очевидно, не желала этого, желала-бы лучше денежное пособіе. Старшая дѣвочка помогаетъ ей въ стиркѣ, а средняя нянчитъ мальчика. Старушка очень просилась въ богадѣльню, но, оглядѣвъ ея уголъ, я увидалъ, что старушка не бѣдствуетъ. У нея была сундучекъ съ имуществомъ, былъ чайникъ съ жестянымъ носкомъ, двѣ чашки и коробочки отъ моннасые съ чаемъ и сахаромъ. Она вязала чулки и перчатки и получала мѣсячное пособіе отъ благотворительницы. Мужикъ же, очевидно, нуждался не столько въ ѣдѣ, сколько въ похмѣльѣ, и все, что ему бы дали, пошло бы въ кабакъ. Такъ что въ этой квартирѣ не было такихъ, какими, я полагалъ, переполненъ весь домъ, такихъ, которыхъ бы я могъ осчастливить, давъ имъ денегъ. А были бѣдные, какъ мнѣ показалось, сомнительные. Я записалъ старушку, женщину съ дѣтьми и мужика и рѣшилъ, что

надо будетъ заняться и ими, но послѣ того, какъ я займусь тѣми особенно несчастными, которыхъ я ожидалъ встрѣтить въ этомъ домѣ. Я рѣшилъ, что въ помощи, которую мы будемъ подавать, нужна очередь: сначала самыя несчастныя, а потомъ уже этимъ. Но въ слѣдующей и слѣдующей квартирѣ было тоже самое, все такіе, которыхъ надо было подробнѣе изслѣдовать, прежде чѣмъ помогать имъ. Несчастныхъ же, такихъ, которымъ выдать деньги, и они изъ несчастныхъ сдѣлались бы счастливыми, такихъ не было. Какъ ни совѣстно это мнѣ сказать, я началъ испытывать разочарованіе въ томъ, что я не находилъ въ этихъ домахъ ничего похожаго на то, чего я ожидалъ. Я ожидалъ найти здѣсь особенныхъ людей, но когда я обошелъ всѣ квартиры, я убѣдился, что жители этихъ домовъ совсѣмъ не особенные люди, а точь въ точь такіе же люди, какъ и тѣ, среди которыхъ я жилъ. Точно такъ же, какъ и среди насъ, точно такъ же и между ними были болѣе или менѣе хорошіе, были болѣе или менѣе дурные, были болѣе или менѣе счастливые, были болѣе или менѣе несчастные. Несчастные были точно такіе же несчастные, какъ и несчастные среди насъ, т. е. такіе несчастные, несчастіе которыхъ не во вѣщныхъ условіяхъ, а въ нихъ самихъ, несчастіе такое, которое нельзя поправить какой бы то ни было бумажкой.

VI.

Жители этихъ домовъ составляютъ низшее городское населеніе, такое, котораго въ Москвѣ, вѣроятно, больше ста тысячъ. Тутъ, въ этомъ домѣ, есть представители этого населенія всякаго рода; тутъ маленькіе хозяева и мастера, сапожники, щеточники, столяры, токари, башмачники, портные, кузнецы; тутъ извозчики, сами по себѣ живущіе барышники и торговки, прачки, старьевщики, ростовщики, поденные и люди безъ опредѣленныхъ занятій, и тутъ же нище и распутныя женщины.

Здѣсь много тѣхъ самыхъ людей, которыхъ я видѣлъ у входа въ Лянинскій домъ, но эти люди разбросаны здѣсь

между рабочимъ народомъ. Да и кромѣ того, тѣхъ я видѣлъ въ самое ихъ несчастное время, когда проѣдено и пропито все, и они, холодные, голодные, гоняемые изъ трактировъ, ждуть, какъ манны небесной, впуска въ безплатный ночлежный домъ и оттуда въ обѣтованный острогъ для отправленія на мѣсто жительства; здѣсь же я видѣлъ этихъ среди большинства рабочихъ и въ то время, когда этимъ или другимъ средствомъ приобрѣтены 3 или 5 копѣекъ на ночлегъ и иногда рубли для пищи и питья.

И, какъ ни странно это сказать, я не испыталъ здѣсь не только ничего похожаго на то чувство, которое я испыталъ въ Ляпинскомъ домѣ, но, напротивъ, во время перваго обхода, и я, и студенты, мы испытали чувство, почти приятное, да и зачѣмъ я говорю: „почти приятное“. Это не правда; чувство, вызванное общеніемъ съ этими людьми, какъ ни странно это сказать, было прямо очень приятное чувство.

Первое впечатлѣніе было то, что большинство живущихъ здѣсь все рабочіе люди и очень добрые люди.

Большую половину жителей мы заставляли за работой: прачекъ подъ корытами, столяровъ за верстаками, сапожниковъ на своихъ стульяхъ. Тѣсныя квартиры были полны народомъ и шла энергическая, веселая работа. Пахло рабочимъ потомъ и у сапожника кожей, у столяра стружками: слышалась часто пѣсня и видѣлись засученныя мускулистыя руки, быстро и ловко дѣлавшія привычныя движенія. Встрѣчали насъ вездѣ весело и ласково. Почти вездѣ наше вторженіе въ обыденную жизнь этихъ людей не только не вызывало тѣхъ амбицій, желанія показать свою важность и отбрить, которое появленіе счетчиковъ производило въ большинствѣ квартиръ зажиточныхъ людей, не только не вызывало этого, но, напротивъ, на всѣ вопросы наши отвѣчали, какъ слѣдовало, не приписывая имъ никакого особеннаго значенія. Вопросы наши только служили для нихъ поводомъ повеселиться и подшутить о томъ, какъ кого въ счетъ класть, кого за двоихъ и гдѣ двоихъ за одного, и т. п.

Многихъ мы заставляли за обѣдомъ или чаемъ и вся-

кій разъ, на правѣтъ нашъ: «хлѣбъ да соль», или «чай да сахаръ», они отвѣчали «просимъ милости» и даже стонились, давая намъ мѣсто. Вмѣсто того притона постоянно перемѣняющагося населенія, которое мы думали найти здѣсь, оказалось, что въ этомъ домѣ было много квартиръ, въ которыхъ живутъ по-долгу. Одинъ столяръ съ рабочими и сапожникъ съ мастерами живутъ по десяти лѣтъ. У сапожника было очень грязно и тѣсно, но народъ весь за работой былъ очень веселый. Я попытался поговорить съ однимъ изъ рабочихъ, желая выпытать отъ него обѣдственность его положенія, задолжанія, но рабочий не понялъ меня и съ самой хорошей стороны отозвался о хозяинѣ и о своей жизни.

На одной квартирѣ жилъ старичокъ со старушкой. Они торгуютъ яблоками. Комнатка ихъ тепла, чиста и полна добромъ. На полу посланы соломенные щиты (плетенки); они берутъ ихъ въ яблочномъ складѣ. Сундуки, шкафъ, самоваръ, посуда. Въ углу образовъ много, теплятся двѣ лампы; на стѣнѣ завѣшаны простыней крытыя шубы. Старушка съ звѣздообразными морщинками, ласковая, говорливая, очевидно, сама радуется на свое тихое, благообразное житіе.

Иванъ Федотычъ, хозяинъ трактира и квартиръ, пришелъ изъ трактира и ходилъ съ ними. Онъ ласково шутилъ съ многими хозяевами квартиръ, называя всѣхъ по имени и отчеству, и дѣлалъ намъ ихъ краткія характеристики. Все были люди, какъ люди, Мартыны Семеновичи, Петры Петровичи, Марья Ивановны, — люди, не считавшіе себя несчастными, а считавшіе себя и дѣйствительно людьми, какъ всѣ люди.

Мы готовились увидать только одно ужасное, и вдругъ, вмѣсто этого ужаснаго намъ представилось не только не ужасное, но хорошее, такое, которое сильно вызывало наше уваженіе. И этихъ хорошихъ людей было такъ много, что оборванные, погибшіе, праздные люди, которые изрѣдка попадались среди нихъ, не нарушали главнаго впечатлѣнія.

Студентамъ это было не такъ поразительно, какъ мнѣ. Они просто шли исполнять дѣло полезное, какъ они думали, для науки, и, между тѣмъ, дѣлали случайныя наблюденія; но я былъ благотворитель — я шелъ съ тѣмъ, чтобъ помочь несчастнымъ, погибшимъ, развращеннымъ людямъ, которыхъ я предполагалъ встрѣтить въ этомъ домѣ. И вдругъ, вмѣсто несчастныхъ, погибшихъ, развращенныхъ, я видѣлъ большинство трудящихся, спокойныхъ, довольныхъ, веселыхъ, ласковыхъ и очень хорошихъ людей.

Особенно живо почувствовалось это мною, когда я встрѣчалъ въ этихъ квартирахъ ту самую вопиющую нужду, которой я собирался помогать.

Когда я встрѣчалъ эту нужду, я всегда находилъ, что она уже была покрыта, уже была подана та помощь, которую я хотѣлъ подать. Помощь эта была подана прежде меня, и подана кѣмъ же? Тѣми самыми несчастными, развращенными созданиями, которыхъ я собирался спасать, и подана такъ, какъ я бы не могъ подать.

Въ одномъ подвалѣ лежалъ одинокій старикъ, больной тифомъ. У старика никого не было. Женщина, вдова съ дѣвочкой, чужая ему, но сосѣдка по углу, ходила за нимъ и пила его чаемъ и покупала на свои деньги лѣкарства. Въ другой квартирѣ лежала женщина въ родильной горячкѣ. Женщина, жившая распутствомъ, качала ребенка, дѣлала ему соску, и два дня не выходила на свой промыселъ и должность. Дѣвочка, оставшаяся сиротой, была взята въ семью портного, у котораго своихъ было трое. Такъ что оставались тѣ несчастные, праздные люди, чиновники, писаря, лакеи безъ мѣстъ, нищѣ, пьяницы, распутныя женщины, дѣти, которымъ нельзя было помочь сразу деньгами, но которыхъ надо было узнать хорошенькъ, обдумать и пристроить. Я искалъ просто несчастныхъ, несчастныхъ отъ бѣдности, такихъ, которымъ можно помочь, подѣлившись съ ними нашимъ избыткомъ, и, какъ мнѣ казалось, по какой то особенной неудачѣ, такихъ не попадалось, а все попадались такіе несчастные, которымъ надо посвятить много времени и заботы.

VII.

Несчастные, которыхъ я записывалъ, сами собой раздѣлились въ моемъ представленіи на три отдѣла, именно: люди, потерявшіе свое прежнее выгодное положеніе и ожидающіе возвращенія къ нему (такіе люди были и изъ низшаго, и изъ высшаго сословія); потомъ, распутныя женщины, которыхъ очень много въ этихъ домахъ, и третій отдѣлъ — дѣти. Больше всѣхъ я нашелъ и записалъ людей перваго разряда, людей, потерявшихъ прежнее выгодное положеніе и желающихъ возвратиться къ нему. Людей такихъ, особенно изъ господскаго, чиновничьяго міра, очень много въ этихъ домахъ. Почти во всѣхъ квартирахъ, въ которыя мы входили съ хозяиномъ, Иваномъ Федотычемъ, онъ говорилъ намъ: «тутъ можно не записывать самимъ квартирной карты; тутъ есть человекъ, который все это можетъ, если только онъ нынче не выпивши».

И Иванъ Федотычъ вызывалъ по имени и отчеству этого человека, который и былъ всегда одинъ изъ этихъ падшихъ людей высшаго состоянія. На вызовы Ивана Федотыча гдѣ-нибудь изъ темнаго угла вылѣзала бывший богатый дворянинъ или чиновникъ, большею частью пьяный и всегда раздѣтый. Если онъ не былъ пьянъ, онъ всегда охотно брался за предлагаемое ему дѣло, значительно кивалъ головой, хмурилъ брови, вставлялъ свои замѣчанія съ учеными терминами, и съ осторожной нѣжностью держалъ въ трясущихся грязныхъ рукахъ чистенькую печатную карту на красной бумагѣ, и съ гордостью и презрѣніемъ оглядывался на своихъ сожителей, какъ бы горжествуя теперь передъ ними, столько разъ унижавшими его, свое превосходство образованія. Онъ, видимо, радовался обращенію съ тѣмъ міромъ, въ которомъ печатаются карты на красной бумагѣ, съ тѣмъ міромъ, въ которомъ онъ самъ когда-то. Почти всегда, на мои расспросы о его жизни, человекъ этотъ не только охотно, но съ увлече-

ниемъ начиналъ разсказывать затверженную, какъ молитву, исторію про тѣ несчастія, которымъ онъ подвергался и, главное, про то прежнее свое положеніе, въ которомъ онъ по своему воспитанію долженъ бы былъ находиться.

Такихъ людей очень много разбросано по всѣмъ угламъ Ржановскаго дома. Одна же изъ квартиръ силошъ занята одними ими, мужчинами и женщинами. Когда мы еще подходили къ нимъ. Иванъ Федотычъ сказалъ намъ: «ну, вотъ теперь дворянская. Квартира была вся полна: почти всѣ, человѣкъ сорокъ, были дома. Богѣе падшихъ, несчастныхъ и старыхъ, обрюзгшихъ, и молодыхъ, блѣдныхъ, растерянныхъ лицъ не было во всемъ домѣ. Я поговорилъ съ нѣкоторымъ изъ нихъ. Почти все одна и та же исторія, только въ разныхъ степеняхъ развитія. Каждый изъ нихъ богатъ; или отецъ, или братъ, или дядя его были, или теперь еще богаты: или отецъ его, или самъ онъ имѣли прекрасное мѣсто. Потомъ случилось несчастье, въ которомъ виноваты или завистники, или собственная доброта, или особенный случай, и вотъ онъ потерялъ все и долженъ погибать въ этой несвойственной, ненавистной ему обстановкѣ—во вшахъ, оборванный, съ пьяницами и развратниками, питаясь печенкой и хлѣбомъ и протягивая руку. Всѣ мысли, желанія, воспоминанія этихъ людей обращены только къ прошедшему. Настоящее представляется имъ чѣмъ-то несущественнымъ, отвратительнымъ и незаслуживающимъ вниманія. У каждаго изъ нихъ нѣтъ настоящаго. Есть только воспоминанія прошедшаго и ожиданія будущаго, которыя могутъ всякую минуту осуществиться и для осуществленія которыхъ нужно очень малаго, но этого-то малаго нѣтъ, негдѣ взять, и вотъ погибаетъ напрасно жизнь у одного первый годъ, у другого пятый, у третьяго тридцатый. Однимъ нужно вотъ только одѣться прилично, чтобы явиться къ извѣстному лицу, расположенному къ нему; другому только одѣться, расплатиться и доѣхать до Орла: третьему нужно выкупить только заложенное и хотѣ маленькія средства для продолженія процесса, который долженъ рѣшиться въ

его пользу, и тогда все будетъ опять хорошо. Они всѣ говорятъ, что нужно нужно только что-то внѣшнее для того, чтобы снова стать въ то положеніе, которое они считаютъ для себя естественнымъ и счастливымъ.

Если бы я не былъ отуманенъ своей гордостью добродѣтели, мнѣ стоило бы только немножко взглянуть въ ихъ молодыя и старыя, большей частью, слабыя, чувствительныя, по добрыя лица, чтобы понять, что несчастье ихъ непоправимо внѣшними средствами, что они ни въ какомъ положеніи не могутъ быть счастливы, если взглянуть ихъ на жизнь остается тотъ же, что они не какіе-нибудь особенные люди, а люди, которыми мы окружены со всѣхъ сторонъ, какіе мы сами. Я помню, что мнѣ особенно тяжело было общеніе съ этого рода несчастными. Теперь я понимаю, отчего это было; я въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, видѣлъ самого себя. Если-бъ я вдумался въ свою жизнь и въ жизнь людей нашего круга, я бы увидѣлъ, что между тѣми и другими нѣтъ существенной разницы.

Если тѣ, которые вокругъ меня живутъ теперь на большихъ квартирахъ и въ своихъ домахъ на Сивцевомъ Вражкѣ и на Дмитровкѣ, а не въ Ржановскомъ домѣ, ѣдятъ и пьютъ еще сладко, а не одну печенку и селедку съ хлѣбомъ, то это не мѣшаетъ имъ быть точно такими же несчастными. Точно также они недовольны своимъ положеніемъ, жалѣютъ о прошедшемъ и желаютъ лучшаго, и то лучшее положеніе, котораго они желаютъ, точно такое же, какъ и то, котораго желаютъ жители Ржановскаго дома, т.-е. такое, при которомъ можно меньше трудиться и больше пользоваться трудами другихъ. Разница только въ степени и времени. Если-бъ я вдумался тогда, я бы понялъ это; но я не вдумывался, а спрашивалъ этихъ людей и записывалъ ихъ, предполагая, узнавъ подробности ихъ разныхъ условій и нуждъ, помочь имъ *постъ*. Я не понималъ того, что помочь такому человѣку можно только тѣмъ, чтобы перемѣнить его міросозерцаніе. А чтобы перемѣнить міросозерцаніе другого человѣка, надо самому имѣть свое міросозерцаніе и жить сообразно съ нимъ, а у меня было такое же, какъ у нихъ, и я жилъ сооб-

разно съ тѣмъ міросозерцаніемъ, которое должно быть измѣнено для того, чтобы люди эти перестали быть несчастными.

Я не видѣлъ того, что люди эти несчастны не потому, что у нихъ нѣтъ, такъ сказать, питательной пищи, а потому, что желудокъ испортился, и что они ужъ требуютъ не питательной, а раздражающей аппетитъ пищи, я не видѣлъ того, что для того, чтобы помочь имъ, надо имъ не пищу, а надо вылѣчить ихъ испорченные желудки. Хоть этимъ я забѣгаю впередъ, но скажу здѣсь, что изъ всѣхъ этихъ людей, которыхъ я записалъ, я дѣйствительно не помогъ никому, несмотря на то, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ было сдѣлано то, чего они желали, и то, что казалось, могло бы поднять ихъ. Изъ нихъ мнѣ особенно извѣстны три человѣка. Всѣ три послѣ многократныхъ подъемовъ и паденій, теперь точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ они были три года тому назадъ.

VIII.

Второй разрядъ несчастныхъ, которымъ я тоже надѣялся помочь *постъ*, были распутныя женщины; такихъ женщинъ въ Ржановскомъ домѣ очень много всякихъ сортовъ — отъ молодыхъ и похожихъ на женщинъ, до старыхъ, страшныхъ и ужасныхъ, потерявшихъ образъ человѣческій. Надежда эта на помощь этимъ женщинамъ, которую я сначала и не имѣлъ въ виду, возникла во мнѣ послѣ слѣдующаго случая.

Это было въ серединѣ нашего обхода. У насъ уже работала нѣкоторая механическая споровка обращенія.

Входя въ новое помѣщеніе, мы тотчасъ же спрашивали хозяина квартиры; одинъ изъ насъ садился, очищая себѣ какое-нибудь мѣсто для записыванія, а другой ходилъ по угламъ и отдѣльно спрашивалъ каждаго человѣка по угламъ квартиры и передавалъ эти свѣдѣнія записывающему.

Войдя въ одну изъ квартиръ подвального этажа, студентъ пошелъ отыскивать хозяина, а я сталъ опрашивать всѣхъ бывшихъ въ квартирѣ. Квартира расположена такъ: въ серединѣ квадратной въ 6 аршинъ комнаты—печка. Отъ печки идутъ звѣздой четыре перегородки, образующія четыре каморки. Въ первой, проходной каморкѣ съ четырьмя койками было два человѣка — старикъ и женщина. Прямо послѣ этой — длиненькая каморка; въ ней хозяйнѣ, молодой, въ сѣрую суконную поддевку одѣтый, благообразный очень блѣдный мѣщанинъ. Палъво отъ перваго угла третья каморка; тамъ одинъ спящій, вѣроятно, пьяный мужчина и женщина въ розовой блузѣ, распушенной спереди и стянутой сзади. Четвертая каморка за перегородкой; въ нее ходъ изъ каморки хозяина.

Студентъ прошелъ въ каморку хозяина, а я остановился во входной каморкѣ и разспросилъ старика и женщину. Старикъ былъ мастеровой, печатникъ, теперь не имѣетъ средствъ къ жизни. Женщина — жена повара. Я прошелъ въ третью каморку и спросилъ у женщины въ блузѣ про спящаго человѣка. Она сказала, что это гость. Я спросилъ женщину — кто она? Она сказала, что московская крестьянка. — Чѣмъ занимаетесь? Она засмѣялась, не отвѣчая мнѣ. — Чѣмъ кормитесь? повторилъ я, думая, что она не поняла вопроса. — «Въ трактирѣ сижу», сказала она. Я не понялъ и вновь спросилъ: чѣмъ вы живете? Она не отвѣчала и смѣялась. Изъ четвертой каморки, въ которой мы еще не были, тоже засмѣялись женские голоса. Мѣщанинъ, хозяйнѣ, вышелъ изъ своей каморки и подошелъ къ намъ. Онъ, очевидно, слышалъ мои вопросы и отвѣты женщины. Онъ строго посмотрѣлъ на женщину и обратился ко мнѣ: „*проститутка*“, сказалъ онъ, очевидно, довольный тѣмъ, что онъ знаетъ это слово, употребляемое въ правительственномъ языкѣ, и правильно произносить его. И, сказавъ это, съ чуть замѣтной почтительной улыбкой удовольствія, обращенной ко мнѣ, онъ обратился къ женщинѣ. И какъ только онъ обратился къ ней, такъ все лицо его измѣнилось. Особенной презрительной скороговоркой, какъ говорятъ съ

собакой, не глядя на нее, онъ сказалъ ей: «что болтать зря: «въ трактирѣ сижу!» Въ трактирѣ сидишь, значитъ, и говоришь дѣло, проститутка», — еще разъ повторилъ онъ это слово. Себѣ имени не знаетъ, тоже»...

Тонъ этотъ оскорбилъ меня.

— Намъ ее срамить не приходится, — сказалъ я. — Кабы мы всѣ по Божьи жили, и ихъ бы не было.

— Да, ужъ это такое дѣло, — сказалъ хозяинъ неестественно улыбаясь.

— Такъ намъ ихъ не укорять, а жалѣть надо. Развѣ онѣ виноваты?

Не помню, какъ я именно сказалъ, но помню, что меня возмутилъ презрительный тонъ этого молодого хозяина квартиры, полной женщинами, которыхъ онъ называлъ проститутками, и мнѣ жалко стало этой женщины, и я выразилъ и то, и другое. Только что я сказалъ это, какъ изъ той каморки, изъ которой слышался смѣхъ, зашкрипѣли доски кроватей и надъ перегородкой, не доходившей до потолка, поднялась одна спутанная женская курчавая голова съ маленькими запухшими глазами и глядovitо-краснымъ лицомъ, а вслѣдъ за ней другая и еще третья. Онѣ, видно, встали на свои кровати и всѣ три вытянули шею и, сдерживая дыханіе, съ напряженнымъ вниманіемъ, молча, смотрѣли на насъ.

Произошло смущенное молчаніе. Студентъ, улыбавшійся передъ этимъ, сталъ серьезенъ; хозяинъ смутился и опустилъ глаза. Женщины всѣ не переводили дыханія, смотрѣли на меня и ждали. Я былъ смущенъ болѣе всѣхъ. Я никакъ не ожидалъ, чтобы случайно брошенное слово прозвело такое дѣйствіе. Точно поле смерти, усыпанное мертвыми костями, дрогнуло бы отъ прикосновенія духа, а мертвые кости бы зашевелились. Я сказалъ необходимое слово любви и сожалѣнія, и слово это подѣйствовало на всѣхъ такъ, какъ будто всѣ только и ждали этого слова, чтобы перестать быть трупами и ожить. Онѣ всѣ смотрѣли на меня и ждали, что будетъ дальше. Онѣ ждали, чтобъ я сказалъ тѣ слова и сдѣлалъ тѣ дѣла, отъ которыхъ кости бы эти стали сблпжаться, обростать

плотью и оживляться. Но я чувствовалъ, что у меня нѣтъ такихъ словъ, нѣтъ такихъ дѣлъ, которыми бы я могъ продолжать начатое; я чувствовалъ въ глубинѣ души, что я солгалъ, что мнѣ дальше говорить нечего, и я сталъ записывать въ карточки имена и званія всѣхъ лицъ въ этой квартирѣ. Этотъ случай навелъ меня на мысль о томъ, что можно помочь и этимъ несчастнымъ. Мнѣ тогда въ моемъ самообольщеніи казалось, что это очень легко. Я говорилъ себѣ: вотъ мы запишемъ и этихъ женщинъ и *послѣ* мы (кто такіе эти *мы*, я не отдавалъ себѣ отчета), когда все запишемъ, займемся этимъ. Я воображалъ, что мы, тѣ самые, которые приводили и приводимъ этихъ женщинъ въ это состояніе въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, въ одинъ прекрасный день вздумаемъ и сейчасъ же поправимъ все это. А между тѣмъ, хоть вспоминая только мой разговоръ съ той распутной женщиной, которая качала ребенка больной родильницы, я бы могъ понять все безуміе такого предположенія.

Когда мы увидали эту женщину съ ребенкомъ, мы думали, что это ея ребенокъ. Она на вопросъ: кто она? прямо сказала, что она — дѣвка. Она не сказала: проститутка. Только мѣщанинъ, хозяинъ квартиры, употребилъ это страшное слово. Предположеніе о томъ, что у нея есть ребенокъ, дало мнѣ мысль вывести ее изъ ея положенія. Я спросилъ:

— Это ребенокъ вашъ?

— Нѣтъ, это вотъ той женщины.

— Отчего же вы его качаете?

— Да проспала; она умираетъ.

Хотя предположеніе мое оказалось несправедливымъ, я продолжалъ говорить съ нею въ томъ же духѣ. Я сталъ разспрашивать ее, кто она и какъ попала въ такое положеніе. Она охотно и очень просто рассказала мнѣ свою исторію. Она московская мѣщанка, дочь фабричнаго. Она осталась спротою, ее взяла тетка. Отъ тетки и пошла ходить по трактирамъ. Тетка теперь умерла. Когда я ее спросилъ, не хочетъ ли она переменить жизнь, вопросъ мой, очевидно, нисколько даже не заинтересовалъ ее.

Какъ же можетъ интересовать человѣка предложеніе чего-нибудь совершенно невозможнаго? Она усмѣхнулась и сказала: «да кто-жъ меня возьметъ съ желтымъ билетомъ?»

— Ну да если бы найти мѣсто въ кухарки или куда? сказалъ я.

Мнѣ пришла эта мысль потому, что она женщина сильная, русая, съ добрымъ и глуповатымъ, круглымъ лицомъ. Такія бывають кухарки. Мои слова, очевидно, ей не понравились. Она повторила:

— Кухарка? Да я не умѣю хлѣбы-то печь, — сказала она и засмѣялась. Она сказала, что не умѣетъ, но я видѣлъ по выраженію ея лица, что она и не хочетъ быть кухаркой, что она считаетъ положеніе и званіе кухарки низкимъ.

Женщина эта, самымъ простымъ образомъ пожертвовавшая, какъ евангельская вдова, всёмъ, что у ней было, для больной, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ же, какъ и другія ея товарки, считаетъ положеніе рабочаго человѣка низкимъ и достойнымъ презрѣнія. Она воспиталась такъ, чтобы жить не работая, а тою жизнью, которая считается для нея естественной ея окружающими. Въ этомъ ея несчастіе. И этимъ несчастіемъ она попала и удерживается въ своемъ положеніи. Это привело ее сидѣть въ трактирѣ. Кто же изъ насъ—мужчинъ или женщинъ—будетъ исправлять ее отъ этого ея ложнаго взгляда на жизнь? Гдѣ среди насъ тѣ люди, которые убѣждены въ томъ, что всякая трудовая жизнь уважительнѣе праздной, — убѣждены въ этомъ и живутъ сообразно этому убѣжденію, и сообразно этому убѣжденію цѣнятъ и уважають людей? Еслибъ я подумалъ объ этомъ, я бы могъ понять, что ни я и никто изъ тѣхъ, кого я знаю, не можетъ лѣчить отъ этой болѣзни.

Я бы могъ понять что эти высунувшіяся изъ-за перегородки, изумленные и умиленные головы выражали только изумленіе отъ выказаннаго къ нимъ сочувствія, но никакъ не надежду на исправленіе ихъ отъ безнравственности. Онѣ не видятъ безнравственности своей жизни. Онѣ видятъ, что ихъ презирають и ругають, но за что

ихъ такъ презирають, имъ невозможно понять. Ихъ жизнь такъ шла съ дѣтства среди точно такихъ же женщинъ, которыя, онѣ знаютъ очень хорошо, всегда были и есть, которыя необходимы въ обществѣ, — такъ необходимы, что существуютъ правительственные чиновники, заботящіеся объ ихъ правильномъ существованіи. Кромѣ того, онѣ знаютъ, что онѣ имѣють власть надъ людьми и покоряють ихъ, и владѣють часто ими больше, чѣмъ другія женщины. Онѣ видятъ, что положеніе ихъ въ обществѣ, не смотря на то, что всегда ихъ ругають, признается и женщинами, и мужчинами, и начальствомъ, и потому не могутъ даже понять, въ чемъ имъ расклевываться и въ чемъ имъ исправляться. Въ одинъ изъ обходовъ, студентъ рассказалъ мнѣ, что въ одной изъ квартиръ есть женщина, торгующая своей 13-ти лѣтней дочерью. Желая спасти эту дѣвочку, я нарочно пошелъ въ эту квартиру. Мать и дочь живутъ въ большой бѣдности. Мать маленькая, черненькая, лѣтъ сорока, проститутка, не только безобразная, но непріятно безобразная. Дочь такая же непріятная. На всѣ мои окольные вопросы объ ихъ жизни, мать недовѣрчиво и враждебно, коротко отвѣчала мнѣ, очевидно, чувствуя во мнѣ врага, имѣющаго злыя намѣренія; дочь ничего не отвѣчала, не взглянувъ на мать, и, очевидно, вполне довѣрялась матери. Жалости сердечной онѣ не возбудили во мнѣ, скорѣе отвращеніе. Но я рѣшилъ, что надо спасти дочь—заинтересовать дамъ, сочувствующихъ жалкому положенію этихъ женщинъ, и прислать сюда. Но, если бы я подумалъ о всемъ томъ длинномъ прошломъ матери, о томъ, какъ она родила, выкормила и воспитала эту дочь въ своемъ положеніи, навѣрное, уже безъ малѣйшей помощи отъ людей и съ тяжелыми жертвами, если бы я подумалъ о томъ взглядѣ на жизнь, который образовался у этой женщины, я бы понималъ, что въ поступкѣ матери нѣтъ рѣшительно ничего дурнаго и безнравственнаго, она дѣлала и дѣлаетъ для дочери все, что можетъ, т.-е. то, что она считаетъ лучшимъ для себя. Отнять насильно можно эту дочь отъ матери: но убѣдить мать, что она дѣлаетъ дур-

ное, продавая свою дочь, нельзя. Если ужъ спасать, то спасать надо было эту женщину-мать и гораздо прежде.

IX.

Еще чуднѣе было мое отношеніе къ дѣтямъ. Я въ роли благодѣтеля обращалъ вниманіе и на дѣтей, желая спастись погибающія въ этомъ вертепѣ разврата невинныя существа, и записывать ихъ, чтобъ заняться или *послѣ*.

Изъ числа дѣтей особенно поразилъ меня 12-ти лѣтній мальчикъ Сережа. Этого умнаго, бойкаго мальчика, жившаго у сапожника и остававшегося безъ пріюта, потому что хозяинъ его попалъ въ острогъ, я пожалѣлъ отъ души и хотѣлъ сдѣлать ему доброе.

Разскажу теперь, чѣмъ кончилось мое благотвореніе ему, потому что исторія съ этимъ мальчикомъ лучше всего показываетъ мое ложное положеніе въ роли благодѣтеля. Я взялъ мальчика къ себѣ и помѣстилъ его на кухнѣ. Нельзя же было вшиваго мальчика изъ вертепа разврата взять къ своимъ дѣтямъ. Я и за то, что онъ стѣснялъ не меня, а нашу прислугу на кухнѣ, и за то, что кормилъ его тоже не я, а наша кухарка, и за то, что я отдалъ ему какия-то обноски надѣть, считалъ себя очень добрымъ и хорошимъ. Мальчикъ пробылъ съ недѣлю. Въ эту недѣлю я два раза, проходя мимо него, сказалъ ему нѣсколько словъ, и во время прогулки зашелъ къ знакомому сапожнику, предлагая ему мальчика въ ученики. Одинъ мужикъ, гостившій у меня, звалъ его въ деревню, въ работники, въ семью; мальчикъ отказался и черезъ недѣлю исчезъ. Я пошелъ въ Ржановъ домъ справиться о немъ. Онъ вернулся туда, и въ то время, какъ я приходилъ, его дома не было. Онъ второй день уже ходилъ на Прѣсенскіе пруды, гдѣ нанимался по 30 к. въ день въ процессію какихъ-то дикарей, въ костюмахъ водившихъ слона. Тамъ представлялось что-то для публики. Я заходилъ и другой разъ, но онъ, очевидно, избѣгалъ меня. Если бы я вдумался тогда въ жизнь этого мальчика и въ

свою, я бы понималъ, что мальчикъ испорченъ тѣмъ, что онъ узналъ возможность веселой жизни безъ труда, что онъ отвыкъ работать. И я, чтобы облагодѣтельствовать и исправить его, взялъ его въ свой домъ, гдѣ онъ видѣлъ, что же? Мохъ дѣтей и старше его, и моложе, и ровесниковъ, которыя никогда ничего для себя не только не работали, но всѣми средствами доставляли работу другимъ; пачкали, портили все вокругъ себя, обфѣдались жирнымъ, вкуснымъ и сладкимъ, били посуду, проливали и бросали собакамъ такую пищу, которая для этого мальчика представлялась лакомствомъ. Если я изъ *вертепа* взялъ его и привелъ въ хорошее мѣсто, то онъ и долженъ былъ усвоить тѣ взгляды, которые существуютъ на жизнь въ хорошемъ мѣстѣ; и по этимъ взглядамъ онъ понималъ, что въ хорошемъ мѣстѣ надо такъ жить, чтобъ ничего не работать, а ѣсть, пить сладко и жить весело. Правда, онъ не зналъ того, что дѣти мои несутъ тяжелые труды для изученія исключеній латинской и греческой грамматикъ и не могъ бы понять цѣли этихъ трудовъ. Но нельзя не видѣть, что если бы онъ понималъ это, то воздѣйствіе на него примѣра моихъ дѣтей было бы еще сильнѣе. Онъ понималъ бы тогда, что мои дѣти воспитываются такъ, чтобъ, ничего не работая теперь, быть въ состояніи и впродъ, пользуясь своимъ дипломомъ, работать какъ можно меньше и пользоваться благами жизни какъ можно больше. Онъ и понималъ это и не пошелъ къ мужику убирать скотину и ѣсть съ нимъ картошки съ квасомъ, а пошелъ въ зоологическій садъ въ костюмѣ дикаго водить слона за 30 к.

Я могъ бы понять, какъ нелѣпо было мнѣ, воспитывающему своихъ дѣтей въ полнѣйшей праздности и роскоши, исправлять другихъ людей и ихъ дѣтей, погибающихъ отъ праздности въ называемомъ мною вертепомъ Ржановомъ домѣ, гдѣ, однако, три четверти людей работаютъ для себя и для другихъ. Но я ничего не понималъ этого.

Дѣтей въ самомъ жалкомъ положеніи было очень много въ Ржановомъ домѣ: были дѣти и проститутокъ, были си-

роты, были дѣти, носимыя нищими по улицамъ. Всѣ они были очень жалки. Но опытъ мой съ Сережей показалъ мнѣ, что я, живя своей жизнью, не въ состоянн помочь имъ. Въ то время, какъ Сережа жилъ у насъ, я замѣтилъ за собой стараніе скрыть отъ него нашу жизнь, въ особенности жизнь нашихъ дѣтей. Я чувствовалъ, что всѣ мои старанія направить его на хорошую, трудовую жизнь уничтожились примѣрами жизни нашей и нашихъ дѣтей. Взять ребенка отъ проститутки, отъ внищей, очень легко. Очень легко, имѣя деньги, вымыть, вычистить его и одѣть въ чистое платье, откормить его и даже научить разнымъ наукамъ, но научить его зарабатывать свой хлѣбъ, намъ, не зарабатывающимъ свой хлѣбъ, а дѣлающимъ обратное, не только трудно, но невозможно, потому что мы и примѣромъ своимъ, и даже тѣми матеріальными, ничего не стоящими намъ улучшениями его жизни учимъ его противоположному. Щенка можно взять, выхолить, накормить и научить носить поноску и радоваться на него; но человѣка недостаточно выхолить, выкормить и научить по-гречески, надо научить человѣка жить, т.-е. меньше брать отъ другихъ, а больше давать; а мы не можемъ ни научить его дѣлать обратное, возьмемъ ли мы его въ свой домъ, или въ учрежденный для этого пріютъ.

Х.

Того чувства состраданія къ людямъ и отвращенія къ себѣ, которое я испыталъ въ Ляпинскомъ домѣ, я уже не испытывалъ; я весь былъ переполненъ желаніемъ исполнить затѣянное мною дѣло — дѣлать добро тѣмъ людямъ, которыхъ я здѣсь встрѣчу. И странное дѣло! — казалось бы, дѣлать добро — давать деньги нуждающимся — очень хорошее дѣло и должно располагать къ любви къ людямъ, выходило же наоборотъ: это дѣло вызывало во мнѣ недоброжелательность и осужденіе людей. Въ первый-же обходъ вечеромъ произошла сцена совершенно такая же, какъ и въ Ляпинскомъ домѣ, но сцена эта не произвела

на меня того же впечатлѣнія, какъ въ Ляпинскомъ домѣ, а вызвала совсѣмъ другое чувство.

Началось это съ того, что въ одной изъ квартиръ я нашелъ именно такого несчастнаго, которому нужна была немедленная помощь. Я нашелъ голодную, не ѣвшую два дня женщину.

Это было такъ: въ одной очень большой, почти пустой, ночлежной квартирѣ я спросилъ у одной старушки, есть ли очень бѣдные здѣсь, такіе, которымъ ѣсть нечего? Старушка подумала и назвала мнѣ двоихъ, а потомъ какъ будто вспомнила. «Да вотъ, никакъ здѣсь лежитъ, — сказала она, — вглядываясь въ одну изъ занятыхъ коекъ, — такъ эта, я чай, и точно не ѣла». — Неужели? Да кто она! — «Была распутная, теперь никто не беретъ, такъ и не откуда взять. Хозяйка жалѣла все, а теперь согнать хочетъ... Агафья, а Агафья! окликнула старуха.

Мы подошли, и на койкѣ поднялось что-то. Это была полусѣдая, растрепанная, худая, какъ скелетъ, женщина въ одной грязной, разорванной рубахѣ, съ особенно блестящими и остановившимися глазами. Она смотрѣла остановившимися глазами мимо насъ, ловила худой рукой за собой кофту, чтобъ прикрыть открывшуюся изъ-за разорванной грязной рубахи костлявую грудь, и какъ бы вслаивала: «Чего? Чего?» — Я спросилъ ее, какъ она живетъ? Она долго не понимала и сказала: «я сама не знаю гонять». Я спросилъ ее — совѣстно, рука не пишетъ — я спросилъ ее, правда ли, что она не ѣла? Она той же лихорадочной скороговоркой сказала, все не глядя на меня. — Вчерась не ѣла и нынчѣ не ѣла.

Видъ этой женщины тронулъ меня, но совсѣмъ не такъ какъ это было въ Ляпинскомъ домѣ, тамъ мнѣ отъ жалости въ этимъ людямъ тотчасъ же стало стыдно за себя, здѣсь же я обрадовался тому, что нашелъ наконецъ, то, чего искалъ — голоднаго человѣка.

Я далъ ей рубль и помню, что очень былъ радъ, что другіе видѣли это. Старушка, увидавъ это, попросила у меня тоже денегъ. Мнѣ такъ было приятно давать, что я уже не разбирая, нужно или не нужно давать, далъ и

старушкѣ. Старушка проводила меня за дверь, и стоявшіе въ корридорѣ люди слышали, какъ она благодарила меня. Вѣроятно вопросы, которыя я дѣлалъ о бѣдности возбудили ожиданія, и за нами ходили нѣкоторые. Въ корридорѣ еще у меня стали просить денегъ. Были изъ просящихъ очевидные пьяницы, которые возбуждали во мнѣ непріятное чувство: но я, разъ давъ старушкѣ, не имѣлъ права отказывать и этимъ, и я сталъ давать. Пока я давалъ, подошли еще и еще. И во всѣхъ квартирахъ произошло волненіе. На лѣстницахъ и на галлереяхъ появились люди; слѣдившіе за мной. Когда я вышелъ на дворъ, съ одной изъ лѣстницъ быстро сбѣгалъ мальчикъ, проталкивая народъ. Онъ не выдалъ меня и быстро проговорилъ: «Агашиѣ рублевку дажь». Сбѣжавъ внизъ, мальчикъ присоединился къ толпѣ, шедшей за мною. Я вышелъ на улицу; разнаго рода люди шли за мной и просили денегъ. Я роздалъ, что было мелочью и зашелъ въ открытую лавочку, прося торговца размѣнять мнѣ 10 рублей. И тутъ сдѣлалось то же, что въ Ляпинскомъ домѣ. Тутъ произошла страшная путаница. Старухи, дворяне, мужики, дѣти, жались у лавочки, протягивая руки; я давалъ и нѣкоторыхъ спрашивалъ объ ихъ жизни и записывалъ въ свою записную книжку. Торговецъ, заворотивъ внутрь мѣховые углы воротника своей шубы, сидѣлъ какъ истуканъ, изрѣдка взглядывалъ на толпу, и олять устремлялъ глаза мимо.

Въ Ляпинскомъ домѣ меня ужаснула нищета и униженіе людей, и я почувствовалъ себя въ этомъ виноватымъ, почувствовалъ желаніе и возможность быть лучше. Теперь же, точно такая же сцена произвела на меня совсѣмъ другое: я испытывалъ, во-первыхъ, недоброжелательное чувство ко многимъ изъ тѣхъ, которые осаждали меня; и, во-вторыхъ, безпокойство о томъ, что думаютъ обо мнѣ лавочники и дворники.

Вернувшись домой въ этотъ день, мнѣ было нехорошо на душѣ. Я чувствовалъ, что то, что я дѣлалъ, было глупо. Но, какъ всегда бываетъ вслѣдствіе путаницы

внутренней, я много говорилъ про затѣянное дѣло, какъ будто нисколько не сомнѣвался въ его успѣхѣ.

На другой день я пошелъ одинъ къ тѣмъ изъ записанныхъ мною лицъ, которыя мнѣ показались жалче всѣхъ и которымъ легче, мнѣ показалось помочь. Какъ я говорилъ уже, никому изъ этихъ лицъ я не помогъ. Помогать имъ оказалось труднѣе, чѣмъ я думалъ. И потому ли, что я не умѣлъ или нельзя, я только подразнилъ этихъ людей и никому существенно не помогъ. Я нѣсколько разъ до окончательнаго обхода былъ въ Ржановомъ домѣ, и всякій разъ происходило одно и то же: меня осаждала толпа просящихъ людей, въ массѣ которыхъ я совершенно терялся. Я чувствовалъ невозможность что-нибудь сдѣлать потому, что ихъ было слишкомъ много и потому чувствовалъ недоброжелательность къ нимъ за то, что ихъ такъ много; но, кромѣ этого, и каждый изъ нихъ порознь не располагалъ къ себѣ. Я чувствовалъ, что каждый изъ нихъ говоритъ мнѣ неправду или не всю правду, и видитъ во мнѣ только кошель, изъ котораго можно вытянуть деньги. И очень часто мнѣ казалось, что тѣ самыя деньги, которыя онъ вымогаетъ отъ меня, не улучшатъ, а ухудшатъ его положеніе. Чѣмъ чаще я ходилъ въ эти дома, чѣмъ въ большее общеніе входилъ съ тамошними людьми, тѣмъ очевиднѣе мнѣ становилось невозможнымъ что-нибудь сдѣлать, но я все не отставалъ отъ своей затѣи до послѣдняго ночного обхода переписи.

Мнѣ особенно совѣстно вспоминать этотъ послѣдній обходъ. То я ходилъ одинъ, а тутъ мы пошли 20 человекъ вмѣстѣ. Въ 7 часовъ стали ко мнѣ собираться всѣ тѣ, которые хотѣли участвовать въ этомъ послѣднемъ ночномъ обходѣ. Это было почти всѣ незнакомые студенты, одинъ офицеръ и два моихъ свѣтскихъ знакомыхъ, которые, сказавъ обычное «c'est très intéressant!» просили меня принять ихъ въ число счетчиковъ.

Свѣтскіе знакомые мои одѣлись особенно, въ какіе-то охотничьи курточки и высокіе дорожные сапоги, въ костюмъ, въ которомъ они ѣздили въ дорогу, на охоту и

который, по ихъ мнѣнію, подходилъ къ поѣздкѣ въ ночлежный домъ. Они взяли съ собою особенныя записныя книжки и необыкновенныя карандаши. Они находились въ томъ особенно возбужденномъ состояніи, въ которомъ собираются на охоту, на дуэль или на войну. На нихъ яснѣе видна была глупость и фальшь нашего положенія, но и всѣ мы остальные были въ такомъ же фальшивомъ положеніи. Передъ отъѣздомъ произошло между нами совѣщаніе, въ родѣ военнаго совѣта, о томъ, какъ, съ чего начинать, какъ раздѣлиться и т. п. Совѣщаніе было совершенно такое-же, какъ въ совѣтахъ, собраніяхъ и комитетахъ, т. е. каждый говорилъ не потому, что ему нужно было что-нибудь сказать или узнать, а потому что каждый выдумывалъ, что бы и ему сказать, чтобы не отстать отъ другихъ. Но въ числѣ этихъ разговоровъ никто не упоминалъ о благотворительности, о которой я всѣмъ столько разъ говорилъ. Какъ мнѣ ни совѣстно было, я почувствовалъ, что мнѣ необходимо опять напомнить о благотворительности, т. е. о томъ, чтобъ во время обхода замѣчать и записывать всѣхъ тѣхъ, находящихся въ бѣдственномъ положеніи, которыхъ мы найдемъ во время этого обхода. И всегда мнѣ было совѣстно говорить про это, но тутъ, среди нашего возбужденнаго приготовленія къ походу, я насилу могъ это выговорить. Всѣ выслушали меня, какъ мнѣ показалось, съ грустью и при этомъ всѣ согласились на словахъ, но видно было что всѣ знали, что изъ этого ничего не выйдетъ, и всѣ опять тотчасъ же начали говорить о другомъ. Продолжалось это до тѣхъ поръ, пока пришло время ѣхать и мы поѣхали.

Мы пріѣхали въ темный трактиръ, подняли половыхъ и стали разбирать свои пакки. Когда намъ объявили, что народъ узналъ объ обходѣ и уходитъ изъ квартиръ, мы попросили хозяина запереть ворота, а сами ходили на дворъ уговаривать уходившихъ людей, увѣряя ихъ, что никто не спроситъ ихъ билетовъ. Помню странное и тяжелое впечатлѣніе, произведенное на меня этими встревоженными ночлежниками: оборванные, полураздѣтые,

они всѣ мнѣ показались высокими при свѣтѣ фонаря въ темнотѣ двора; испуганные и страшные въ своемъ испугѣ, они стояли кучкой, слушали наши увѣренія и не вѣрили намъ, и, очевидно, готовы были на все, какъ травленный звѣрь, чтобы только спастись отъ насъ. Господа въ разныхъ видахъ: и какъ полицейскіе, городскіе и деревенскіе, и какъ слѣдователи, и какъ судьи, всю жизнь травятъ ихъ и по городамъ, и по деревнямъ, и по дорогамъ, и по улицамъ, и по трактирамъ, и по ночлежнымъ домамъ, и теперь вдругъ эти господа пріѣхали и заперли ворота только затѣмъ, чтобы считать ихъ; имъ этому такъ же трудно было повѣрить, какъ зайцамъ тому, что собаки пришли не ловить, а считать ихъ. Но ворота были залерты, и встревоженные ночлежники вернулись: мы же, раздѣлившись на группы, вошли. Со мною были два свѣтскихъ челоуѣка и два студента. Впереди насъ, во мракѣ, шелъ Ваня въ пальто и бѣлыхъ штанахъ съ фонаремъ, а за нимъ и мы. Шли мы въ знакомыя мнѣ квартиры. Помѣщенія были мнѣ знакомы, нѣкоторые люди тоже, но большинство людей было новое, и зрѣлище было новое и ужасное, еще ужаснѣе того, которое я видѣлъ у Ляпинскаго дома. Всѣ квартиры были полны, всѣ койки были заняты и не однимъ, а часто двумя. Ужасно было зрѣлище по тѣснотѣ, въ которой жались этотъ народъ, и по смѣшенію женщинъ съ мужчинами. Женщины, не мертвецки пьяныя, спали съ мужчинами. Многія женщины съ дѣтьми на узкихъ койкахъ спали съ чужими мужчинами. Ужасно было зрѣлище по нищетѣ, грязи, оборванности и испуганности этого народа. И главное, ужасно по тому огромному количеству людей, которое было въ этомъ положеніи. Одна квартира, и потомъ другая такая же, и третья, и десятая, и двадцатая, и нѣтъ имъ конца. И звездъ тотъ же смрадъ, та же духота, тѣснота, то же смѣшеніе половъ, тѣ же пьяные до одуренія мужчины и женщины и тотъ же испугъ, покорность и виновность на всѣхъ лицахъ: и мнѣ стало опять совѣстно и больно, какъ въ Ляпинскомъ домѣ, и я понималъ, что то, что я затѣвалъ, было гадко, глупо и потому невозможно. И я

уже никого не записывалъ и не спрашивалъ, зная, что изъ этого ничего не выйдетъ.

Мнѣ было очень больно. Въ Ляпинскомъ домѣ я былъ какъ человѣкъ, который случайно увидалъ страшную язву на тѣлѣ другого человѣка. Ему жалко другого: ему совѣстно за то, что онъ прежде не пожалѣлъ его и онъ еще можетъ надѣяться помочь больному, но теперь я былъ какъ врачъ, который пришелъ съ своимъ лѣкарствомъ къ больному, обнаживъ его язву, развердилъ ее и долженъ сознаться передъ собой, что все это онъ сдѣлалъ напрасно, что лѣкарство его не годится.

XI.

Это посѣщеніе нанесло послѣдній ударъ моему самообольщенію. Мнѣ стало несомнѣнно, что затѣянное мною не только глупо, но и гадко.

Но, несмотря на то, что я зналъ это, мнѣ казалось, что я не могъ тотчасъ же бросить все дѣло: мнѣ казалось, что я обязанъ продолжать еще это занятіе, во-первыхъ, потому, что я своей статьей, своими посѣщеніями и общаніями вызвалъ ожиданіе бѣдныхъ; во-вторыхъ, потому, что я тоже своей статьей, разговорами вызвалъ сочувствіе благотворителей, изъ которыхъ многіе обѣщали мнѣ содѣйствіе и личными трудами и деньгами. И я ожидалъ обращенія къ себѣ и тѣхъ и другихъ съ тѣмъ, чтобы, какъ я могъ и умѣю, отвѣтить на это.

Со стороны обращенія ко мнѣ нуждающихся произошло слѣдующее: писемъ и обращеній ко мнѣ я получилъ болѣе сотни; обращенія эти были все отъ богатыхъ бѣдныхъ, если можно такъ выразиться. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ я ходилъ, нѣкоторыхъ оставлялъ безъ отвѣта. Нигдѣ я ничего не успѣлъ сдѣлать. Всѣ обращенія ко мнѣ были отъ лицъ, находившихся когда-то въ положеніи привилегированномъ (я называю такъ то положеніе, при которомъ люди больше получаютъ отъ другихъ, чѣмъ даютъ), потерявшихъ его и вновь желающихъ занять его. Одному

необходимо было 200 рублей, чтобы поддержать падающую торговлю и окончить начатое воспитаніе дѣтей, другому фотографическое заведеніе, третьему, чтобы заплатить долги, выкупить приличное платье, четвертому нужно было фортепiano, чтобы усовершенствоваться и уроками кормить свою семью. Большинство же, не опредѣляя нужнаго количества денегъ, просило просто помочь, но когда приходилось вникать въ то, что требовалось, то оказывалось, что потребности равномерно возрастали по мѣрѣ помощи, и не было и не могло быть удовлетворенія. Я повторяю, — очень можетъ быть, что это произошло оттого, что я не умѣлъ; но я никому не помогъ, несмотря на то, что иногда старался сдѣлать это.

Со стороны же содѣйствія мнѣ благотворителей произошло очень для меня странное и неожиданное. Изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя обѣщали мнѣ денежное содѣйствіе и даже опредѣляли число рублей, ни одинъ не передалъ мнѣ для раздачи бѣднымъ ни одного рубля. По тѣмъ обѣщаніямъ, которыя мнѣ были даны, я могъ рассчитывать тысячи на три рублей, и изъ всѣхъ этихъ людей ни одинъ не вспомнилъ прежнихъ разговоровъ и не далъ мнѣ ни одной копѣйки. Дали только студенты тѣ деньги, которыя причитались имъ за работу по переписи, кажется, 12 рублей. Такъ что вся моя затѣя, долженствовавшая выразиться въ десяткахъ тысячъ рублей, пожертвованныхъ богатыми людьми, въ сотняхъ и тысячахъ людей, которые должны были быть спасены отъ нищеты и разврата, свелось на то, что я наобумъ роздалъ нѣсколько десятковъ рублей тѣмъ людямъ, которые выпросили ихъ у меня, и что у меня осталось на рукахъ 12 рублей, пожертвованные студентами, и 25 рублей, присланные мнѣ Думой за работу распорядителя, которые я рѣшительно не зналъ, кому отдать.

Все дѣло кончилось. И вотъ, передъ отъѣздомъ въ деревню, въ воскресенье подъ масляницу, я пошелъ въ Ржановъ домъ утромъ, чтобы передъ отъѣздомъ изъ Москвы освободиться отъ этихъ 37 рублей и раздать ихъ бѣднымъ. Я обошелъ знакомыхъ въ квартирахъ и тамъ нашелъ только

одного больного человека, которому далъ 5 рублей, кажется. Больше же тамъ давать было некому. Разумѣется, многие стали просить меня. Но я, какъ не зналъ ихъ сначала, такъ не зналъ ихъ и теперь, и рѣшилъ, что я посоветуюсь съ Иваномъ Федотычемъ, хозяиномъ трактира, кому дать оставшіеся 32 рубля. Былъ первый день масляницы. Всѣ были нарядны, всѣ сыты и многие уже пьяны. На дворѣ, у угла дома, стоялъ въ оборванномъ зипунѣ и лаптяхъ старикъ-ветошникъ, бодрый еще, и, перебирая въ корзинѣ свою добычу, выкидывалъ по кучкамъ кожу, желѣзо и другое, и заливалъ прекраснымъ, сильнымъ голосомъ веселую пѣсню. Я разговорился съ нимъ. Ему 70 лѣтъ, онъ одинокій, кормится своимъ ремесломъ ветошника и не только не жалуется, но говоритъ, что и сытъ и пьянъ. Я спросилъ у него объ особенно нуждающихся. Онъ разсердился и прямо сказалъ, что никого нѣтъ нуждающихся, кромѣ пьяницъ и лежебоковъ, но узнавъ мою цѣль, попросилъ у меня пятачекъ на выпивку и побѣжалъ въ трактиръ. Я тоже пошелъ въ трактиръ къ Ивану Федотычу, чтобы ему поручить раздать оставшіеся у меня деньги. Трактиръ былъ полонъ; нарядныя пьяныя дѣвки сновали изъ двери въ дверь; всѣ столы были заняты; пьяныхъ уже было много, и въ маленькой комнатѣ играла гармонія и плясали двое. Иванъ Федотычъ велѣлъ изъ уваженія ко мнѣ прекратить пляску, и подселъ ко мнѣ, къ свободному столику. Я сказалъ ему, что, такъ какъ онъ знаетъ своихъ жильцовъ, — не укажетъ ли онъ мнѣ самыхъ нуждающихся, что вотъ мнѣ поручили раздать немного денегъ, такъ не укажетъ ли онъ? Добродушный Иванъ Федотычъ (покойникъ, онъ умеръ черезъ годъ послѣ этого, хотя и былъ занятъ торговлей, отвлекся отъ нея на время чтобы услужить мнѣ. Онъ задумался и, очевидно, пришелъ въ недоумѣніе. Одинъ пожилой половой слышалъ насъ и вступилъ въ совѣщаніе.

Они стали перебирать лицъ, изъ которыхъ и я зналъ нѣкоторыхъ, и все не могли согласиться. «Парамоновна», — предлагалъ половой. — Да, такъ. Бываютъ и не

ѣмпи. Да, вѣдь, загуливаютъ». — «Ну, что жъ? Все-таки». — «Ну, Спиридону Ивановичу — дѣти. Это такъ». Но Иванъ Федотычъ и къ Спиридону Ивановичу прибавилъ сомнѣніе. «Акулина, да она получаетъ! Ну, вотъ, нѣшто, слѣпому». На это ужъ я возразилъ. Я видѣлъ его сейчасъ. Это былъ слѣпой 80-ти лѣтъ безъ роду и племени. Казалось бы, какое положеніе можетъ быть тяжелѣе, а я сейчасъ видѣлъ его, онъ лежалъ на пуховикахъ высокой кровати, пьяный, и, не видя меня, страшнымъ басомъ ругалъ самыми скверными словами свою, относительно, молодую сожительницу. Еще они назвали безрукаго мальчика съ матерью. Я видѣлъ, что Иванъ Федотычъ очень затрудняется, именно по добросовѣстности, потому что знаетъ, что теперь, что не дадутъ, все пойдетъ къ нему же въ трактиръ. Но мнѣ надо было отдѣлаться отъ моихъ 32 рублей, я настаивалъ и кое-какъ, именно съ грѣхомъ пополамъ, мы распредѣлили ихъ и отдали. Тѣ, которые получили ихъ, были одѣты большей частью хорошо и ходить за ними не далеко было, — они были тутъ же, въ трактирѣ. Безрукій мальчикъ пришелъ въ сапогахъ со складками, въ красной рубахѣ и жилетѣ.

Этимъ закончилась вся моя благотворительная дѣятельность, и я уѣхалъ въ деревню, раздраженный на другихъ какъ это всегда бываетъ за то, что я самъ дѣлалъ глупо. Благотворительность моя сошла на нѣтъ и совсѣмъ прекратилась, но ходъ мыслей и чувствъ, который она вызвала во мнѣ, не только не прекратился, но внутренняя работа пошла съ удвоенной силой.

ХII.

Что же такое было?

Я жилъ въ деревнѣ и тамъ имѣлъ отношенія съ деревенскими бѣдными. Не изъ смиренія, которое паче гордости, но для того, чтобы сказать правду, которая необходима для пониманія всего хода моихъ мыслей и чувствъ, говорю, что въ деревнѣ я дѣлалъ очень мало для бѣдныхъ, но

требованія, предъявляемые мнѣ, были такъ скромны, что и это малое приносило пользу людямъ и образовывало вокругъ меня атмосферу любви и единенія съ людьми, среди которой возможно было успокаивать грызущее чувство сознанія незаконности своей жизни. Переѣхавъ въ городъ, я надѣялся жить точно такъ же. Но здѣсь я встрѣтился съ нуждою совсѣмъ другого свойства. Нужда городская была и менѣе правдива, и болѣе требовательна, и болѣе жестока, чѣмъ нужда деревенская. Главное же, ея было въ одномъ мѣстѣ такъ много, что она произвела на меня ужасное впечатлѣніе. Испытанное мною въ Ляпинскомъ домѣ впечатлѣніе въ первую минуту заставило меня почувствовать безобразіе моей жизни. Чувство это было искренно и очень сильно. Но не смотря на искренность и силу его, я въ первое время былъ настолько слабъ, что испугался того переворота своей жизни, къ которому призвало это чувство, и пошелъ на сдѣлки. Я повѣрилъ тому, что мнѣ говорили всѣ, и тому что говорятъ всѣ, съ тѣхъ поръ, что свѣтъ стоитъ, о томъ, что въ богатствѣ и роскоши нѣтъ ничего дурного, что оно отъ Бога дано, что можно, продолжая жить богато, помогать нуждающимся. Я повѣрилъ этому и захотѣлъ это дѣлать. И написалъ статью, въ которой призвалъ всѣхъ богатыхъ людей къ помощи. Богатые люди всѣ признали себя нравственно-обязанными согласиться со мною, но, очевидно, или не желали, или не могли ничего ни дѣлать, ни давать для бѣдныхъ. Я сталъ ходить по бѣднымъ и увидалъ то, чего я никакъ не ожидалъ. Съ одной стороны, я увидалъ въ этихъ вертепахъ, какъ я называлъ ихъ, людей такихъ, какимъ немислимо было мнѣ помогать, потому что они были рабочіе люди, привыкшіе къ труду и лишеніямъ и потому стоящіе гораздо тверже меня въ жизни; съ другой, стороны, я увидалъ несчастныхъ, которымъ я не могъ помогать, потому что они были точно такіе же, какъ я. Большинство несчастныхъ, которыхъ я увидалъ, были несчастные только потому, что они потеряли способность, охоту и привычку зарабатывать свой

хлѣбъ, т.-е. ихъ несчастіе было въ томъ, что они были такіе же, какъ и я.

Такихъ же несчастныхъ, которымъ можно было бы сейчасъ же помочь, больныхъ, холодныхъ, голодныхъ, я никого не нашелъ, кромѣ одной голодной Агафьи. И я убѣдился, что при моемъ отдаленіи отъ жизни тѣхъ людей, которымъ я хотѣлъ помогать, найти такихъ несчастныхъ было почти невозможно, потому что всякая истинная нужда всегда уже была покрыта тѣми же самыми людьми, среди которыхъ живутъ это несчастные, и, главное, я убѣдился въ томъ, что деньгами не могъ измѣнить той несчастной жизни, которую ведутъ эти люди. Я убѣдился во всемъ этомъ, но изъ ложнаго стыда бросить начатое, изъ за самообольщенія своей добродѣтелью, я довольно долго продолжалъ это дѣло; продолжалъ его до тѣхъ поръ, пока оно само сошло бы на нѣтъ, такъ что я насилу-насилу, кое-какъ отдѣлался съ помощью Ивана Федотыча въ трактирѣ Ржанова дома отъ тѣхъ 37 рублей, которые я считалъ не своими.

Конечно, я бы могъ продолжать это дѣло и сдѣлать изъ него подобіе благотворительности; я бы могъ, приставая къ тѣмъ, которые обѣщали мнѣ деньги, заставить ихъ отдать ихъ мнѣ; могъ бы собрать еще, могъ бы раздавать эти деньги и утѣшаться своей добродѣтелью, но я видѣлъ съ одной стороны, что мы, богатые, люди и не хотимъ, да и не можемъ удѣлять бѣднымъ часть своего избытка (такъ много у насъ своихъ нуждъ), что и давать деньги некому, если точно желать добра, а не желать только раздавать деньги, кому попало, какъ я и сдѣлалъ это въ Ржановомъ трактирѣ. И я бросилъ все дѣло и съ отчаяніемъ въ сердцѣ уѣхалъ въ деревню.

Въ деревнѣ я хотѣлъ написать статью обо всемъ томъ, что я испыталъ, и рассказать, почему не удалось мое предпріятіе: мнѣ хотѣлось и оправдаться въ тѣхъ упрекахъ, которые мнѣ дѣлали за мою статью о черенки, хотѣлось обличить и общество въ его равнодушіи, и хотѣлось высказать тѣ причины, по которымъ зарождается эта го-

родская бѣдность, и ту необходимость противодѣйствія ей, и тѣ средства, которыя я для этого вижу.

Я тогда же началъ статью, и мнѣ казалось, что я скажу въ ней очень много важнаго. Но, сколько я не бился надъ ней, несмотря и на обиліе матеріала, несмотря на излишекъ его, отъ раздраженія, подъ влияніемъ котораго я писалъ, и отъ того, что я не выжилъ всего того, что нужно было, чтобы правдиво отнестись къ этому дѣлу и, главное, отъ того что я ясно и просто не сознавалъ причину всего этого, причину очень простую, коренившуюся во мнѣ, я не могъ справиться съ статьей, и такъ и не кончилъ ее до нынѣшняго года.

Въ области нравственной происходитъ одно удивительное, слишкомъ мало замѣчаемое явленіе.

Если я расскажу человѣку, не знавшему этого, то что мнѣ извѣстно изъ геологіи, астрономіи, исторіи, физики, математики, человѣкъ этотъ получитъ совершенно новыя свѣдѣнія и никогда не скажетъ мнѣ: «Да что-жъ тутъ новаго? Это всякій знаетъ, и я давно знаю». Но сообщите человѣку самую высокую, самымъ яснымъ, сжатымъ образомъ, такъ, какъ она никогда не выражалась выраженною нравственную истину, — всякій обыкновенный человѣкъ, особенно такой, который не интересуется нравственными вопросами, или тѣмъ болѣе такой, которому эта нравственная истина, высказываемая вами, не по шерсти непременно скажетъ: «Да кто-жъ этого не знаетъ? Это давно и извѣстно, и сказано». Ему, дѣйствительно, кажется, что это давно и именно такъ сказано. Только тѣ, для которыхъ важны и дороги нравственныя истины, знаютъ, какъ важно, драгоценно и какимъ длиннымъ трудомъ достигается уясненіе, упрощеніе нравственной истины—переходъ ея изъ туманнаго, неопредѣленнаго сознаемаго предположенія, желанія, изъ неопредѣленныхъ, несвязныхъ выражений въ твердое и опредѣленное выраженіе, неизбежно требующее соответствующихъ ему поступковъ.

Мы всѣ привыкли думать, что нравственное ученіе есть самая пошлая и скучная вещь, въ которой не мо-

жетъ быть ничего новаго и интереснаго; а между тѣмъ, вся жизнь человѣческая, со всеміи, столь сложными и разнообразными, кажущимися независимыми отъ нравственности, дѣятельностями—и государственная, и научная, и художественная, и торговая—не имѣетъ другой цѣли, какъ большее и большее уясненіе, утвержденіе, упрощеніе и общедоступность нравственной истины.

Помню, шелъ я разъ въ Москвѣ по улицѣ и впереди себя вижу, вышелъ человѣкъ, внимательно посмотрѣлъ на камни тротуара, потомъ выбралъ одинъ камень, присѣлъ надъ нимъ и сталъ его (какъ мнѣ показалось) скоблить или тереть съ величайшимъ напряженіемъ и усиліемъ. «Что такое онъ дѣлаетъ съ этимъ тротуаромъ?» — подумалъ я. Подойдя влоть, я увидалъ, что дѣлалъ этотъ человѣкъ; это былъ молодецъ изъ мясной лавки; онъ точилъ свой ножъ о камни тротуара. Онъ вовсе не думалъ о камняхъ, разсматривая ихъ, и еще менѣе думалъ о нихъ, дѣлая свое дѣло,—онъ точилъ свой ножъ. Ему нужно было выточить свой ножъ для того, чтобы рѣзать мясо; мнѣ показалось, что онъ дѣлаетъ какое-то дѣло надъ камнями тротуара. Точно также, только кажется, что человѣчество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусствами; одно дѣло только для него важно и одно только дѣло оно дѣлаетъ—оно уясняетъ себѣ тѣ нравственные законы, которыми оно живетъ. Нравственные законы уже есть, человѣчество только уясняетъ ихъ себѣ, и уясненіе это кажется неважнымъ и незамѣтнымъ для того, кому не нуженъ нравственный законъ, кто не хочетъ жить имъ. Но это уясненіе нравственнаго закона есть не только главное, но единственное дѣло всего человѣчества. Это уясненіе незамѣтно точно такъ же, какъ незамѣтно различіе тупого ножа отъ остраго. Ножъ — все ножъ, и для того, кому не нужно ничего рѣзать этимъ ножомъ, незамѣтно различіе тупого отъ остраго. Для того же, кто понималъ, что вся жизнь его зависитъ отъ болѣе или менѣе тупого или остраго ножа, для того важно всякое уостреніе его и тотъ знаетъ, что конца нѣтъ

этому устрению, и что ножъ только тогда ножъ, когда онъ острый, когда онъ рѣжетъ то, что нужно рѣзать.

Это случилось со мной, когда я началъ писать статью. Мнѣ казалось, что я все знаю, все понимаю относительно тѣхъ вопросовъ, которые вызвали во мнѣ впечатлѣнне Ляпинскаго дома и переписи; но когда я попробовалъ сознать и изложить ихъ, оказалось, что ножъ не рѣжетъ, что нужно точить его. И только теперь, черезъ три года, я почувствовалъ, что ножъ мой отточенъ настолько что я могу разрѣзать то, что хочу. Узналъ я новаго очень мало. Всѣ мысли мои тѣ же, но они были тупѣе, всѣ разлетались и не сходились къ одному; не было въ нихъ жала; все не свелось къ одному, къ самому простому и ясному рѣшенію, какъ оно свелось теперь.

XIII.

Я помню, что во все время моего неудачнаго опыта помощи несчастнымъ городскимъ жителямъ, я самъ представлялся себѣ человѣкомъ, который бы желалъ вытащить другого изъ болота, а самъ стоялъ на такой же трясиной. Всякое мое усиліе заставляло меня чувствовать непрочность той почвы, на которой я стоялъ. Я чувствовалъ, что я самъ въ болотѣ; но это сознание не заставило меня тогда посмотреть ближе подъ себя, чтобы узнать, на чемъ я стою; я все искалъ внѣшняго средства помочь внѣ меня находящемуся злу.

Я почувствовалъ тогда, что моя жизнь дурна и что такъ жить нельзя. Но изъ того, что моя жизнь дурна и такъ нельзя жить, я не вывелъ тотъ самый простой и ясный выводъ, что надо улучшить свою жизнь и жить лучше, а сдѣлать тотъ странный выводъ, что для того, чтобъ мнѣ было жить хорошо, надо исправить жизнь другихъ; и я сталъ исправлять жизнь другихъ. Я жилъ въ городѣ и хотѣлъ исправить жизнь людей, живущихъ въ городѣ, но скоро убѣдился, что я этого никакъ не могу сдѣлать; и я сталъ вдумываться въ свойства городской жизни и городской бѣдности.

Что же такое городская жизнь и городская бѣдность? „Отчего, живя въ городѣ, я не могъ помочь городскимъ бѣднымъ?“ спрашивалъ я себя. И я отвѣтилъ себѣ, что я не могъ сдѣлать для нихъ ничего, во-первыхъ, оттого, что здѣсь ихъ было слишкомъ много въ одномъ мѣстѣ, во-вторыхъ, потому, что всѣ эти бѣдные были совсемъ не такіе, какъ деревенскіе. Отчего же ихъ здѣсь много и въ чемъ же состоитъ ихъ особенность отъ деревенскихъ бѣдныхъ? Отвѣтъ былъ одинъ на оба эти вопроса. Много ихъ тутъ потому, что здѣсь собираются около богатыхъ всѣ тѣ люди, которымъ нечѣмъ кормиться въ деревнѣ, и особенность ихъ въ томъ, что это все люди, пришедшіе изъ деревни кормиться въ городъ (если есть городскіе бѣдные, такіе, которые родились здѣсь, и такіе, которыхъ отцы и дѣды родились здѣсь, то эти отцы и дѣды пришли сюда тоже, чтобъ кормиться). Что же такое значитъ: кормиться въ городѣ? Въ словахъ «кормиться въ городѣ» есть что-то странное, похожее на шутку, когда вздумаешься въ смыслъ ихъ. Какъ изъ деревни, т.-е. изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ и лѣса, и луга, и хлѣба, и скотъ, — гдѣ все богатство земли, изъ этихъ мѣстъ люди приходятъ кормиться въ то мѣсто, гдѣ нѣтъ ни деревьевъ, ни травы, ни земли даже, а только одинъ камень и пылъ? Что же значатъ эти слова: „кормиться въ городѣ“, которые такъ постоянно употребляютъ и тѣми, которые кормятся и тѣми, которые кормятъ, какъ что-то вполне ясное и понятное?

Вспоминаю всѣ сотни и тысячи людей городскихъ — и хорошо живущихъ, и бѣдствующихъ — съ которыми я говорилъ о томъ, зачѣмъ они пришли сюда, и всѣ безъ исключенія говорятъ, что они пришли сюда изъ деревни кормиться; что Москва не съѣтъ, не жнетъ, а богато живетъ, что въ Москвѣ всего много, и что потому только въ Москвѣ можно добыть тѣ деньги, которые имъ нужны въ деревнѣ на хлѣбъ, на пазбу, на лошадь, на предметы первой необходимости. Но, вѣдь, въ деревнѣ источникъ всяческаго богатства, тамъ только есть настоящее богатство: и хлѣбъ, и лѣсъ, и лошади, и все. Зачѣмъ же идти

въ городъ, чтобъ добыть то, что есть въ деревнѣ? и зачѣмъ, главное, увозить изъ деревни въ городъ то, что нужно деревенскимъ жителямъ — муку, овесъ, лошадей, скотину?

Сотни разъ я разговаривалъ про это съ крестьянами, живущими въ городѣ, и изъ разговоровъ моихъ съ ними и изъ наблюдений мнѣ уяснилось то, что скопленіе деревенскихъ жителей по городамъ отчасти необходимо потому, что они не могутъ иначе прокормиться, отчасти произвольно, и что въ городъ ихъ привлекаютъ городскіе соблазны. Справедливо то, что положеніе крестьянина таково, что для удовлетворенія требованій, предъявленныхъ къ нему въ деревнѣ, ему нельзя иначе справиться, какъ продавъ тотъ хлѣбъ, ту скотину, которые, онъ знаетъ, ему будутъ необходимы, и онъ волей-неволей принужденъ идти въ городъ, чтобъ выручить тамъ назадъ свой хлѣбъ. Но справедливо и то, что сравнительно легче добываемыя деньги и роскошь жизни въ городѣ привлекаетъ его туда, и, подъ видомъ кормиться въ городѣ, онъ идетъ туда для того, чтобъ работать легче, а ѣсть лучше, пить чай три раза, щеголять и даже пьянствовать и раскутничать. Причина того и другого одна: переходъ богатствъ производителей въ руки непроезвонителей и скопленія ихъ въ городахъ. И дѣйствительно, пришла осень, всѣ богатства собраны въ деревнѣ. И тотчасъ же заявляются требованія податей, солдатчины, оброковъ; тотчасъ же выставляются соблазны водки, свадебъ, праздниковъ мелкихъ торговцевъ, развѣзжающихъ по деревнямъ, и всякіе другіе; и, не тѣмъ такъ другимъ путемъ, богатства эти въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: овецъ, телятъ, коровъ, лошадей, свиней, куръ, яицъ, масла, пеньки, льна, ржи, овса, гречи, гороха, сѣмени коноплянаго и льнаго переходятъ въ руки чужихъ людей и перевозятся въ города, а изъ городовъ къ столицамъ. Деревенскій житель вынужденъ отдать все это для удовлетворенія заявленныхъ къ нему требованій и соблазновъ и, отдавъ свои богатства, остается съ нехваткой, и ему надо идти туда, куда свезены его богатства, и тамъ онъ отчасти старается вы-

ручить деньги, необходимыя ему на его первыя потребности въ деревнѣ, отчасти самъ, увлекаясь соблазнами города, пользуется, вмѣстѣ съ другими, собранными богатствами.

Вездѣ, по всей Россіи, да, я думаю, и не въ одной Россіи, а во всемъ мирѣ, происходитъ одно и то же. Богатства сельскихъ производителей переходятъ въ руки торговцевъ, землевладѣльцевъ, чиновниковъ, фабрикантовъ, и люди, получившіе эти богатства, хотятъ пользоваться ими. Пользоваться же вполнѣ этими богатствами они могутъ только въ городѣ. Въ деревнѣ, во-первыхъ, трудно найти, по раскинутости жителей, удовлетвореніе всѣхъ потребностей богатыхъ людей, нѣтъ всякаго рода мастерскихъ, лавокъ, банковъ, трактировъ, театровъ и всякаго рода общественныхъ увеселеній. Во-вторыхъ, одно изъ главныхъ удовольствій, доставляемыхъ богатствомъ — тщеславіе, желаніе удивить и перещеголять другихъ, опять по раскинутости населенія, съ трудомъ можетъ быть удовлетворяемо въ деревнѣ. Въ деревнѣ мало цѣнителей роскоши, некого удивлять. Какія бы деревенскій житель не завелъ себѣ украшенія жилища: картины, бронзы, какія бы ни завелъ экипажи, туалеты — мужики не знаютъ во всемъ этомъ толку.

И поэтому богатые люди скопляются вмѣстѣ и пристраиваются къ такимъ же богатымъ людямъ съ одинаковыми потребностями въ города, гдѣ удовлетвореніе всякихъ роскошныхъ вкусовъ заботливо охраняется многолюдной полицией. Коренные такіе жители въ городахъ, это государственные чиновники; около нихъ уже пристроились всякаго рода мастера и промышленники, къ нимъ присоединяются и богачи. Тамъ богатому человѣку стоитъ только вздумать, и все у него будетъ. Тамъ богатому человѣку пріятнѣе жить еще и потому, что тамъ онъ можетъ удовлетворить тщеславію, есть съ кѣмъ поравняться роскошью, есть кого удивить и есть кого затмить. Главное же, богатому человѣку уже потому лучше въ городѣ, что прежде ему неловко и жутко было за его роскошь въ деревнѣ, теперь же, напротивъ, ему неловко становится не

жить роскошно, не жить такъ, какъ всё, сверстные ему люди, вокругъ него. То, что казалось страннымъ и неловкимъ въ деревнѣ, здѣсь ему кажется, что такъ и должно быть.

Но бѣдные люди не лишаются человѣческаго разсудка оттого, что они бѣдные, и разсуждаютъ точь-въ-точь такъ же, какъ и мы. Какъ намъ при извѣстїи о томъ, что вотъ такой-то человѣкъ проигралъ, промоталъ 10, 20 тысячъ, приходитъ первая мысль о томъ, какой глупый и дрянной человѣкъ тотъ, который промоталъ безъ пользы такія деньги, и какъ я могъ хорошо бы употребить эти деньги на постройку, которая мнѣ давно нужна, на улучшение хозяйства, и т. п., точно также разсуждаютъ и бѣдные, видя передъ собой безумно швыряемые богатства, и тѣмъ настоятельнѣе разсуждаютъ такъ, что деньги эти имъ нужны не на фантазию, а на удовлетвореніе насущныхъ потребностей, которыхъ часто они лишены. Мы очень заблуждаемся, думая, что бѣдные могутъ разсуждать такъ и равнодушно смотрѣть на окружающую ихъ роскошь.

Третьяго года мы взяли изъ деревни крестьянскаго малюга въ буфетные мужики. Онъ что-то не поладилъ съ лакеемъ, его разочли; онъ поступилъ къ куцу, угодилъ и теперь ходитъ въ жилетѣ съ цѣпочкой и щегольскихъ сапогахъ. На его мѣсто взяли другого мужика, женатаго; онъ спился и потерялъ деньги; взяли третьяго — онъ запилъ и, пропивъ съ себя все, долго бѣдствовалъ въ ночлежномъ домѣ. Старикъ-поваръ спился въ городѣ и заболѣлъ. Въ прошломъ году лакей, пившій прежде запоемъ и въ деревнѣ державшійся безъ вина 5 лѣтъ, въ Москвѣ, жьвя безъ жены, поддерживавшей его, запилъ и испортилъ всю свою жизнь. Молодой мальчикъ изъ нашей деревни живетъ въ буфетныхъ мужикахъ у моего брата. Дѣдъ его, старикъ слѣпой пришелъ ко мнѣ въ мою бытность въ деревнѣ и просилъ меня усовѣстить этого внука, чтобъ онъ выслалъ 10 рублей денегъ на подати, безъ которыхъ придется продать корову. «Все говорить: одѣться надо прилично», сказалъ старикъ. «Ну, спилъ сапоги и буде: а то что-же онъ, часы, что ли завести хочетъ?» сказалъ дѣдъ, словами эти-

ми выразивъ самое безумное предположеніе, которое только можно сдѣлать. Предположеніе, дѣйствительно, безумное, если знать, что старикъ весь постъ ѣлъ безъ масла, и что у старика пропадаютъ нарѣзанные дрова, потому что нечѣмъ доплатить 1 руб. 20 коп.; но оказалось, что безумная шутка старика была дѣйствительность. Малый пришелъ ко мнѣ въ черномъ тонкомъ пальто, въ сапогахъ, за которые онъ заплатилъ 8 рублей. На дняхъ онъ взялъ у брата 10 рублей и извелъ на сапоги. И дѣти мои, которыя знаютъ мальчика съ дѣтства, сообщили мнѣ, что дѣйствительно онъ считаетъ необходимымъ завести часы. Онъ очень добрый мальчикъ; но онъ считаетъ, что ему будутъ смѣяться, пока у него не будетъ часовъ. И часы нужно. Нынѣшній годъ горничная, дѣвушка 18 лѣтъ, вошла у насъ въ домъ въ связъ съ кучеромъ. Ее разочли. Старушка-няня, съ которой я говорилъ объ этой несчастной, напомнила мнѣ о дѣвущкѣ, которую я забылъ. Она также 10 лѣтъ тому назадъ, во время короткаго пребыванія нашего въ Москвѣ, вошла въ связъ съ лакеемъ. Ее тоже разочли, и она кончила въ распугномъ домѣ и умерла, не доживъ до 20 лѣтъ, въ больницѣ отъ сифилиса. Стоитъ только оглянуться вокругъ себя, чтобы ужаснуться передъ той заразой которую, не говоря уже о фабрикахъ и заводахъ, служащихъ нашей же роскоши, мы прямо, непосредственно своею роскошною жизнью въ городѣ разносимъ между тѣми самыми людьми, которымъ мы потомъ хотимъ помогать,

XIV.

Совершенно съ другой стороны я пришелъ къ тому же заключенію. Вспоминая всё мое отношеніе къ городскимъ бѣднымъ за это время, я увидалъ, что одна изъ причинъ, по которымъ я не могъ помогать городскимъ бѣднымъ, была и та, что бѣдные были неискренни, неправдивы со мной. Они всё смотрѣли на меня не какъ на человѣка, а какъ на средство. Сблизиться съ ними я не могъ; можетъ быть, думалъ я, не умѣлъ; но безъ правдивости не-

возможна была помощь. Какъ помочь человѣку, который не говоритъ всего своего положенія? Я сначала упрекалъ въ этомъ ихъ (это такъ естественно упрекать другого), но одно слово замѣчательнаго человѣка, именно Сютаева, гостившаго у меня въ то время, разъяснило мнѣ дѣло и показало мнѣ, въ чемъ была причина моей неудачи. Я помню, что и тогда слово, сказанное Сютаевымъ, сильно поразило меня; но все значеніе его я понялъ только впоследствии. Это было въ самый разгаръ моего самообольщенія. Я сидѣлъ у моей сестры, и у нея же былъ Сютаевъ, и сестра спрашивала меня про мое дѣло. Я рассказалъ ей и, какъ это всегда бываетъ, когда не вѣришь въ свое дѣло, я съ большимъ увлеченіемъ, жаромъ и многословіемъ рассказывалъ ей то, что я дѣлаю, и то что можетъ выйти изъ этого: я говорилъ все, какъ мы будемъ слѣдить за всей нуждой въ Москвѣ, какъ мы будемъ призрѣвать сиротъ, старыхъ, высылать изъ Москвы обѣднѣвшихъ здѣсь деревенскихъ, какъ будемъ облегчать путь исправленія развратныхъ, какъ, если только это дѣло пойдетъ, въ Москвѣ не будетъ человѣка, который бы не нашелъ помощи. Сестра сочувствовала мнѣ, и мы говорили. Среди разговора я взглядывалъ на Сютаева. Зная его христіанскую жизнь и значеніе, которое онъ приписываетъ милосердію, я ожидалъ отъ него сочувствія и говорилъ такъ, чтобы онъ понялъ: я говорилъ сестрѣ, а обращалъ свою рѣчь больше къ нему. Онъ сидѣлъ неподвижно въ своемъ, черной дубки, тулупчикѣ, который онъ, какъ и всѣ мужики, носилъ на дворѣ и въ горинцѣ, и какъ будто не слушалъ насъ, а думалъ о своемъ. Маленькіе глазки его не блестя, а какъ будто обращены были въ себя. Наговорившись, я обратился къ нему съ вопросомъ, что онъ думаетъ про это?

— Да все это пустое дѣло,—сказалъ онъ.

— Отчего?

— Да вся ваша эта затѣя пустая и ничего изъ этого добра не выйдетъ,—съ убѣжденіемъ повторилъ онъ.

— Какъ не выйдетъ? Отчего же пустое дѣло, что мы

поможемъ тысячамъ, хоть сотнямъ несчастныхъ? Развѣ дурно по-евангельски голаго одѣтъ, голоднаго накормить?

— Знаю, знаю, да не то вы дѣлаете. Развѣ такъ помогать можно? Ты идешь, у тебя попроситъ человѣкъ 20 копѣекъ. Ты ему дашь. Развѣ это милостыня? Ты дай духовную милостыню, научи его; а это что-же ты даешь? Только значить—«отвяжись».

— Нѣтъ, да, вѣдь, мы не про то. Мы хотимъ узнать нужду и тогда помогать и деньгами, и дѣломъ. И работу найти.

— Да ничего этому народу такъ не сдѣлаете.

— Такъ какъ же, имъ такъ и умирать съ голода и холода?

— Зачѣмъ же умирать? Да много ли ихъ тутъ?

— Какъ, много ли ихъ?—сказалъ я, думая, что онъ такъ легко смотритъ на это потому, что не знаетъ, какое огромное количество этихъ людей.

— Да ты знаешь ли?—сказалъ я. — Ихъ въ Москвѣ, этихъ голодныхъ, холодныхъ, я думаю тысячъ 20. А въ Петербургѣ и по другимъ городамъ?

Онъ улыбнулся.

— Двадцать тысячъ! А дворовъ у насъ въ Россіи въ одной сколько? Милліонъ будетъ?

— Ну, такъ что жъ?

— Что жъ?—и глаза его заблестѣли, и онъ оживился.

— Ну, разберемъ ихъ по себѣ. Я не богатъ, а сейчасъ двоихъ возьму. Вотъ малаго-то ты взялъ на кухню; я его звалъ къ себѣ, онъ не пошелъ. Еще десять разъ столько будь, всѣхъ по себѣ разберемъ. Ты возьмешь, да я возьму. Мы и работать пойдемъ вмѣстѣ; онъ будетъ видѣть, какъ я работаю, будетъ учиться, какъ жить, и за чашку вмѣстѣ за однимъ столомъ сядемъ, и слово онъ отъ меня услышитъ и отъ тебя. Вотъ это милостыня, а то эта ваша община совсѣмъ пустая.

Простое слово это поразило меня, я не могъ не сознать его правоту. Мнѣ казалось тогда, что, несмотря на справедливость этого, все-таки, можетъ быть, полезно и то, что я началъ; но чѣмъ дальше я велъ это дѣло, чѣмъ

больше я сходилъ съ бѣдными, тѣмъ чаще мнѣ вспоминалось это слово и тѣмъ больше оно получало для меня значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, я приду въ дорогой шубѣ или прійду на своей лошади, или увидитъ мою двухтысячную квартиру тотъ, которому нужны сапоги; увидитъ хотя только то, что я сейчасъ, не жалѣя ихъ далъ 5 рублей только потому, что мнѣ такъ вздумалось: вѣдь онъ знаетъ, что, если я даю такъ рубли, то это только потому, что я набралъ ихъ такъ много, что у меня ихъ много лишнихъ, которые я не только никому ее давалъ, но легко отбиралъ отъ другихъ.

.....
.....
.....

XV.

Я сталъ разбирать дѣло еще съ третьей, съ чисто личной стороны. Въ числѣ явленій, особенно поразившихъ меня во время этой моей благотворительной дѣятельности, было еще одно, очень странное, которому я долго не могъ найти объясненія. Это было вотъ что: всякій разъ, какъ мнѣ случалось на улицѣ или дома давать бѣдному, не разговаривая съ нимъ, какую-нибудь мелкую монету, я видѣлъ, или мнѣ казалось, что я видѣлъ, удовольствіе и благодарность на лицѣ бѣднаго, и самъ я испытывалъ при этой формѣ благотворительности пріятное чувство. Я видѣлъ, что я сдѣлалъ то чего желалъ и ожидалъ отъ меня человѣкъ, но если я останавливался съ бѣднымъ и съ участіемъ спрашивалъ его о его прежней и теперешней жизни, болѣе или менѣе входилъ въ подробности его жизни, я чувствовалъ, что нельзя уже дать 3 или 20 копѣекъ, и я начиналъ перебирать въ кошелекѣ деньги, сомнѣваясь, сколько дать, давалъ всегда больше и всегда видѣлъ, что бѣдный уходитъ отъ меня недовольный. Если же я входилъ въ еще большее общеніе съ бѣднымъ, то

еще больше увеличивалось мое сомнѣніе о томъ, сколько дать, и, сколько бы я ни давалъ, бѣдный еще становился мрачнѣе и недовольнѣе. Какъ общее правило, выходило всегда такъ, что если я и давалъ послѣ сближенія съ бѣднымъ три рубля и больше, то почти всегда я видѣлъ мрачность, недовольство, злобу даже на лицѣ бѣднаго, и, случалось, что, взявъ десять рублей, онъ уходилъ не сказавъ даже спасибо, такъ, какъ будто я обидѣлъ его. И при этомъ мнѣ всегда бывало неловко, совѣстно и я всегда чувствовалъ себя виновнымъ. Если же я недѣлями, мѣсяцами, годами слѣдилъ за бѣднымъ и помогалъ ему, и высказывалъ ему свои взгляды, и сближался съ нимъ, то отношенія съ нимъ становились мукой, и я видѣлъ, что бѣдный презираетъ меня. И я чувствовалъ, что онъ правъ.

Если я иду по улицѣ, а онъ, стоя на этой улицѣ, проситъ у меня въ числѣ другихъ прохожихъ и проѣзжихъ три копѣйки, и я даю ихъ ему, то я для него прохожій, и добрый, хороший прохожій, такой, который даетъ ту нитку, изъ которой составляется рубашка голому; онъ больше нитки ничего не ждетъ, и если я даю ее, онъ искренно благословляетъ меня. Но если я остановился съ нимъ, поговорилъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, показавъ ему, что я хочу быть больше, чѣмъ прохожій, если, какъ это часто случалось, онъ заплакалъ, рассказывая мнѣ свое горе, то онъ видитъ во мнѣ уже не прохожаго, а то, что я хочу, чтобъ онъ видѣлъ: добраго человѣка. Если же я добрый человѣкъ, то доброта моя не можетъ остановиться ни на двугривенномъ, ни на 10 руб., ни на 100 руб. Положимъ, я далъ ему много, я оправилъ его, одѣлъ, поставилъ на ноги, такъ, что онъ могъ жить безъ чужой помощи; но почему бы то ни было, по несчастію или по его слабости, порочности, у него опять нѣтъ и того пальто, и того бѣлья, и тѣхъ денегъ, которыя я далъ ему; онъ опять голоденъ и холоденъ, и онъ опять пришелъ ко мнѣ, — почему я откажу ему? И если онъ 20 разъ пропилъ все, что вы ему дали, и онъ опять холоденъ и голоденъ, если вы добрый человѣкъ, вы не можете ни дать ему еще, не можете никогда перестать давать ему,

если у васъ больше, чѣмъ у него. А если вы попятитесь, то вы этимъ самымъ показали, что все, что вы дѣлали, вы дѣлали не потому, что вы добрый человѣкъ, а потому, что передъ людьми, передъ нимъ хотѣли показаться добрымъ человѣкомъ.

И вотъ тутъ то, съ такими людьми, съ которыми мнѣ приходилось пятился, переставать давать и этимъ отраться отъ добра, я испытывалъ мучительный стыдъ.

Что такое было этотъ стыдъ? Стыдъ этотъ испытывалъ я въ Ляпинскомъ домѣ, и прежде, и послѣ въ деревнѣ, когда мнѣ приходилось давать деньги или другое что бѣднымъ и въ моихъ похожденияхъ по городскимъ бѣднымъ.

Одинъ недавно бывший со мною случай стыда живо напомнилъ мнѣ и привелъ меня къ разъясненію причины того стыда, который я испытывалъ при даваніи денегъ бѣднымъ.

Случай былъ такой: я говорилъ уже о двухъ мужикахъ, съ которыми я третьяго года пилилъ дрова. Одинъ разъ вечеромъ въ субботу, сумерками, я пошелъ съ ними вмѣстѣ въ городъ. Они шли къ хозяину получать плату. Подходя къ Доргомилловскому мосту, мы встрѣтили старика. Онъ попросилъ милостыню, и я далъ ему 20 копѣекъ. Я далъ и подумалъ о томъ, какъ моя милостыня должна хорошо подействовать на Семена, съ которымъ мы говорили о жественномъ. Семень тотъ владимірскій мужикъ у котораго была въ Москвѣ жена и двое дѣтей, остановился, тоже заворотилъ полу кафтана и досталъ кошель и изъ кошелька, поискавъ въ немъ, досталъ три копѣйки, далъ ихъ старику и спросилъ двѣ копейки сдачи.

Старикъ показалъ на рукѣ двѣ трехкопечныя и одну копѣйку. Семень посмотрѣлъ, хотѣлъ взять копѣйку, но потомъ раздумалъ, снялъ шапку, перекрестился и пошелъ, оставивъ старику три копѣйки. Я зналъ все имущество Семена. У него дома не было, и не было никакой собственности. Денегъ онъ сбилъ по тотъ день, въ который онъ подалъ три копѣйки, 6 рублей 50 коп. Стало быть, 6 рублей 50 копѣекъ было все его сбереженіе. Мое сбереженіе равнялось приблизительно 600-мъ

тысячамъ. У меня была жена и дѣти, у Семена была жена и дѣти. Онъ былъ моложе меня, и дѣтей у него было меньше; но дѣти у него были малыя, у меня уже двое въ возрастѣ работниковъ, такъ что наше положеніе, кромѣ сбереженія, было равное; пожалуй, даже мое—нѣсколько выгоднѣе. Онъ далъ 3 коп., а я далъ 20. Что же далъ онъ и что я? Что бы я долженъ былъ дать, чтобъ сдѣлать то, что сдѣлалъ Семень? У него было 600 копѣекъ; онъ далъ изъ нихъ одну и потомъ еще двѣ. У меня было 600 тысячъ. Чтобъ дать то, что Семень, мнѣ надо было дать 3,000 рублей и просить 2,000 сдачи и, если бы не было сдачи, оставить и эти двѣ тысячи старику, перекреститься и пойти дальше, спокойно разговаривая о томъ, какъ живутъ на фабрикахъ и почему печенка на Смоленскомъ. Я тогда же подумалъ объ этомъ; но только долго послѣ я былъ въ состояніи сдѣлать изъ этого случая тотъ выводъ, который неизбежно изъ него вытекаетъ. Выводъ этотъ такъ необыкновененъ и страненъ кажется, что, несмотря на его математическую несомнѣнность, нужно время, чтобы привыкнуть къ нему. Все кажется, что тутъ должна быть какая-нибудь ошибка, но ошибки нѣтъ. Есть только страшная тьма заблужденій, въ которой мы живемъ.

Да прежде чѣмъ дѣлать добро, мнѣ надо стать внѣ зла, въ такія условія, въ которыхъ можно перестать дѣлать зло. А то вся жизнь моя зло. Я дамъ 100 тысячъ и все не стану еще въ то положеніе, въ которомъ можно дѣлать добро, потому что у меня еще останутся 500 тысячъ. Только когда у меня ничего не будетъ, я буду въ состояніи сдѣлать хоть маленькое добро, хоть то, что сдѣлала проститутка, ухаживая три дня за больною и ея ребенкомъ. А мнѣ казалось, это такъ мало! И я смѣлъ думать о добрѣ! То, что съ перваго раза сказалося мнѣ при видѣ голодныхъ и холодныхъ у Ляпинскаго дома, именно то, что я виноватъ въ этомъ и что такъ жить, какъ я живу, нельзя, и нельзя, и нельзя — это одна была правда.

XVI.

Трудно мнѣ было дойти до этого сознанія; но, когда я дошелъ до него, я ужаснулся тому заблужденію, въ которомъ я жилъ. Я стоялъ по уши въ грязи и другихъ хотьбы вытаскивать изъ этой грязи.

Въ самомъ дѣлѣ, чего я хочу? Я хочу сдѣлать добро другимъ, хочу сдѣлать такъ, чтобы люди не были холодны и голодны, чтобы люди могли жить такъ, какъ это свойственно людямъ.

Кто такой я, тотъ, который хочетъ помогать людямъ? Я хочу помогать людямъ, и я, вставъ въ 12 часовъ послѣ винта съ 4-мя свѣчами, разслабленный, изнѣженный, требующій помощи и услугъ сотенъ людей, прихожу помогать кому же? Людямъ, которые встаютъ въ пять, спятъ на доскахъ, питаются капустой съ хлѣбомъ; умѣютъ пахать, косить, насадить топоръ, тесать, запрягать, шить, — людямъ, которые и силой, и выдержкой, и искусствомъ, и воздержностью въ сто разъ сильнѣе меня, и я имъ прихожу помогать! Что же, кромѣ стыда, я могу испытывать, входя въ общеніе съ этими людьми? Самый слабый изъ нихъ — пьяница, житель Ржанова дома, тотъ, котораго они называютъ лѣнтяемъ, во сто разъ трудолюбивѣе меня.

И этимъ-то людямъ я иду помогать. Я иду помогать бѣднымъ. Да кто бѣдный-то? Бѣднѣе меня нѣтъ ни одного. Я весь разслабленный, ни на что негодный паразитъ, который можетъ только существовать при самыхъ исключительныхъ условіяхъ, который можетъ существовать только тогда, когда тысячи людей будутъ трудиться на поддержаніе этой, никому не нужной жизни. И я, та вошь, пожирающая листь дерева, хочу помогать росту и здоровью этого дерева, и хочу лѣчить его.

Удивительно не то, что я не помогъ никому и почувствовалъ стыдъ, но удивительно то, что могла мнѣ придти такая нелѣпая мысль. Та женщина, которая служила больному старику, та помогла ему; та хозяйка, которая отрѣзала лопоть отъ своего выработаннаго отъ земли хлѣба,

та помогла нищему; Семень, давшій три выработанныя копѣйки, помогъ нищему, потому что эти 3 копѣйки представляли дѣйствительно его трудъ; но я никому не служилъ, ни для кого не работалъ и хорошо знаю, что деньги мои не представляютъ мой трудъ.

И я почувствовалъ, что въ деньгахъ, въ самыхъ деньгахъ, въ обладаніи ими, есть что-то безнравственное, и я спросилъ себя, что такое деньги?

.....

Меня всегда удивляютъ часто повторяемые слова: да это такъ по теоріи, но на практикѣ-то какъ? Точно, какъ будто, теорія это какія-то хорошія слова, нужныя для разговора, но не для того, чтобы вся практика, т.-е. вся дѣятельность неизбежно основывалась на ней. Должно быть, было на свѣтѣ ужасно много глупыхъ теорій, если вошло въ употребленіе такое удивительное разсужденіе. Теорія, вѣдь это то, что человекъ думаетъ о предметѣ, а практика это то, что онъ дѣлаетъ. Какъ же можетъ быть, чтобы человекъ думалъ, что надо дѣлать такъ, а дѣлалъ бы на выворотъ? Если теорія печенія хлѣбовъ та, что ихъ надо прежде замѣстить, а потомъ поставить, то, кромѣ сумасшедшихъ, никто, зная теорію, не можемъ сдѣлать обратно. Но у насъ вошло въ моду говорить, что это теорія, но какъ на практикѣ?

Въ предметѣ, который меня занималъ, подтвердилось то, что я всегда думалъ, что практика неизбежно вытекаетъ изъ теоріи и не то, что оправдываетъ ее, но не можетъ быть никакая иная; что если я понялъ то дѣло, о которомъ думалъ, то я не могу дѣлать это дѣло иначе, какъ я его понималъ.

Я захотѣлъ помогать несчастнымъ только потому, что у меня были деньги, и я раздѣлялъ общее суевѣріе о томъ, что деньги — представители труда или вообще что-то хорошее. Но начавъ давать эти деньги, я увидалъ, что деньги сами по себѣ не только не добро, но очевидное зло, лишнее людей главнаго блага — труда и пользованія этимъ своимъ трудомъ, и что этого-то блага я не могу никому

передать, потому что я самъ лишенъ его: у меня нѣтъ труда и нѣтъ счастья пользоваться своимъ трудомъ.

Казалось бы, что особеннаго въ этомъ отвлеченномъ разсужденіи о томъ, что есть деньги? Но разсужденіе это, сдѣланною мною не какъ разсужденіе для разсужденія, а для того, чтобы разрѣшить вопросъ, моей жизни, моего страданія, было для меня отвѣтомъ на вопросъ, что дѣлать!

Какъ только я понялъ, что такое богатство, что такое деньги, такъ мнѣ не только ясно, но несомнѣнно стало, что всѣ другіе должны дѣлать, потому что они неизбѣжно будутъ это дѣлать. Я понялъ въ сущности только то, что я зналъ давнымъ давно ту истину, которая передавалась людямъ съ самыхъ древнихъ временъ и Буддой и Исаеѣй, и Лаодзи и Сократомъ, и особенно ясно и несомнѣнно передана намъ Иисусомъ Христомъ и предшественникомъ его Іоанномъ Крестителемъ. Іоаннъ Креститель на вопросъ людей: что намъ дѣлать? отвѣчалъ просто, коротко и ясно: «У кого двѣ одежды, тотъ дай тому, у кого нѣтъ, и у кого есть пища, дѣлай то же». (Луки III, 10, 11). То же и еще съ большей ясностью, и много разъ говорилъ Христосъ. Онъ говорилъ: блажены нищіе и горе богатымъ. Онъ говорилъ, что нельзя служить Богу и мамону. Онъ запретилъ ученикамъ брать не только деньги, но двѣ одежды. Онъ сказалъ богатому юношѣ, что онъ не можетъ, войти въ царство Божіе, потому что онъ богатъ, и что легче верблюду войти въ ушко иглы, чѣмъ богатому въ царство Божіе. Онъ сказалъ, что тотъ, кто не оставитъ всего: и дома, и дѣтей, и полей для того, чтобы идти за Нимъ, тотъ не его ученикъ. Онъ сказалъ притчу о богатомъ, ничего не дѣлавшемъ дурнаго, какъ и наши богатые, но только хорошо одѣвавшемся и сладко ѣвшемъ и пившемъ и погубившемъ этимъ только свою душу, и о нищемъ Лазарѣ, ничего не сдѣлавшемъ хорошаго, но спасшемся только оттого, что онъ былъ нищій.

Истина эта мнѣ была давно извѣстна, но ложныя ученія міра скрыли ее, и она сдѣлалась для меня именно теоріей въ томъ смыслѣ, какой любятъ придавать этому слову, т. е. пустыми словами. Но какъ скоро мнѣ уда-

лось разрушить въ своемъ сознаниіи софизмы мірскаго ученія, такъ теорія слилась съ практикой, и дѣйствительность моей жизни и жизни всѣхъ людей стала ея неизбѣжнымъ послѣдствіемъ.

Я понялъ, что человѣкъ, кромѣ жизни для своего личнаго блага, неизбѣжно долженъ служить и благу другихъ людей; что если брать сравненія изъ міра животныхъ, какъ это любятъ дѣлать нѣкоторые люди, защищая насилія и борьбу борьбой за существованіе, то сравненіе надо брать изъ животныхъ общественныхъ, какъ пчелы, и что потому человѣкъ, не говоря уже о вложенной въ него любви къ ближнему, и разумомъ, и самой природой своей призванъ къ служенію другимъ людямъ и общей человѣческой цѣли. Я понялъ, что этотъ естественный законъ человѣка, тотъ, при которомъ только онъ можетъ исполнить свое назначеніе и потому быть счастливымъ. Я понялъ, что законъ этотъ нарушался и нарушается тѣмъ, что люди освобождаютъ себя отъ труда, и пользуются трудомъ другихъ, направляя этотъ трудъ не къ общей цѣли, а къ личному удовлетворенію разрастающихся похотей, и такъ же, какъ грабительницы пчелы, погибаютъ отъ этого.

Когда я былъ рабовладѣльцемъ; имѣя крѣпостныхъ, и понимая безнравственность этого положенія, я вмѣстѣ съ другими людьми, понявшими то же въ то время, старался избавиться отъ этого положенія. Избавленіе же мое состояло въ томъ, что я, считая его безнравственнымъ, старался самъ, до тѣхъ поръ, пока я не могъ вполне избавиться отъ этого положенія, какъ можно менѣе предъявлять своихъ правъ рабовладѣльца, а жить и оставлять людей жить такъ, какъ будто этихъ правъ не существовало, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми средствами внушать другимъ рабовладѣльцамъ незаконность и безчеловѣчность ихъ воображаемыхъ правъ. То же самое я не могу не дѣлать теперь относительно теперешняго рабства.

Участіе въ рабствѣ со стороны рабовладѣльца состоитъ въ пользованіи чужимъ трудомъ, все равно—виждется-ли рабство на моемъ правѣ на раба, или въ моемъ владѣніи

землю или деньгами. И потому, если человекъ точно не любитъ рабство и не хочетъ быть участникомъ въ немъ, то первое, что онъ сдѣлаетъ, будетъ то, что онъ не будетъ пользоваться чужимъ трудомъ ни посредствомъ владѣнія землей, ни посредствомъ денегъ. Отказъ же отъ всѣхъ употребительныхъ средствъ пользования чужимъ трудомъ неизбежно приведетъ такого человека къ необходимости, съ одной стороны, умѣрить свои потребности; съ другой стороны, дѣлать для себя только то, что прежде дѣлали для него другіе.

И этотъ, такой простой, выводъ сразу уничтожаетъ всѣ тѣ три причины невозможности помощи бѣднымъ, къ которымъ я пришелъ, отыскивая причину своей неудачи.

Первая причина была скопление людей въ городахъ и поглощеніе въ нихъ богатствъ деревни. Стоитъ только человеку не желать пользования чужимъ трудомъ посредствомъ владѣнія землею и деньгами, и потому по силамъ самому удовлетворять своимъ потребностямъ, чтобы ему никогда и въ голову не пришло уѣхать изъ деревни, въ которой легче всего можно удовлетворять своимъ потребностямъ, въ городъ, гдѣ все есть произведенія чужого труда, гдѣ все надо купить. И тогда, въ деревнѣ, человекъ будетъ въ состояніи помогать нуждающимся, и не испытаетъ того чувства беспомощности, которое я испытывалъ въ городѣ, желая помогать людямъ не своимъ, а чужимъ трудомъ.

Вторая причина была разединеніе богатыхъ съ бѣдными. Стоитъ только человеку не желать имѣть земли и денегъ, и человекъ будетъ поставленъ въ необходимость удовлетворять самъ своимъ потребностямъ, и тотчасъ же невольно разрушится та стѣна, которая отдѣляла его отъ рабочаго народа, и онъ получитъ возможность помогать ему.

Третья причина была стыдъ, основанный на сознании безнравственности моего обладанія тѣми деньгами, которыми я хотѣлъ помогать людямъ. Стоитъ человеку не желать пользоваться чужимъ трудомъ, и у него никогда не будетъ тѣхъ лишнихъ, дурашныхъ денегъ, присут-

ствіе которыхъ у меня вызывало въ людяхъ требованія, которымъ я не могъ удовлетворить, а во мнѣ чувство сознанія своей неправоты.

XVII.

Я сдѣлалъ слѣдующій простой выводъ, что я долженъ какъ можно меньше пользоваться работой другихъ, и какъ можно больше самъ работать.

Я пришелъ длиннымъ путемъ къ тому неизбежному выводу, который сдѣланъ тысячелѣтіе тому назадъ китайцами въ изреченіи: если есть одинъ праздный человекъ, то есть другой, умирающій съ голоду.

Я пришелъ къ тому простому и естественному выводу, что если я жалѣю ту замученную лошадь, на которой я ѣду, то первое, что я долженъ сдѣлать, если я точно жалѣю ее—это слѣзть съ нея и идти своими ногами.

Отвѣтъ этотъ, дающій такое полное удовлетвореніе, нравственному чувству, дралъ мнѣ глаза и деретъ глаза всѣмъ намъ, и мы всѣ не видимъ его, и глядимъ по сторонамъ.

Мы, въ нашемъ исканіи исцѣленія отъ нашихъ общественныхъ болѣзней, ищемъ со всѣхъ сторонъ: и въ правительственныхъ и въ антиправительственныхъ, и въ научныхъ, и въ филантропическихъ суевѣріяхъ, а не видимъ того, что рѣжетъ глаза всякому.

Для того, кто точно искренно страдаетъ страданіями окружающихъ его людей, есть самое ясное, простое и легкое средство, единственно возможное для исцѣленія окружающихъ его золь и для сознанія законности своей жизни, — то самое, которое далъ Іоаннъ Креститель, на вопросъ его: что дѣлать, и которое подтвердилъ Христосъ: не имѣть больше одной одежды и не имѣть денегъ, т.-е. не пользоваться трудами другихъ людей. А чтобы не пользоваться трудами другихъ — дѣлать своими руками все, что можемъ дѣлать.

Это такъ просто и ясно. Но это просто и ясно, когда и потребности просты, и когда самъ еще свѣжъ и не

испорченъ лѣбною и праздною. Я живу въ деревнѣ, лежу на печкѣ, и велю своему должнику, сосѣду, рубить дрова и топить печку. Очень ясно, что я лѣбуюсь и отрываю сосѣда отъ дѣла, и мнѣ станетъ совѣстно, да и скучно все лежать, если мускулы мои сильны и я привыкъ работать, я пойду, самъ нарублю.

Но соблазнъ рабства всѣхъ видовъ живетъ такъ давно, такъ много выросло на немъ искусственныхъ потребностей, такъ много людей, на разныхъ степеняхъ привычекъ къ этимъ потребностямъ, переплетены другъ съ другомъ, такъ поколѣбными испорчены, извѣжены люди, такіе сложные соблазны и оправданія въ ихъ роскоши и праздности придуманы людьми, что человѣку, находящемуся на верху лѣстницы праздныхъ людей, далеко не такъ легко понять свой грѣхъ, какъ тому мужику, который заставляетъ сосѣда топить печку.

Людямъ, находящимся на верхней ступени этой лѣстницы, ужасно трудно понять то, что отъ нихъ требуется.

Но, кромѣ самой отдаленности людей отъ истины, есть еще другая причина, мѣшающая людямъ видѣть обязательность для нихъ самой простой и естественной для самихъ себя личной физической работы: это—сложность, переплетенность условий, выгодъ всѣхъ связанныхъ между собою людей, въ которой живетъ богатый человѣкъ.

«Моя роскошная жизнь кормитъ людей. Куда пойдетъ мой старикъ камердинеръ, если я отпущу его. Что же, вѣзмъ самимъ себѣ дѣлать все нужное, и платья, и рубить дрова?... А раздѣленіе труда?»

А промышленность, а общественныя предпріятія, и подъ конецъ самыя страшныя слова: цивилизація, наука, искусство.

Жизнь въ городѣ.

Прошлаго года, въ мартѣ, я поздно вечеромъ возвращался домой. Заворачивая изъ Зубова въ Хамовническій

переулокъ, я увпдалъ на снѣгу Дѣвичьяго поля черныя пятна. Что-то ворочалось на мѣстѣ. Я бы не обратилъ на это вниманія, еслибъ не городской, стоявшій въ началѣ переулка, который крикнулъ по направленію черныхъ пятенъ: «Василій! что-жъ не ведешь?» — Да нейдетъ!—сказалъ оттуда голосъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, пятна двинулись къ городскому. Я остановился и спросилъ у городского: что это такое? Онъ сказалъ: «дѣвченокъ забрала изъ Ржанова дома, свели въ участокъ, а одна отстала вотъ, нейдетъ». Дворникъ въ тулупѣ велъ ее. Она шла впереди, а онъ поталкивалъ ее сзади. Всѣ — и я, и дворники, и городской, одѣты были по зимнему; одна она была въ платьѣ. Въ темнотѣ я могъ разобрать только коричневое платье, платокъ на головѣ и на шеѣ. Она была мала ростомъ, какъ бываютъ малы заморыши; короткія ноги, и, относительно, широкая и несладкая фигура.

— Изъ за тебя..... стоимъ. Иди, что-ли! Вотъ я тебя! — крикнулъ городской. Очевидно, онъ усталъ, и она уже надоѣла ему. Она прошла нѣсколько шаговъ и опять остановилась.

Старичекъ дворникъ, добродушный человѣкъ (я его знаю), дернулъ ее за руку. «Вотъ я-те, остановлюсь! Иди!» — притворялся онъ, что сердится.

Она пошатнулась и заговорила скрипящимъ голосомъ. Во всякомъ звукѣ была фальшивая нота, хрипъ и визгъ.

— Пу тебя, еще пихается! Дойду!

— Замерзнешь,—сказалъ дворникъ.

— Наша сестра не замерзнетъ. Я горячая.

Она хотѣла шутить, но слова ея звучали, какъ брань. У фонаря, который стоитъ недалеко отъ воротъ нашего дома, она опять остановилась и прислонилась, навалилась почти на заборъ и что-то стала копать въ своихъ юбкахъ неловкими, застывшими руками. Опять они закричали на нее, но она что-то бурчала и что-то дѣлала. Она держала въ одной рукѣ согнувшуюся дугой папирску, въ другой сѣрнички. Я остановился сзади; мнѣ совѣстно было пройти мимо нея, и совѣстно стоять и смотрѣть. Однако я рѣ-

шился и подошелъ. Она плечомъ лежала на заборѣ и объ заборѣ же бесполезно чиркала сѣричками и бросала ихъ. Я разсмотрѣлъ ея лицо.

Она была именно заморухъ, но какъ мнѣ побазалось, уже старая женщина, я ей далъ лѣтъ 30-ть. Грязный цвѣтъ лица, маленькіе, мутные, пьяные глаза: носъ пуговицей, кривыя, слюнявыя, опущенныя въ углахъ губы, и выбившаяся изъ подъ платка короткая прядь сухихъ волосъ. Талія длинная и плоская, и короткія руки и ноги. Я остановился противъ нея. Она посмотрѣла на меня и усмѣхнулась, какъ будто зная все, что я думалъ.

Я-то чувствовалъ, что надо сказать ей что-нибудь. Мнѣ хотѣлось показать ей, что я жалѣю ее.

— Родители есть у васъ?—спросилъ я.

Она засмѣялась хрипло, потомъ вдругъ оборвала и, поднявъ брови, уставилась на меня.

— Есть у васъ родители?—повторилъ я.

Она усмѣхнулась съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорила: вѣдь выдумаетъ же, что спрашивать.

— Мать есть,—сказала она. А тебѣ что.

— А сколько вамъ лѣтъ?

— Шестнадцатый, сказала она, тотчасъ же отвѣчая, очевидно, на привычный вопросъ.

— Ну, маршъ, замерзнешь съ тобой, пропади ты совсѣмъ! — крикнулъ городской, и она откачнулась отъ забора, и, перекачиваясь, пошла внизъ по Хамовническому переулку въ участокъ, а я завернулъ въ калитку и вошелъ въ домъ и спросилъ, вернулись ли мои дочери. Мнѣ сказали, что онѣ были на вечерѣ, очень веселились, вернулись и уже спать.

На другой день утромъ я хотѣлъ пойти въ участокъ узнать, что сдѣлала съ этой несчастной, и довольно рано собрался уже выходить, когда ко мнѣ пришелъ одинъ изъ тѣхъ дворянъ несчастныхъ, которые по слабости сбились съ привычной имъ господской жизни и то поднимаются, то опять падаютъ. Мы съ этимъ были знакомы три года. Въ эти три года этотъ человѣкъ уже нѣсколько разъ спускалъ все, что у него было, и все платье съ себя, и съ

нимъ только что случилось такое событіе, и онъ временно ночи проводилъ въ Ржановомъ домѣ, на ночлежной квартирѣ, а на день приходилъ ко мнѣ. Онъ встрѣтилъ меня на выходѣ, и, не слушая меня, тотчасъ же началъ мнѣ рассказывать то, что у нихъ въ Ржановомъ домѣ случилось въ эту ночь. Онъ началъ рассказывать и не досказалъ до половины; онъ вдругъ — онъ, старый, видавшій всякіе виды, человѣкъ — зарыдалъ, захлопалъ и, замолчавъ, отвернулся къ стѣнѣ. Вотъ что онъ рассказалъ мнѣ. Все то, что онъ рассказалъ мнѣ, была совершенная правда. Я провѣрилъ его рассказъ на мѣстѣ и узналъ еще новыя подробности, которыя я расскажу за одно.

Въ той ночлежной квартирѣ, въ нижнемъ этажѣ, въ 32-мъ номерѣ, въ которомъ ночевалъ мой пріятель, въ числѣ разныхъ перемѣняющихся ночлежниковъ, мужчинъ и женщинъ, за 5 коп., сходящихся другъ съ другомъ, ночевала и прачка, женщина, лѣтъ 30-ти, бѣлокурая, тихая и благообразная, но болѣзненная. Хозяйка квартиры—любовница лодочника. Лѣтомъ сожитель держитъ лодку, а зимой они живутъ сдачей квартиръ ночлежникамъ—3 коп. безъ подушки, 5 к. съ подушкой. Прачка нѣсколько мѣсяцевъ жила здѣсь и была тихая женщина, но въ послѣднее время ее не взлюбили за то, что она кашляла и мѣшала жильцамъ спать. Особенно 80-ти лѣтняя старуха, полусумасшедшая, тоже постоянная жиличка этой квартиры, возненавидѣла прачку и поѣдомъ ѣла ее за то, что она спать не даетъ и всю ночь перхаегъ, какъ овца. Прачка молчала; она задолжала за квартиру и чувствовала себя виноватой, и потому ей надо было быть тихой. Она все рѣже и рѣже могла ходить на работу: силъ не хватало, и потому не могла выплачивать хозяйкѣ. Послѣднюю недѣлю она вовсе не ходила на работу и только отравляла всѣмъ, особенно старухѣ, тоже не выходившей, жизнь своей перхотой. Четыре дня тому назадъ хозяйка отозвала прачкѣ отъ квартиры. За ней уже набралось шесть гривенъ, и она не платила ихъ, и не предвидѣлось надежды ихъ получить; а койки всѣ были заняты, и жильцы жаловались на перхоту прачки.

Когда хозяйка отказала прачкѣ и сказала, чтобъ она выходила изъ квартиры, коли не отдасть денегъ, старуха обрадовалась и вытолкала прачку на дворъ. Прачка ушла, но черезъ часъ вернулась, и у хозяйки не хватало духу выгнать ее опять. И второй и третій день хозяйка не выгоняла ее. «Куда же я пойду?» говорила прачка. Но на третій день любовникъ хозяйки, человекъ московскій и знающій порядки и обхождение, пошелъ за городовымъ. Городовой, съ саблей и пистолетомъ на красномъ шнуркѣ, пришелъ въ квартиру, и, учтиво приговаривая приличные слова, вывелъ прачку на улицу.

Быль ясный, солнечный, но морозный мартовскій день. Ручьи текли, дворники кололи ледъ. Сани извозчиковъ подпрыгивали по обледенѣвшему снѣгу и визжали по камнямъ. Прачка пошла въ гору по солнечной сторонѣ, дошла до церкви и сѣла, тоже на солнечной сторонѣ, на паперти церкви. Но, когда солнце стало заходить за дома, дужи стали затягиваться стеклышкомъ мороза, прачкѣ стало холодно и жутко. Она поднялась и потащилась... Куда? Домой, въ тотъ единственный домъ, въ которомъ она жила послѣднее время. Пока она дошла, отдыхая, стало смеркаться. Она подошла къ воротамъ, завернула въ нихъ, поскользнулась, ахнула и упала.

Прошелъ одинъ, прошелъ другой человекъ. «Должно, пьяная». Прошелъ еще человекъ, и споткнулся на прачку, и сказалъ дворнику: «Какая-то у васъ пьяная въ воротахъ валяется, чуть голову себѣ не проломилъ черезъ нее, уберите вы ее, что ли?».

Дворникъ пошелъ. Прачка умерла.

Вотъ что рассказалъ мнѣ мой пріятель. Можно подумать, что я подобралъ факты — встрѣчу съ пятнадцати-лѣтней проституткой и исторію съ этой прачкой; но пусть не думаютъ этого; это такъ точно было въ одну ночь — не помню только какого марта 1884 года. И вотъ, отслушавъ рассказъ моего пріятеля, я пошелъ въ участокъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда пойти въ Ржановъ домъ — узнать подробности объ этой исторіи прачки. Погода была прекрасная, солнечная; опять сквозь звѣзды ночного мороза въ тѣни вид-

нѣлась бѣгущая вода, а на припорѣ солнца на Хамовнической площади, все таяло, и вода бѣжала. Отъ рѣки что то шумѣло. Деревья Нескучнаго сада синѣли черезъ рѣку; порыжѣвшіе воробы, незамѣтные зимой, такъ и бросались въ глаза своимъ весельемъ: люди какъ будто тоже хотѣли быть веселы, но у нихъ у всѣхъ было слишкомъ много работы. Слышались звоны колоколовъ, и на фонѣ этихъ сливающихся звуковъ слышались изъ казармъ звуки пальбы, свистъ нарѣзныхъ пуль и чмоканье ихъ объ мишень.

Я пришелъ въ участокъ. Въ участкѣ нѣсколько вооруженныхъ людей, городскихъ, проводили меня къ своему начальнику. Онъ былъ также вооруженъ и саблей и пистолетомъ, и былъ занятъ какимъ-то распоряженіемъ объ ободранномъ, трящемся старикѣ, который стоялъ передъ нимъ и отъ слабости не могъ ясно выговорить того, что у него спрашивали. Окончивъ дѣло со старикомъ, онъ обратился ко мнѣ. Я спросилъ о вчерашней женщинѣ. Онъ сначала внимательно слушалъ меня, но потомъ улыбнулся и тому, что я не знаю порядковъ, для чего ихъ водятъ въ участокъ, и особенно тому, что я былъ удивленъ ея молодостью.

— Помилуйте, да есть 12-ти лѣтъ, а 13 и 14-ти сплошь да рядомъ, — сказалъ онъ весело.

На вопросъ-же мой о вчерашней, онъ объяснилъ мнѣ, что ихъ, должно быть, отправили въ комитетъ (кажется, такъ).

На вопросъ мой, гдѣ онъ ночевали, онъ отвѣчалъ неопредѣленно. Той же, о которой я говорилъ, онъ не помнилъ. Ихъ такъ много каждый день.

Въ Ржановомъ домѣ, я въ 32-мъ номерѣ засталъ уже чтеніе дьячка надъ покойницей. Ее внесли на бывшую ея же койку и жилыцы, все голыши, собрали деньги на поминки, на гробъ и на саванъ, а старухи убрали ее и положили. Дьячекъ что-то читалъ въ темнотѣ, женщина въ салопѣ стояла съ восковой свѣчкой, и съ такой же свѣчкой стоялъ человекъ (господинъ, надо-бы сказать) въ чистомъ пальто съ барашковымъ воротникомъ, блестящихъ

калошахъ и крахмальной рубашкѣ. Это былъ ея братъ. Его розыскали.

Я прошелъ мимо покойницы въ уголъ хозяйки и спросилъ ее обо всемъ.

Она испугалась моихъ вопросовъ; она, очевидно, боялась, какъ бы ее не обвинили въ чемъ-нибудь; но потомъ она разговорилась и рассказала мнѣ все. Проходя назадъ, я взглянулъ на покойницу. Всѣ покойники хороши, но эта была особенно хороша и трогательна въ своемъ гробу; чистое блѣдное лицо съ закрытыми выпуклыми глазами, съ ввалившимися щеками, и русыми, мягкими волосами надъ высокимъ лбомъ; лицо усталое, доброе и не грустное, но удивленное. И въ самомъ дѣлѣ, если живые не видятъ, то мертвые удивляются.

Въ тотъ день, какъ я записывалъ это, въ Москвѣ былъ большой балъ.

Въ эту ночь я вышелъ изъ дома въ 9-мъ часу. Живу я въ мѣстности, окруженной фабриками, и я вышелъ изъ дома послѣ свистковъ фабрикъ, которыя послѣ недѣли непрестанной работы, выпустили народъ на свободный день.

Меня обгоняли и я обгонялъ фабричныхъ, направлявшихся къ кабакамъ и трактирамъ. Многие уже были пьяны, многие были съ женщинами.

Я живу среди фабрикъ. Каждое утро въ 5 часовъ слышенъ одинъ свистокъ, другой, третій, десятый, дальше и дальше. Это значитъ, что началась работа женщинъ, дѣтей, стариковъ. Въ 8 часовъ другой свистокъ,—это полчаса передышки. Въ 12-ть третій,—это часъ на обѣдъ. И въ 8 четвертый—это шашъ.

По странной случайности, кромѣ ближайшаго ко мнѣ пивного завода, три фабрики, находящіяся около меня, производятъ только предметы, нужные для баловъ.

На одной ближайшей фабрикѣ дѣлаютъ только чулки; на другой, напротивъ, шелковыя матеріи; на третьей—духи и помаду.

Можно слышать эти свистки и не соединять съ ними другого представленія, какъ то, что они опредѣляютъ время: «А вотъ уже свистокъ, значитъ, пора идти гулять»; но можно соединять съ этими свистками то, что есть въ дѣйствительности: то, что первый свистокъ, въ пять часовъ утра, значитъ то, что люди, часто въ повалку — мужчины и женщины — спавшіе въ сыромъ подвалѣ, поднимаются въ темнотѣ и сѣшатъ идти въ гудящій машинами корпусъ, и размѣщаются за работой, которой конца и пользы для себя не видятъ, и работаютъ такъ часто въ жару, въ духотѣ, въ грязи, съ самыми короткими перерывами — часъ, два, три, двѣнадцать и больше часовъ подъ рядъ. Засыпаютъ, и опять поднимаются, и опять продолжаютъ ту же бессмысленную для нихъ работу, къ которой они принуждены только нуждой.

И такъ проходятъ одна недѣля за другою, съ перерывомъ праздниковъ. И вотъ, я вижу этихъ рабочихъ, выпущенныхъ на одинъ изъ тѣхъ праздниковъ. Они выходятъ на улицу: вездѣ трактиры, кабаки, дѣвки. И они пьяные тащатъ другъ друга за руку и дѣвокъ такихъ, какъ та, которую вели въ участокъ, тащатъ за собой, и нанимаютъ извозчиковъ, и ѣздятъ, и ходятъ изъ одного трактира въ другой, и ругаются, и шатаются, и говорятъ, сами не знаютъ что. Я прежде видалъ такія шатающія фабричныхъ и гадливо сторонился отъ нихъ, и чуть не упрекалъ ихъ; но съ тѣхъ поръ, какъ я слышу каждый день эти свистки и знаю ихъ значеніе, я удивляюсь только тому, что всѣ не приходятъ въ худшее состояніе.

Такъ я ходилъ, смотрѣлъ на этихъ фабричныхъ, пока они возились по улицамъ, часовъ до 11-ти. Потомъ движеніе ихъ стало затихать. Оставались кое-гдѣ пьяные, и кое-гдѣ попадались мужчины и женщины, проводимые въ участки...

Можетъ быть, очень весело на балахъ. Но какъ это сдѣлалось такъ? Вѣдь, когда мы видимъ въ обществѣ и среди насъ, что есть одинъ человекъ, который не ѣлъ или озябъ, то намъ совѣстно быть веселыми, и мы не можемъ быть веселы до тѣхъ поръ, пока онъ не насы-

тится и не согрѣется, не говоря ужъ о томъ, что нельзя себѣ представить людей, могущихъ веселиться такимъ весельемъ, которое причиняетъ страданія другимъ. Намъ противно и непонятно веселье злыхъ мальчишекъ, которые зажмутъ собакъ хвостъ въ лещетку и веселятся этимъ.

Такъ какъ же здѣсь, въ этихъ нашихъ весельяхъ, на насъ напала слѣпота, и мы не видимъ той лещетки, которою мы зажали хвосты всѣхъ тѣхъ людей, которые страдаютъ для нашего веселья?

Вѣдь, каждая изъ женщинъ, которая поѣхала на этотъ балъ въ 150-ти рублевомъ платьѣ, не родилась на балъ или у m-me Minaagoi, а она жила въ деревнѣ, видѣла мужиковъ, знаетъ свою няню и горничную, у которой отцы и братья бѣдные, для которыхъ выработать 150 рублей на избу есть цѣль длинной, трудовой жизни: она знаетъ это, — какъ же она могла веселиться, когда она знала, что она на этомъ балѣ носила на своемъ оголенномъ тѣлѣ ту избу, которая есть мечта брата ея доброй горничной? Но, положимъ, она могла не сдѣлать этого соображенія; но того, что бархатъ и шелкъ, и конфекты, и цвѣты, и кружева, и платья не растутъ сами собой, а ихъ дѣлаютъ люди, вѣдь этого, казалось бы, она не могла не знать. Казалось бы, она не могла не знать того, какіе люди дѣлаютъ все это, при какихъ условіяхъ, и зачѣмъ они дѣлаютъ это. Вѣдь, она не можетъ не знать того, что швея, которою она была такъ недовольна, всѣмъ не изъ любви къ ней дѣлала ей это платье; поэтому не можетъ не знать, что все это дѣлалось для нея изъ нужды, и что такъ же, какъ ея платье, дѣлались и кружева, и цвѣты, и бархатъ. Но, можетъ быть, онѣ такъ отуманены, что и этого онѣ не соображаютъ? Но, ужъ того, что пять или шесть челоѣкъ старыхъ, почтенныхъ, часто хворыхъ лакеевъ, горничныхъ не спали и хлопотали изъ-за нея, этого ужъ она не могла не знать. Она видѣла ихъ усталыя, мрачныя лица. Не могла она не знать тоже того, что въ эту ночь морозъ доходилъ до 28 градусоѡвъ, и что кучеръ старикъ сидѣлъ въ этотъ мо-

розъ всю ночь на козлахъ. Но я знаю, что онѣ точно не видятъ этого. И если онѣ, тѣ молодыя женщины и дѣвушки, которыя изъ-за гипнотизации, производимой надъ ними баломъ, не видятъ всего этого — ихъ нельзя осудить. Онѣ, бѣдняжки, дѣлаютъ то, что считается старшими хорошимъ; но старшіе же какъ объясняютъ эту свою жестокость къ людямъ?

Старшіе дадутъ всегда одно объясненіе; «я никого не принуждаю: вещи я покупаю, людей — горничныхъ, кучеровъ — я нанимаю. Покупать и нанимать — въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Я не принуждаю никого, я нанимаю, что жъ тутъ дурного?»

На дняхъ я зашелъ къ одному знакомому. Проходя первую комнату, я удивился, увидѣвъ двухъ женщинъ, за столомъ, зная, что знакомый мой холостякъ. Худая, желтая, старообразная женщина, лѣтъ 30-ти, въ накинутомъ платкѣ, быстро, быстро что-то дѣлала руками и пальцами надъ столомъ, нервно вздрагивая, точно въ какомъ-то припадкѣ. На искосѣ сидѣла дѣвочка и точно также что-то дѣлала, точно также вздрагивая. Обѣ женщины, казалось, были одержимы пляской святого Витта. Я подошелъ ближе и взглянулъ въ то, что онѣ дѣлали. Онѣ вскинули на меня глазами и такъ же сосредоточенно продолжали свое дѣло. Передъ ними лежалъ разсыпанный табакъ и папирсы. Они дѣлали папирски. Женщина растирала табакъ въ ладоняхъ, захватывала въ машинку, надѣвала патроны и просовывала и кидала дѣвочкѣ. Дѣвочка свертывала бумажки и, всовывая, кидала и бралась за другую. Все это дѣлалось съ такой быстротой, съ такимъ напряженіемъ, что нельзя описать этого. Я выразилъ удивленіе ихъ быстротѣ.

— «Четырнадцать лѣтъ только одно дѣлаю», — сказала женщина. — Что же, трудно? — «Да, въ груди болитъ, да и духъ тяжелый». — Впрочемъ, ей не нужно было и говорить этого. Довольно было взглянуть на нее. Довольно было взглянуть на дѣвочку. Она занимается этимъ третій годъ, но всякій, увидавъ ее не за этимъ занятіемъ, скажетъ, что это сильный организмъ, который уже началъ разру-

шаться. Знакомый мой, добрый и либеральный человекъ, нанялъ этихъ женщинъ набивать себѣ папироски за 2 р. 50 коп. за тысячу. У него есть деньги, и онъ даетъ ихъ за работу, что-жъ тутъ дурного? Знакомый мой встаетъ часовъ въ 12. Вечеръ, отъ шести до двухъ, проводитъ за картами или фортепіано, питается вкуснымъ и сладкимъ; всѣ работы на него дѣлаютъ другіе. Онъ выдумываетъ себѣ новое удовольствие—курить. Онъ на моей памяти сталъ курить.

Есть женщина и дѣвочка, которыя еле-еле могутъ питаться тѣмъ, что превращаютъ себя въ машину и всю жизнь проводятъ, вдыхая табакъ и губя этимъ свою жизнь. У него есть деньги, которыя онъ не заработалъ, и онъ предпочитаетъ играть въ винтъ, чѣмъ дѣлать себѣ папиросы. Онъ даетъ этимъ женщинамъ деньги только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ продолжали жить такъ же несчастно, какъ онѣ живутъ, т.-е. дѣлая для него папиросы.

Я люблю чистоту и даю деньги только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы прачка вымыла ту рубашку, которую я смѣняю два раза въ день, и эта рубашка надорвала послѣднія силы прачки, и она умерла.

Что-же тутъ дурного? Люди покупающіе и нанимающіе и безъ меня будутъ заставлять другихъ дѣлать бархатъ и конфеты и покупать ихъ, и безъ меня будутъ нанимать дѣлать папироски и мыть рубашки. Такъ отчего же мнѣ лишать себя бархата, и конфетъ, и папиросъ, и чистыхъ рубашекъ, если ужъ это разведено? Я часто, почти всегда, слышу это разсужденіе. Разсужденіе это то самое, которое сдѣлаетъ обезумѣвшая толпа, разрушая что-нибудь. Это то самое разсужденіе, которымъ руководятся собаки, когда одна изъ нихъ бросилась и повалила другую, а остальные набрасываются и разрываютъ ее въ куски. Ужъ начали, попортили, такъ отчего же и мнѣ не попользоваться? «Ну, что же будетъ, если я буду носить грязную рубашку и дѣлать самъ себѣ папироски? Развѣ кому-нибудь будетъ легче?» спрашиваютъ люди, которымъ хочется оправдать себя. Если бы мы не были такъ далеки отъ истины, то на такой вопросъ совѣстно бы было

отвѣчать; но мы такъ запутались, что вопросъ этотъ кажется намъ очень естественнымъ, и потому, хоть и совѣстно, но надо отвѣтить на него.

Какая разница будетъ, если я буду носить рубашку недѣлю, а не день, и дѣлать себѣ самъ папироски или вовсе не курить?

Та разница, что какая-то прачка и какая-то дѣлательница папиросъ будутъ меньше напрягать свои силы, и то, что я давалъ за мытье и дѣланье папиросъ, я могу отдать той прачкѣ, или даже совсѣмъ другимъ прачкамъ и работникамъ, которые устали отъ своей работы, и которые вмѣсто того, чтобы черезъ силу работать, будутъ въ состояніи отдохнуть и напиться чаю. Но я на это слышалъ возраженія. (Такъ совѣстно богатымъ и роскошнымъ людямъ понять свое положеніе!) На это говорятъ: «Если я буду ходить въ грязномъ бѣльѣ и не курить, а отдавать эти деньги бѣднымъ, то у бѣдныхъ все таки отберутъ все, и та ваша капля въ морѣ не поможетъ».

На такое возраженіе еще совѣстнѣе отвѣчать, но надо отвѣчать. Это такое обычное возраженіе! Отвѣтъ на это—простой.

Говорятъ: дѣятельность одного человека есть капля въ морѣ. Капля въ морѣ!

Есть индѣйская сказка о томъ, что человекъ уронилъ жемчужину въ море и, чтобы достать ее, взялъ ведро и сталъ черпать и выливать на берегъ. Онъ работалъ такъ, не переставая, и на седьмой день морской духъ испугался того, что человекъ осушитъ море, и принесъ ему жемчужину. Если бы наше общественное зло угнетенія человека было море, то и тогда та жемчужина, которую мы потеряли, стоитъ того, чтобы отдать свою жизнь на вычерпываніе моря этого зла. Князь міра сего испугается и покорится скорѣе морского духа; но общественное зло не море, а вонючая, помойная яма, которую мы старательно наполняемъ сами своими нечистотами. Стоитъ только очнуться и понять, что мы дѣлаемъ, разлюбить свою нечистоту, чтобы воображаемое море тотчасъ изсякло, и мы овладѣли той безцѣнной жемчужиной братской, человѣческой жизни.

Жизнь въ деревнѣ.

Но что же дѣлать? Вѣдь не мы сдѣлали это? Не мы, такъ кто же?

Мы говоримъ: не мы это сдѣлали: это сдѣлалось само, какъ дѣти говорятъ, когда они разобьютъ что-нибудь, что это само разбилось. Мы говоримъ, что разъ уже есть города, то, живя въ нихъ, мы кормимъ людей, покупая трудъ за услугу ихъ. Но это—неправда. И вотъ почему. Стоитъ только посмотрѣть на насъ, какъ мы живемъ въ въ деревнѣ, и какъ тамъ кормимъ людей.

Проходитъ зима въ городѣ, приходитъ Святая. На бульварахъ, въ садахъ, въ паркахъ, на рѣкѣ—музыка, театры, катанья, гулянья, всякія освѣщенія, фейерверки; но въ деревнѣ еще лучше—воздухъ лучше, деревья, луга, цвѣты свѣжѣе. Надо ѣхать туда, гдѣ все это распустилось и цвѣтетъ. И вотъ большинство богатыхъ уѣзжаетъ по деревнямъ дышать этимъ еще лучшимъ воздухомъ, смотрѣть на эти еще лучшіе луга и лѣса. И вотъ въ деревнѣ, среди сѣрыхъ, питающихся хлѣбомъ да лукомъ, работающихъ по 18-ти часовъ въ день, недосыпающихъ ночи и одѣтыхъ въ рубища мужиковъ, поселяются богатые люди. Здѣсь уже никто не соблазнялъ этихъ людей, не было никакихъ фабрикъ и заводовъ и нѣтъ тѣхъ гулящихъ рукъ, которыхъ такъ много въ городѣ. Здѣсь весь пародъ никогда все лѣто не успѣваетъ сдѣлать своихъ дѣлъ во время, и не только нѣтъ гулящихъ рукъ, а пронасть добра гибнетъ отъ недостатка рукъ, и пронасть людей, дѣтей, стариковъ, женщинъ съ дѣтьми, гибнутъ, надрываясь надъ непосильной работой. Какъ же тутъ устраиваютъ свою жизнь богатые люди? А вотъ какъ.

Если былъ старинный домъ, построенный при крѣпостномъ правѣ, то домъ этотъ возобновляется и украшается; если не было, то строится новый, въ два-три этажа. Комнаты, которыхъ отъ 12-ти и до 20-ти и больше, всѣ аршинъ по 6 вышины. Настилаются паркеты, цѣльные стекла въ рамахъ, дорогіе ковры, дорогая мебель. Около до-

ма набивается камень,—выравнивается, разбиваютъ цвѣтники, устраиваются крокетъ-граунды, ставятъ гигантскіе шаги, шары отражающіе, часто оранжереи, парники, всегда съ вырѣзушками на конькахъ высокія конюшни.

Вотъ живетъ въ деревнѣ образованное и честное дворянское или чиновничье семейство. Всѣ члены семейства и гости собрались въ половинѣ іюня, вслѣдствіе того, что до іюня они учились и сдавали экзамены, т. е. къ началу покоса, и прожили до сентября, т. е. до уборки и посѣва. Члены этого семейства (какъ почти всѣ люди этого круга) прожили въ деревнѣ отъ начала снѣжной работы, страды (не до конца ея, потому что въ сентябрѣ идетъ еще посѣвъ, копка картофеля), но до ослабленія напряженія этой работы. Все время ихъ житья въ деревнѣ вокругъ нихъ, рядомъ съ ними, шла та лѣтняя крестьянская работа, о напряженіи которой, сколько бы мы ни слышали, ни читали про нее, ни смотрѣли на нее, мы не можемъ себѣ составить никакого понятія, не испытавъ ея. И члены семейства, около 10 человекъ, живутъ точно такъ же, какъ и въ городѣ.

Петровками—голоднымъ постомъ, когда пища народа: квась, хлѣбъ и лукъ, начинается покосъ.

Дѣло, которое дѣлается на покосѣ, одно ихъ самыхъ важныхъ въ мірѣ. Почти всякій годъ отъ недостатка рукъ и времени остаются покосы недокошены, и отъ недостатка же времени и рукъ покосъ можетъ попасть подъ дождь, и болѣе или менѣе напряженная работа рѣшаетъ вопросъ о томъ прибавится ли къ богатству людей двадцать и болѣе процентовъ сѣна, или они сгніютъ или выболѣютъ на корню. А прибавится сѣна, прибавится и мяса для стариковъ, молока для дѣтей. Такъ вообще; въ частности же, для каждаго изъ кощовъ, тутъ рѣшается вопросъ о хлѣбѣ, молокѣ себѣ и дѣтямъ на зиму. Каждый изъ работниковъ и работницъ знаетъ это; даже дѣти и тѣ знаютъ, что это дѣло важное и надо трудиться изъ послѣднихъ силъ, нести кувшинчикъ съ квасомъ отцу на покосъ, и, перехватывая изъ руки въ руку тяжелый кувшинъ пробѣжать босикомъ, какъ можно скорѣе,

двѣ версты отъ деревни, чтобы поспѣть къ обѣду и чтобъ батька не забранился. Каждый знаетъ, что съ покоса и до уборки уже перерыва работы не будетъ и отдыхать некогда. Не одинъ покосъ; у каждаго, кромѣ покоса, еще дѣла: и землю поднять и заскородить, и у бабъ холсты, и хлѣбъ, и стирка, а у мужиковъ на мельницу съѣздить надо, и въ городъ, и мірскія дѣла и на судъ судѣ и десятскому, и подводы, и лошадей кормить по ночамъ, — и всѣ старый и малый и большой, тянутъ изъ послѣднихъ силъ. Работаютъ мужики такъ, что всякій разъ косцы передъ концомъ упряжки — слабые, подростки и старые — еле-еле, пошатываясь, проходятъ послѣдніе ряды, и насилу поднимаются послѣ отдыха; такъ же работаютъ и бабы, часто брюхатая и кормящая. Работа напряженная и неустанная. Всѣ работаютъ изъ послѣднихъ силъ и выдаютъ въ эту работу не только весь запасъ своей скудной пищи, но прежніе запасы: они всѣ — не толстые — худѣютъ послѣ страды.

Вотъ работаетъ покосъ маленькая артель: три мужика — одинъ старикъ, другой его племянникъ — молодой малый, женатый, и сапожникъ — дворовый, худенькій жилистый человѣчекъ; для всѣхъ нихъ покосъ этотъ рѣшается участь зимы. Они безъ усталы, безъ отдыха работаютъ 2-ю недѣлю. Дождь задержалъ ихъ работу. Послѣ дождя, когда обдуло, они рѣшили косить, и, чтобы было успѣшнѣе, рѣшили выдти по двѣ бабы на косу. Со стороны старика вышла его жена 50-ти лѣтняя, изведшаяся отъ работы, 11-ти родовъ женщина, глухая, но работающая еще очень сильно, и 13-ти лѣтняя дочь, невысокая, но хватливая и сильная дѣвочка. Со стороны племянника вышла его жена, женщина сильная и рослая, какъ добрый мужикъ, и его невѣстка, брюхатая солдатка. Со стороны сапожника — его жена, сильная работница, и ея мать старуха, доживающая восьмой десятокъ и обыкновенно побирающаяся. Всѣ они равняются и работаютъ съ утра до вечера на самомъ припекѣ іюньскаго солнца. Парить и грозить дождь. Дорога каждая часина работы. Жалко оторваться отъ работы, чтобы принести воды или

квасу. Крошечный мальчишка — внукъ старухи, таскаетъ воду. Старуха, видимо озабоченная только тѣмъ, чтобы ее не согнали съ работы, не выпуская изъ рукъ грабли, очевидно съ трудомъ, по насилу движется. Мальчишка, весь изогнувшись, коротко переступая босыми ноженками, таскаетъ, перехватывая изъ руки въ руку, кувшинъ съ водою, который тяжелѣе его. Дѣвочка взваливаетъ на плечи беремя сѣна, тоже тяжелѣе себя, переходитъ нѣсколько шаговъ и останавливается и сваливаетъ, не въ силахъ донести его. Старуха, 50-ти лѣтъ, загребаешь безъ усталы и со сбитымъ на сторону платкомъ таскаетъ сѣно, тяжело дыша и пошатываясь; 80-ти лѣтняя старуха только гребетъ, но и это ей черезъ силу; она медленно волочитъ свои обутыя въ лапти ноги и, насупившись, мрачно смотритъ передъ собой, какъ тяжелый больной или умирающій человѣкъ. Старикъ нарочно отсылаетъ ее дальше отъ другихъ погрести около копень, чтобы она не равнялась съ другими, но она не покладаетъ рукъ, и съ тѣмъ же мертвымъ, мрачнымъ лицомъ работаетъ, пока другіе работаютъ. Солнце уже заходитъ за лѣсъ, а копны еще не всѣ прибраны, остается еще много. Всѣ чувствуютъ, что пора шабашить, но никто не говоритъ, ожидая того, чтобы сказали это другіе. Наконецъ сапожникъ, чувствуя, что силъ уже нѣтъ, предлагаетъ старику оставить копны до завтра, и старикъ соглашается, и тотчасъ же бабы бѣгутъ за одежей, за кувшинами, за вилами, и тотчасъ же старуха садится, гдѣ стояла, и потомъ ложится, все тѣмъ же мертвымъ взглядомъ глядя передъ собой. Но бабы уходятъ, она кряхтя поднимается и тащется за ними.

И это будетъ происходить и въ іюль, когда мужики, не высыпаясь, будутъ по ночамъ косить овесъ, чтобъ онъ не сыпался, и бабы то-же вставать, обмолачивать старновки для свясель, когда эта старуха, уже совсѣмъ зятая работой на жнитвѣ, и беременныя женщины, и молодые ребята надорвутся и обопьются, и когда не будетъ хватать ни рукъ, ни лошадей, ни телѣгъ, чтобы свезти въ скирды тотъ хлѣбъ, которымъ кормятся всѣ

люди, котораго миллионы чудовъ нужно на день въ Россіи, чтобы не померли люди.

А мы живемъ такъ, какъ будто нѣтъ никакой связи между умирающей прачкой, 14-ти лѣтней проституткой, измученныхъ дѣланьемъ папирсъ женщинъ, напряженной, непосильной, безъ достаточной пищи, работой старухъ и дѣтей вокругъ насъ; мы живемъ, какъ будто нѣтъ связи между этимъ и нашей жизнью.

Намъ кажется, что страданія сами по себѣ, а наша жизнь сама по себѣ.

Мы читаемъ описанія жизни римлянъ и удивляемся на безчеловѣчность этихъ бездушныхъ Лукулловъ, уштывавшихся яствами и винами, когда народъ умиралъ съ голода, мы покачиваемъ головами и удивляемся дикости нашихъ дѣдовъ-крѣпостниковъ, заводившихъ домашніе оркестры и театры и цѣлыя деревни назначавшихъ на содержаніе садовъ, и удивляемся съ высоты нашего величія на ихъ негуманность. Мы читаемъ слова Исаи: V, 8. — Горе вамъ, приобретающіе домъ къ дому, соединяющіе поле къ полю, пока не будетъ мѣста, чтобы вамъ однимъ только жить на землѣ. — 11. — Горе тѣмъ, которые съ раннего утра ищутъ сикеры, остаются до поздняго вечера, чтобы разгорячаться виномъ. — 12. — И арфа и гусли, тимпанъ и свирель, и вино ихъ пиршество; но не взираютъ они на дѣло Господа и не видятъ дѣйствія рукъ Его. — 18. — Горе тѣмъ, которые привлекаютъ къ себѣ беззаконіе грѣховными узамъ и грѣхъ какъ бы колесничными ремнями. — 20. — Горе тѣмъ, которые называютъ зло добромъ, и добро зломъ, которые выдаютъ тьму за свѣтъ и свѣтъ за тьму, которые выдаютъ горькое за сладкое, и сладкое за горькое. — 21. — Горе мудрымъ въ глазахъ своихъ и разумнымъ передъ самими собою. — 21. — Горе тѣмъ, которыхъ храбрость пить вино и доблесть растворять сикеру.

Мы читаемъ эти слова, и намъ кажется, что это къ намъ не относится. — Мы читаемъ въ Евангеліи: *Матѣ.* III, 10. — Уже и сѣкира при корнѣ деревь лежитъ: всякое

дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь.

И мы вполне увѣрены, что хорошее дерево, приносящее плодъ, есть мы самые, и что слова эти не намъ сказаны, а какимъ-то другимъ дурнымъ людямъ.

Мы читаемъ слова Исаи: VI, 10. — Сдѣлай безчувственнымъ сердце этого народа; оглуши его уши и закрой глаза его, чтобы онъ не увидѣлъ глазами своими, и не услышалъ ушами своими, и не уразумѣлъ сердцемъ своимъ, и не обратился, и не исцѣлилъ. — 11. — Тогда я сказалъ: доколѣ, Господи? И Онъ отвѣчалъ: доколѣ не опустѣютъ города отъ неимѣнія жителей и дома отъ безлюдья, и земля не обратится въ пустыню.

Мы читаемъ и вполне увѣрены, что это удивительное дѣло сдѣлано не надъ нами, а надъ какимъ-то другимъ народомъ. А отъ того-то мы и не видимъ ничего, что это удивительное дѣло совершилось и совершается надъ нами. Мы не слышимъ, не видимъ и не разумѣемъ сердцемъ. Отъ чего это случилось?

Хорошо ли, дурно ли, сдѣлалъ тотъ Богъ, или тотъ законъ природы, по которому существуетъ міръ и люди; но положеніе людей въ міръ, съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ его, таково, что люди голые, безъ шерсти на тѣлѣ, безъ норъ, въ которыхъ бы они могли укрыться, безъ пищи, которую бы они могли находить въ полѣ — какъ Робинзонъ на своемъ островѣ, — всѣ поставлены въ необходимость постоянно и неустанно бороться съ природою для того, чтобы прикрыть тѣло, сдѣлать себѣ одежду, огородиться, сдѣлать крышу надъ головой и сработать нищу: чтобы два или три раза въ день утолить свой голодъ и голодъ своихъ немощныхъ, неработающихъ дѣтей и старыхъ.

Гдѣ бы, въ какое время и въ какомъ числѣ мы бы ни наблюдали жизнь людей: въ Европѣ ли, въ Америкѣ ли, въ Китаѣ, въ Россіи; все ли будемъ разсматривать челоуѣчество, или какую малую часть его, въ древнія ли времена въ кочевомъ состояніи, или въ наше съ паровыми двигателями и швейными машинами, усовершенство-

ванымъ земледѣлемъ и электрическимъ свѣтомъ, — мы увидимъ одно и то же: что люди, непрестанно и напряженно работая, не въ силахъ приобрести для себя и для своихъ малыхъ и старыхъ одежды, крова и пищи, и что значительная часть людей какъ прежде, такъ и теперь гибнетъ отъ недостатка средствъ жизни и непосильнаго труда для приобретения ихъ.

Гдѣ бы мы ни жили, если мы проведемъ вокругъ себя кругъ въ сто тысячъ, въ тысячу, десять верстъ, въ одну версту, и посмотримъ на жизнь тѣхъ людей, которыхъ захватитъ нашъ кругъ, мы увидимъ въ этомъ кругу заморышей-дѣтей, стариковъ, старухъ, родильницъ, больныхъ и слабыхъ, работающихъ сверхъ силъ и неимѣющихъ достаточно для жизни пищи и отдыха, и оттого преждевременно умирающихъ; увидимъ людей въ силѣ возраста, прямо убиваемыхъ опасною и вредною работой.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ мѣръ, мы видимъ, что люди съ страшнымъ напряженіемъ, лишеніями и страданіями борются съ своей общей нуждой и не могутъ одолѣть ея.

.....

О назначеніи науки и искусства.

I.

... На опытной позитивной наукѣ теперь зиждется оправданіе всѣхъ людей, освободившихъ себя отъ труда. Научная теорія говоритъ:

„Для изученія законовъ жизни человѣческихъ обществъ есть только одинъ несомнѣнный методъ: методъ позитивной, опытной критической науки.

Только социологія, основанная на биологін, основанной на всѣхъ позитивныхъ наукахъ, можетъ дать намъ законы жизни человѣчества. Человѣчество, или общества человѣческія суть организмы, готовые или еще образу-

щіея и подчиняющіеся всѣмъ законамъ эволюціи организмовъ.

Одинъ изъ главныхъ законовъ этихъ есть раздѣленіе отправленій между частицами органовъ. Если одни люди повелѣваютъ, а другіе повинуются, если одни живутъ въ изобиліи, а другіе въ нуждѣ, то это происходитъ не по волѣ Бога, не потому, что государство есть форма проявленія личности, а потому, что въ обществахъ, какъ въ организмахъ, происходитъ, необходимое для жизни цѣлаго, раздѣленіе труда: одни люди исполняютъ въ обществахъ мускульную работу, другіе мозговую“.

На этомъ вѣроученіи строится царствующее оправданіе нашего времени.

Недавно царствовала въ ученomъ образованномъ мѣрѣ философія духа, покоторой выходило, что все, что существуетъ, то разумно; что нѣтъ ни зла, ни добра, и что бороться со зломъ человѣку не нужно, а нужно проявлять только духъ: кому на военной службѣ, кому на судѣ, кому на скрипкѣ. — Вѣдь много было различныхъ выражений мудрости человѣческой, и проявленія эти были извѣстны людямъ XIX столѣтія. Извѣстенъ былъ и Руссо, и Лессингъ, и Спиноза, и Бруно, и вся мудрость древности, но ничья мудрость не овладѣла толпой. Нельзя сказать и того, чтобы успѣхъ Гегеля зависѣлъ отъ стройности его теоріи. Были такія же стройныя теоріи: Декарта, Лейбница, Фихте, Шопенгауера. Только одна была причина того, что ученіе это сдѣлалось на короткое время вѣрованіемъ всего міра, — причина была та, что выводы этой философской теоріи потакали слабостямъ людей. Выводы эти сводились къ тому, что все разумно, все хорошо, ни въ чемъ никто не виноватъ.

Когда я началъ жить, гегельянство было основой всего: оно носилось въ воздухѣ, выражалось въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, въ историческихъ и въ юридическихъ лекціяхъ, въ повѣстяхъ, въ трактатахъ, въ искуствѣ, въ проповѣдяхъ, въ разговорахъ. Человѣкъ, не знавшій Гегеля, не имѣлъ права говорить; кто хотѣлъ познать истину, изучалъ Гегеля. Все опиралось на немъ,

и вдругъ, прошло сорокъ лѣтъ, и отъ него ничего не осталось, объ немъ нѣтъ и помину, какъ будто его никогда и не было. И, что удивительнѣе всего, гегельянство пало не оттого, что его кто-нибудь опровергъ, разрушилъ, — нѣтъ, оно какъ было, такъ и есть: но вдругъ оказалось, что оно ни на что не нужно ученому, образованному міру.

Было время, когда мудрецы-гегельянцы торжественно поучали толпу; о толпа, ничего не понимая, слѣпо вѣрила всему, находя подтвержденія того, что ей на руку, и вѣрила, что-то, что ей, казалось неяснымъ и противорѣчивымъ, тамъ, на высотахъ философіи, все ясно какъ день; но пришло время, — теорія эта износилась, явилась новая теорія на ея мѣсто и старая стала не нужна, и толпа заглянула туда, въ таинственный капища жрецовъ, и увидѣла, что тамъ ничего нѣтъ, да и не было, кромѣ словъ очень темныхъ и бессмысленныхъ. Это случилось на моей памяти.

„Да это происходитъ оттого“, — скажутъ люди теперешней науки, — „что все это были бредни теологическаго и метафизическаго періода; теперь же есть критическая позитивная наука, которая ужъ не обманетъ, потому что она вся основана на индукціи и опытѣ. Теперь знанія наши не шатки, какъ прежде, и — только на нашемъ пути рѣшеніе всѣхъ вопросовъ человѣчества“.

Но вѣдь точь-въ-точь то же самое говорили старинные учителя; и не дураки же они были, и мы знаемъ, что были между ними люди огромнаго ума: и точь-въ-точь, тоже на моей памяти, и съ не меньшей увѣренностью, съ не меньшимъ признаніемъ со стороны толпы такъ называемыхъ образованныхъ людей, говорили гегельянцы. И тоже не дураки были хоть бы наши Герцены, Станкевичи, Бѣлинскіе. Но отчего же произошло то удивительное явленіе, что умные люди проповѣдывали съ величайшей увѣренностью, и толпа съ благоговѣніемъ принимала такіа неосновательныя и безсодержательныя ученія? Причина одна — та, что проповѣдуемыя ученія оправдывали людей въ ихъ дурной жизни.

Весьма плохой англійскій публицистъ, сочиненія котораго всѣ забыты и признаны ничтожнѣйшими изъ ничтожныхъ, пишетъ трактатъ о народонаселеніи, въ которомъ онъ придумываетъ мнимый законъ: несоразмѣрнаго съ средствами питанія увеличенія населенія. Мнимый законъ этотъ писатель этотъ обставляетъ математическими, ни на чемъ не основанными формулами, и выпускаетъ въ свѣтъ. По легкомысленности и бездарности этого сочиненія надо бы предполагать, что сочиненіе это не обратитъ ничего вниманія и забудется, какъ всѣ послѣдующія сочиненія того же писателя, но выходитъ совсѣмъ другое; публицистъ, написавшій это сочиненіе, становится сразу научнымъ авторитетомъ и держится на этой высотѣ чуть не полстолѣтія. Мальтусъ! — Теорія Мальтуса — законъ увеличенія населенія въ геометрической и средствъ пропитанія въ арифметической прогрессіи, и естественныя и благоразумныя средства ограниченія населенія — все это стало научными, несомнѣнными истинами, которыя не повѣрялись, и которыя употреблялись, какъ аксіомы, для постройки дальнѣйшихъ выводовъ. Такъ поступали люди ученые, образованные; въ толпѣ же праздныхъ людей было благоговѣнное довѣріе къ открытымъ великимъ законамъ Мальтуса. Почему это случилось? Казалось бы, это были научные выводы, не имѣющіе ничего общаго съ инстинктами толпы. Но это такъ только можетъ казаться для того, кто вѣритъ въ то, что наука есть что-то такое самобытное, какъ церковь, не подлежащее ошибкамъ, а не просто измышленія слабыхъ и заблуждающихся людей, которые только для важности подставляютъ внутреннее слово — наука, вмѣсто — мыслей и словъ людей. Стоило сдѣлать практическіе выводы изъ теоріи Мальтуса, чтобы увидать, что эта теорія была самая человѣческая, съ самыми опредѣленными цѣлями. Выводы, прямо вытекающіе изъ этой теоріи, были слѣдующіе: бѣдственное положеніе рабочихъ людей таково по неизмѣнному, независящему отъ людей закону, и если кто виноватъ въ этомъ, такъ это сами голодные рабочие: зачѣмъ они дураки родятся, когда знаютъ, что нечего имъ будетъ ѣсть?

И вотъ, этотъ драгоценный для толпы праздныхъ людей выводъ сдѣлалъ то, что всѣ ученые проглядѣли бездоказательность, неправильность и совершенную произвольность выводовъ, а толпа образованныхъ, т. е. праздныхъ людей, чутьемъ зная, къ чему ведутъ эти выводы, привѣтствовала теорію съ восторгомъ, наложила на нее печать истинности, т. е. научности, и носилась съ нею подсолѣтія.

Не та ли же причина самоувѣренности людей позитивной—критической—опытной науки и благоговѣйнаго отношенія толпы къ тому, что они проповѣдуютъ? Сначала кажется страннымъ, какимъ образомъ теорія эволюціи можетъ оправдывать людей въ ихъ неправдѣ, и кажется, что научная теорія эволюціи имѣетъ дѣло только съ фактами и больше ничего не дѣлаетъ, какъ только наблюдаетъ факты.

Но это только кажется.

Точно также это казалось съ гегелевскимъ ученіемъ, въ большихъ размѣрахъ, и въ частномъ случаѣ съ Мальтусовымъ ученіемъ: гегельянство, казалось, занято было только своими логическими построеніями и не имѣло никакого отношенія къ жизни людей; точно также это казалось съ Мальтусовой теоріей: она казалась занятою только фактами статистическихъ данныхъ. Но это только кажется.

Современная наука тоже занята только фактами, она изслѣдуетъ факты. Но какіе факты? Почему именно такіе, а не другіе факты.

Люди современной науки очень любятъ съ торжественностью и увѣренностью говорить: мы изслѣдуемъ только факты, — воображая, что эти слова имѣютъ какой-нибудь смыслъ. Изслѣдовать только факты никакъ нельзя, потому что фактовъ, подлежащихъ нашему изслѣдованію, *безчисленное* (въ точномъ значеніи этого слова) количество. Прежде чѣмъ изслѣдовать факты, надо имѣть теорію, на основаніи которой изслѣдуются факты т. е. избираются изъ безчисленнаго количества тѣ или другіе факты. И теорія эта существуетъ, и даже очень опредѣленно выраженная, хотя мно-

гіе изъ дѣятелей современной науки иногда не знаютъ, иногда притворяются, что не знаютъ ея. Точно также всегда было со всѣми царствующими, руководящими вѣроученіями. Основы всякаго вѣроученія всегда даны въ теоріи, и такъ называемые ученые придумываютъ только дальнѣйшіе выводы изъ разъ данныхъ основъ. Такъ и теперь, современная наука избираетъ свои факты на основаніи очень опредѣленной теоріи, которую иногда она знаетъ, иногда не хочетъ знать, иногда дѣйствительно не знаетъ; но теорія эта есть.

Теорія эта такая: все человѣчество есть неумирающій организмъ, люди — частицы органовъ, имѣющія каждая свое специальное призваніе для служенія цѣлому. Точно такъ же, какъ клѣточки, слагаясь въ организмъ, раздѣляютъ между собою трудъ для борьбы за существованіе цѣлаго организма: усиливаютъ одну способность и ослабляютъ другую, и слагаются въ одинъ органъ, чтобы лучше удовлетворить потребности цѣлаго организма, и точно такъ же, какъ въ общественныхъ животныхъ — муравьяхъ, пчелахъ — отдѣльныя особи раздѣляютъ между собою трудъ: матка кладетъ яйца, трутень оплодотворяетъ, пчела работаетъ для жизни цѣлаго; точно то же происходитъ въ человѣчествѣ и человѣческихъ обществахъ. И потому, чтобы найти законъ жизни человѣка — нужно изучать законы жизни и развитія организмовъ. Въ жизни и развитіи организмовъ мы находимъ слѣдующіе законы: законъ дифференціаціи и интеграціи, законъ того, что всякое явленіе сопровождается не однимъ только непосредственнымъ послѣдствіемъ, другой законъ о неустойчивости однороднаго и т. п. Все это кажется очень невинно, но стоитъ только сдѣлать выводы изъ всѣхъ этихъ законовъ, чтобы тотчасъ же увидать, что законы эти клоняты туда же, куда клонили и законы Мальтуса. Законы всѣ клоняты къ одному, а именно къ тому, чтобы то раздѣленіе дѣятельности, которое существуетъ въ человѣческихъ обществахъ — признать органическимъ, т. е. необходимымъ, — а потому разсматривать то несправедливое положеніе, въ которомъ находимся мы, уволившіе себя отъ труда люди, не съ точки

зрѣнія разумности и справедливости, а только какъ несомнѣнный фактъ, подтверждающій общій законъ.

Философія духа оправдывала также всякую жестокость и мерзость, но тамъ это выходило философски, и потому неправильно; по наукѣ же все это выходитъ научно, и потому несомнѣнно.

Какъ же не принять такую прекрасную теорію! Стоитъ только разсматривать человѣческое общество какъ предметъ наблюденія, и можно утѣшать себя мыслью, что моя дѣятельность, какая бы она ни была, есть функциональная дѣятельность организма человѣчества, и потому и рѣчи даже не можетъ быть о томъ, справедливо ли то, что я, пользуясь трудами другихъ, дѣлаю только то, что мнѣ приято, какъ и не можетъ быть рѣчи о томъ, — справедливо ли раздѣленіе труда между мозговой кѣлочкой и мускульной. Какъ же не допустить такую прекрасную теорію, чтобы послѣ можно было уже навсегда спрятать совѣсть въ карманъ, и жить вполне разнузданной, животной жизнью, чувствуя подъ собой непоколебимую, по нашему времени, опору научную.

И вотъ на этомъ-то новомъ вѣроученіи строится теперь оправданіе праздности и жестокости людей.

II.

Началось это вѣроученіе недавно, лѣтъ 50. Главнымъ основателемъ его былъ французскій ученый Кантъ. Канту — систематику и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозному чело-вѣку пришла въ голову, подъ влияніемъ новыхъ тогда фізіологическихъ изслѣдованій Биша, старая мысль, высказанная еще Мененіемъ-Агриппой, мысль, что человѣческія общества, даже все человѣчество можно разсматривать какъ одно цѣлое, организмъ, а людей — какъ живыя частицы отдѣльныхъ органовъ, имѣющихъ каждая свое опредѣленное назначеніе служить всему организму. Мысль эта такъ понравилась Канту, что онъ на ней началъ строить философскую теорію, и теорія эта такъ увлекла

его, что онъ совершенно забылъ о томъ, что исходная точка его теоріи была не больше, какъ хорошенькое сравненіе, умѣстное въ баснѣ, но никакъ не могущее служить основой науки. Онъ, какъ это часто бываетъ, принялъ любимую имъ гипотезу за аксіому, и вообразилъ себѣ, что вся теорія его построена на самыхъ твердыхъ основахъ. По теоріи его выходило, что такъ какъ человѣчество есть организмъ, то знаніе того, что есть чело-вѣкъ и каково должно быть его отношеніе къ міру, возможно только чрезъ познаніе свойствъ этого организма. Для познанія этихъ свойствъ чело-вѣкъ имѣетъ возможность дѣлать наблюденія надъ другими низшими организмами и изъ жизни ихъ дѣлать наведенія. Поэтому, во-первыхъ, истинный и единственный методъ науки, по Канту, есть только индуктивный, и вся наука есть только такая, которая имѣетъ своимъ основаніемъ опытъ; во вторыхъ, цѣлью и вершиною наукъ становится новая наука о воображаемомъ организмѣ чело-вѣчества, или о надъ-органическомъ существѣ — чело-вѣчествѣ. Новая воображаемая наука это есть социологія. Изъ этого же взгляда на науку вообще оказывалось, что всѣ важнѣя знанія были ложныя, и вся исторія чело-вѣчества, въ смыслѣ его самосознанія, раздѣлялась на три, собственно на два періода: періодъ теологическій и метафизическій, продолжавшійся отъ начала міра до Канта, и на настоящій періодъ — единой истинной науки — позитивной, начавшійся съ Канта. Все это было очень хорошо; одна только была ошибка, а именно та, что все это зданіе было построено на пескѣ, на произвольномъ и неправильномъ утвержденіи о томъ, что чело-вѣчество есть организмъ. Утвержденіе это было произвольно потому, что для того, чтобы признать существованіе не подлежащаго наблюденію организма чело-вѣчества, мы имѣемъ ровно столько же права, какъ признать существованіе всякаго невидимаго фантастическаго существа. Неправильно же это утвержденіе было потому, что къ понятію чело-вѣчества, т. е. людей, неправильно было присоединено опредѣленіе организма, тогда какъ въ чело-вѣчествѣ отсутствуетъ существенный признакъ организма — центръ

ощущения или сознания *). Но, несмотря на произвольность и неправильность основного положения позитивной философии, она была принята такъ называемымъ образованнымъ міромъ съ величайшимъ сочувствіемъ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи то, что изъ сочиненій Канта, состоящихъ изъ двухъ частей: позитивной философіи и позитивной политики, была принята ученымъ міромъ только первая — та, которая оправдывала на новыхъ опытныхъ началахъ существующее зло людскихъ обществъ; вторая же часть, трактующая о вытекающихъ изъ признанія челоуѣчества организмомъ нравственныхъ обязанностяхъ альтруизма, была признана не только не важной, но ничтожной и ненаучной. Повторилось то же, что съ двумя частями ученія Канта. Критика чистаго разума принята научной толпой; критика же практическаго разума, та часть, которая содержитъ сущность нравственнаго ученія, была отвергнута. Въ ученіи Канта признано было научнымъ то, что потакало царствующему злу. Но и принятая толпою позитивная философія, основанная на произвольномъ и неправильномъ положеніи, была сама по себѣ слишкомъ неосновательна, и потому шатка и не могла бы одна держаться. И вотъ, въ числѣ всѣхъ тѣхъ праздныхъ играний мысли людей такъ называемой науки, является тоже не новое, и столь-же произвольное и неправильное утвержденіе о томъ, что живыя существа, т. е. организмы, происходили одни изъ другихъ, — не только одинъ организмъ изъ другого, но одинъ организмъ изъ многихъ; т. е., что въ очень долгій промежутокъ времени — въ миллионъ лѣтъ, напримѣръ — не только отъ одного предка можетъ произойти утка и рыба, но изъ роя ичель можетъ сдѣ-

*) Мы называемъ и слова и бактерію организмомъ только потому, что предполагаемъ по аналогіи въ этихъ существахъ такія же единственныя ощущенія или сознания, какія мы знаемъ въ себѣ; въ челоуѣческихъ же обществахъ и въ челоуѣчествѣ отсутствуетъ этотъ существенный признакъ, и потому, сколько бы другихъ общихъ признаковъ мы ни нашли въ челоуѣчествѣ и организмѣ, безъ этого существеннаго признака — признаніе челоуѣчества организмомъ — неправильно.

латься одно животное. И произвольное и неправильное утвержденіе это было принято ученымъ міромъ съ еще большимъ общимъ сочувствіемъ. Утвержденіе это было произвольно потому, что никто никогда не выдалъ, какъ дѣлаются одни организмы изъ другихъ, и потому предположеніе о происхожденіи видовъ останется всегда предположеніемъ, а не опытнымъ фактомъ. Неправильно же было это утвержденіе потому, что рѣшеніе вопроса о происхожденіи видовъ тѣмъ, что они произошли вслѣдствіе закона наслѣдственности и приспособленія, въ безконечно долгое время, вовсе не было рѣшеніемъ, а только повтореніемъ вопроса въ новой формѣ. По рѣшенію вопроса Моисеемъ (въ полемикѣ съ которыми и состоятъ все значеніе этой теоріи) выходитъ, что разнообразіе видовъ живыхъ существъ произошло по волѣ Бога и безконечному могуществу Его; по теоріи же эволюціи выходитъ, что разнообразіе живыхъ существъ произошло по случайности и по разнообразнымъ условіямъ наслѣдственности и среды въ безконечно долгое время. Теорія эволюціи, говоря простымъ языкомъ, утверждаетъ только то, что по случайности въ безконечно долгое время, изъ чего хотите, можетъ выдти все, что хотите. Отвѣта на вопросъ нѣтъ, а только тотъ же вопросъ поставленъ иначе; вмѣсто воли поставлена случайность, а коэффициентъ безконечнаго переставленъ отъ могущества къ времени. Но это новое утвержденіе подрѣвляло утвержденіе Канта, и, кромѣ того, по наивному признанію самого основателя теоріи, Дарвина, его мысль вызвана была въ немъ закономъ Мальтуса, и потому выставляла теорію борьбы живыхъ существъ и людей за существованіе — какъ основной законъ всего живого. А въдъ это-то только и нужно было толпѣ праздныхъ людей для ихъ оправданія.

Двѣ шаткія, не стоящія на своихъ ногахъ теоріи, подперли другъ друга и получили подобіе устойчивости. Обѣ теоріи несли въ себѣ тотъ драгоценный для толпы смыслъ, что въ существующемъ злѣ челоуѣческихъ обществъ не виноваты люди, и что существующій порядокъ есть тотъ

самый, который и долженъ быть; и новая теорія была принята толпою съ полною вѣрою и неслыханнымъ восторгомъ.

И вотъ, на этихъ двухъ произвольныхъ и неправильныхъ положеніяхъ, принятыхъ какъ догматы вѣры, утвердилось новое научное вѣроученіе.

Спенсеръ, наиримѣръ, въ одномъ изъ первыхъ сочиненій своихъ выражаетъ это вѣроученіе такъ:

«Общества и организмы, говоритъ онъ, подобны въ слѣдующемъ:

1) въ томъ, что, зачинаясь, какъ малые агрегаты, они незамѣтно возрастаютъ въ массѣ, такъ что нѣкоторое изъ нихъ достигаютъ до величины въ десять тысячъ разъ больше первоначальной;

2) въ томъ, что, между тѣмъ какъ въ началѣ они такой простой структуры, что могутъ быть разсматриваемы, какъ лишенные всякой структуры, они пріобрѣтаютъ во время своего роста постоянно увеличивающуюся сложность структуры;

3) въ томъ, что, хотя въ ихъ раннемъ, неразвитомъ періодѣ не существуетъ между ними почти никакой зависимости другъ отъ друга частей, ихъ части постепенно пріобрѣтаютъ взаимную зависимость, которая подъ конецъ дѣлается столь сильною, что дѣятельность и жизнь каждой части становится возможной только при дѣятельности и жизни остальныхъ;

4) въ томъ, что жизнь и развитіе общества независимы и болѣе продолжительны, чѣмъ жизнь и развитіе какой-либо изъ составляющихъ его единицъ, которыя отдѣльно рождаются, растутъ, дѣйствуютъ, воспроизводятся и умираютъ, между тѣмъ, какъ политическое тѣло, составленное изъ нихъ, продолжаетъ жить поколѣніе за поколѣніемъ, развиваясь по массѣ, по совершенству и функціональной дѣятельности».

Далѣе идутъ пункты различія организмовъ и обществъ, и доказывается, что различія эти только кажущіяся, а что организмы и общества совершенно подобны.

Для человѣка свѣжаго прямо представляется вопросъ:

Да о чемъ вы говорите? Почему человѣчество — организмъ или подобно ему?

Вы говорите, что общества подобны организмамъ по этимъ четыремъ признакамъ; но ничего этого вѣдь нѣтъ. Вы только берете нѣкоторые признаки организма и подъ нихъ подводите человѣческія общества. Вы приводите четыре признака подобія, потомъ берете признаки различія, но только кажущіеся (по вашему), и заключаете, что человѣческія общества можно разсматривать, какъ организмы. Но вѣдь это — праздная игра діалектики и больше ничего. На такомъ же основаніи подъ признаки организма можно подвести, что хотите. Беру первое пришедшее мнѣ въ голову, положимъ — лѣсъ: какъ онъ засѣвается на полѣ и разрастается. 1) Зачинаясь какъ малый агрегатъ, онъ незамѣтно возрастаетъ въ массѣ и т. д. Точь-въ-точь то же дѣлается на поляхъ, когда они понемногу обсеменяются и зарастаютъ лѣсомъ. 2) Въ началѣ структура проста, потомъ увеличивается сложность и т. д. Точь-въ-точь то же съ лѣсомъ: сначала однѣ березки, потомъ лозина, орѣшникъ; сначала всѣ растутъ прямо, потомъ переплетаются вѣтвями. 3) Зависимость частей усиливается такъ, что жизнь каждой части зависитъ отъ жизни и дѣятельности остальныхъ; точь-въ-точь то же съ лѣсомъ: орѣшникъ грѣетъ стволы (выруби его — замерзнутъ другія деревья), опушка сохраняетъ отъ вѣтра, сѣменные деревья продолжаютъ породы, высокія и курчавыя даютъ тѣнь, и жизнь одного дерева зависитъ отъ другого. 4) Отдѣльныя части могутъ умирать, — но все живетъ; точь-въ-точь то же съ лѣсомъ. — Лѣсъ по дереву не плачетъ.

Показавъ, что лѣсъ вы можете съ такимъ же правомъ, по этой теоріи, разсматривать какъ организмъ, вы думаете, что доказали послѣдователямъ органическаго вѣроученія неправильность ихъ опредѣленія? — несколько. То опредѣленіе, которое они даютъ организму, такъ не точно и растяжимо, что они подъ это опредѣленіе могутъ подвести, что хотятъ. — Да, скажутъ они, и лѣсъ можно разсматривать какъ организмъ. Лѣсъ есть взаимодѣйствіе особей, не истребляющихъ другъ друга — агрегатъ, части

его тоже могут перейти въ болѣе тѣсную связь, подобно пчелиному рою сдѣлаться организмомъ. Тогда вы скажете: если такъ, то и птицъ, и насѣкомыхъ, и травы этого лѣса, взаимодействующихъ и неистребляющихъ другъ друга, можно также разсматривать вмѣстѣ съ деревьями какъ одинъ организмъ? Они и на это согласятся. Всякое собраніе живыхъ существъ, взаимодействующихъ и неистребляющихъ другъ друга, можно разсматривать какъ организмы, по ихъ теории. Вы можете утверждать связь и взаимодействие, между чѣмъ хотите, и, по эволюціи, вы можете утверждать, что, изъ чего хотите, можетъ выйти въ очень долгое время все, что хотите.

И что удивительнѣе всего, это то, что эта самая позитивная наука признакомъ истиннаго знанія признаетъ научный методъ и сама опредѣлила то, что она называетъ научнымъ методомъ.

Научнымъ методомъ она называетъ здоровый смыслъ.

И этотъ-то здоровый смыслъ на каждомъ шагу и увеличиваетъ ее. Какъ только папы почувствовали, что въ нихъ не осталось ничего святаго, такъ они назвали себя святѣйшими.

Какъ только наука почувствовала, что въ ней не осталось ничего здравомыслящаго, такъ она назвала себя здравомыслящей, т.-е. научной наукой.

III.

Раздѣленіе труда есть законъ всего существующаго, и потому оно должно быть въ человѣческихъ обществахъ. Очень можетъ быть, что это такъ; но остается все-таки вопросъ о томъ: что то раздѣленіе труда, которое я теперь вижу въ моемъ человѣческомъ обществѣ, есть ли оно то самое раздѣленіе труда, которое должно быть? И если люди считаютъ извѣстное раздѣленіе труда неразумнымъ и несправедливымъ, то никакая наука не можетъ доказать людямъ, что должно быть то, что они считаютъ неразумнымъ и несправедливымъ. Раздѣленіе

труда есть условіе жизни организмовъ и человѣческихъ обществъ; но что въ этихъ человѣческихъ обществахъ считать органическимъ раздѣленіемъ труда? И, сколько бы наука не изучала раздѣленія труда въ клѣточкахъ глистовъ, все эти наблюденія не заставятъ человѣка признать правильнымъ раздѣленіемъ труда такое, которое не признаетъ таковымъ его разумъ и совѣсть. Какъ бы убѣдительно ни были его доказательства раздѣленія труда клѣточекъ въ наблюдаемыхъ организмахъ, человѣкъ, если онъ еще не лишился разсудка, все-таки скажетъ, что ткать всю жизнь ситцы человѣку не должно, и что это не есть раздѣленіе труда, а есть угнетеніе людей. Спенсеръ и проч. говорятъ, что есть цѣлыя населенія ткачей, и потому ткацкая дѣятельность есть органическое раздѣленіе труда. Есть ткачи, значить таково раздѣленіе труда. Вѣдь хорошо бы было говорить такъ, если бы населенія ткачей дѣлались сами собой, а мы знаемъ, что они дѣлаются не сами собой, а мы ихъ дѣлаемъ. Такъ вотъ надо узнать, что дѣлали-то мы этихъ ткачей по органическому закону или по чему другому.

Живутъ люди — кормятся земледѣліемъ, какъ свойственно всемъ людямъ. Одинъ человѣкъ устроилъ кузнечное горно и починилъ свой плугъ; приходитъ къ нему сосѣдъ и проситъ тоже починить и общаетъ ему за это работу или деньги. Приходитъ третій, четвертый, и въ обществѣ этихъ людей происходитъ слѣдующее раздѣленіе труда — дѣлается кузнецъ. Другой человѣкъ хорошо выучилъ своихъ дѣтей; къ нему приводитъ дѣтей сосѣдъ, и проситъ учить ихъ, и дѣлается учитель. Но и кузнецъ, и учитель сдѣлались и продолжаютъ быть такими только потому, что ихъ просили, и остаются таковыми до тѣхъ поръ, пока ихъ просятъ быть — кузнецомъ и учителемъ. Если бы случилось, что заведется много кузнецовъ и учителей или ихъ работа не нужна, они тотчасъ, какъ этого требуетъ здравый смыслъ и какъ это и бываеетъ всегда тамъ, гдѣ нѣтъ причинъ нарушенія правильности раздѣленія труда, они тотчасъ бросаютъ свое мастерство и опять берутся за земледѣліе. Люди, поступающіе такъ,

руководятся своимъ разумомъ, своею совѣстью, и потому мы, люди, одаренные разумомъ и совѣстью, все утверждаемъ, что такое раздѣленіе труда правильно. Но если бы случилось, что кузнецы имѣютъ возможность принудить другихъ людей работать на нихъ и продолжали бы дѣлать подковы, когда ихъ не нужно, а учителя учили бы, когда некого учить, то всякому свѣдѣму человѣку, какъ человѣку, т.-е. существу, одаренному разумомъ и совѣстью, очевидно, что это не было бы раздѣленіемъ, а захватомъ чужого труда. А между тѣмъ, такая-то именно дѣятельность и есть то, что называется по научной наукѣ раздѣленіемъ труда. Люди дѣлаютъ то, на что другіе и не думаютъ заявлять требованія, и требуютъ, чтобы ихъ кормили за это, и говорятъ, что это справедливо, потому что это есть раздѣленіе труда.

То, что составляетъ причину экономическаго бѣдствія нашего времени — это то, что англичане называютъ *over-productio* — перепроизводство (то, что надѣлано пропасть вещей, которыя дѣвать некуда, и которыя никому не нужны).

Странно бы было видѣть сапожника, который считалъ бы, что люди обязаны его кормить за то, что онъ шьетъ не переставая сапоги, которые давно ужъ никому не нужны; но что же сказать про тѣхъ людей, которые уже ничего не шьютъ, ничего не только видимаго, но полезнаго для народа не производятъ, на товаръ которыхъ нѣтъ охотниковъ, и которые такъ же смѣло, на основаніи раздѣленія труда, требуютъ, чтобы ихъ кормили и поили сладко, и одѣвали хорошо? Могутъ быть и есть колдуны, къ дѣятельности которыхъ заявляются требованія, и имъ носятъ за это лешенки и полштофы; но того, чтобы были такіе колдуны, колдовство которыхъ никому не нужно, и которые бы смѣло требовали, чтобы ихъ сладко кормили за то, что они будутъ колдовать — это трудно себѣ представить. А это самое и есть въ нашемъ мірѣ. И все это происходитъ на основаніи того ложнаго понятія раздѣленія труда, опредѣляемаго не разумомъ и совѣстью, а

наблюденіемъ, которое съ такимъ единодушіемъ псовѣдуютъ люди науки.

Раздѣленіе труда дѣйствительно всегда было и есть, но оно правильно только тогда, когда человѣкъ рѣшитъ своей совѣстью и разумомъ, что оно должно быть, а не тогда, когда онъ будетъ наблюдать его. И совѣсть и разумъ всехъ людей очень просто, несомнѣнно и единогласно рѣшаютъ этотъ вопросъ. Они рѣшаютъ его такъ, что раздѣленіе труда правильно только тогда, когда особенная дѣятельность человѣка такъ нужна людямъ, что они, прося его послужить имъ, сами охотно предлагаютъ ему кормить его за то, что онъ будетъ для нихъ дѣлать. Когда же человѣкъ можетъ съ дѣтства до 30 лѣтъ прожить на шеѣ другихъ, общая сдѣлать, когда онъ выучится, что-то очень полезное, о которомъ никто его не проситъ, и когда потомъ отъ 30-ти лѣтъ до смерти онъ можетъ жить такъ же, все только съ общаніями сдѣлать что-то, о чемъ никто его не проситъ, то это не будетъ (какъ и нѣтъ его на самомъ дѣлѣ въ нашемъ обществѣ) раздѣленіе труда, а будетъ, какъ оно и есть, одинъ только захватъ чужого труда сильнымъ: тотъ самый захватъ чужого труда сильнымъ, который прежде называли разными именами, напримѣръ: философы — необходимыми формами жизни, а теперь научная наука называется: органическимъ раздѣленіемъ труда.

Все значеніе научной науки только въ этомъ. Она теперь стала раздавательницею дипломовъ на праздность, потому что она одна въ своихъ капищахъ разбираетъ и опредѣляетъ — какая паразитическая, какая органическая дѣятельность въ общественномъ организмѣ. Какъ будто человѣкъ каждый не можетъ этого самаго узнать гораздо вѣрнѣе и короче, справившись съ разумомъ и совѣстью. Людямъ научной науки кажется, что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что ихъ-то дѣятельность и есть несомнѣнно органическая, — они, научные и художественные дѣятели, суть мозговые, самыя драгоценныя клѣточки организма.

Съ тѣхъ поръ, какъ есть люди, разумныя существа,

они различали добро отъ зла и пользовались тѣмъ, что до нихъ въ этомъ различіи сдѣлали люди, — боролись со зломъ, искали истинный, наилучшій путь, и медленно, но неотступно подвигались на этомъ пути. И всегда, заграждая этотъ путь, становились передъ людьми различные обмань, имѣющие цѣлью показать имъ, что этого не нужно дѣлать, а нужно жить, какъ живетъ. Съ страшными борьбою и трудомъ люди понемногу высвободились изъ многихъ обмановъ. И вотъ, новый, еще здѣшний обманъ выросъ на пути людей — обманъ научный.

Новый этотъ обманъ точно такой же, какъ и старые: сущность его въ томъ, чтобы подмѣнить дѣятельность разума и совѣсти своей и жившихъ прежде насъ людей чѣмъ нибудь внѣшнимъ; въ научномъ обманѣ это внѣшнее: наблюдение.

Ловушка этой науки состоитъ въ томъ, чтобы, указавъ людямъ на самыя грубыя извращения дѣятельности разума и совѣсти людей, разрушить въ нихъ вѣру въ самый разумъ и совѣсть и увѣрить ихъ, что все, что имъ самимъ говоритъ разумъ и совѣсть, все, что они говорили высшимъ представителямъ людей съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, что все это условно и субъективно. Все это надо оставить, говорятъ они, разумомъ нельзя понять истину, потому что можно ошибиться; а есть другой путь безошибочный и почти механическій — надо изучать факты. Изучать же факты надо на основаніи научной науки, т. е. двухъ ни на чемъ не основанныхъ предположеніяхъ позитивизма и эволюціи, которыя выдаются за несомнѣннѣйшія истины. И царствующая наука съ обманной торжественностью заявляетъ, что разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ жизни возможно только изученіемъ фактовъ природы и въ особенности организмовъ. Легковѣрная толпа молодежи, подавленная новостью этого не только не разрушеннаго, но еще не затронутаго критикою авторитета, бросается на изученіе этихъ фактовъ въ естественныхъ наукахъ на тотъ единственный путь, который по утверженію царствующаго ученія, можетъ привести къ уясненію вопросовъ жизни. Но чѣмъ дальше

подвигаются ученики въ этомъ изученіи, тѣмъ дальше и дальше становится отъ нихъ не только возможность, но даже самая мысль о разрѣшеніи вопросовъ жизни, и тѣмъ больше и больше привыкаютъ они не столько наблюдать, сколько вѣрить на слово чужимъ наблюдениямъ (вѣрить въ кльточки, въ протоплазмы, въ 4-е состояніе тѣлъ и т. п.), тѣмъ больше и больше форма заслоняетъ для нихъ содержаніе, тѣмъ больше и больше теряютъ они сознаніе добра и зла и способность понимать тѣ выраженія и опредѣленія добра и зла, которыя выработаны всей предшествующей жизнью человѣчества, тѣмъ болѣе и болѣе усваиваютъ они себѣ специальный научный жаргонъ условныхъ выраженій, не имѣющихъ общечеловѣческаго значенія, тѣмъ дальше и дальше заходятъ они въ дебри ничѣмъ не освѣщенныхъ наблюдений, тѣмъ больше и больше лишаются они способности не только самостоятельно мыслить, но понимать даже чужую, свѣжую, находящуюся внѣ ихъ талмуда, человѣческую мысль, главное же проводятъ лучшіе годы въ отвыканіи отъ жизни, т. е. отъ труда, привыкаютъ считать свое положеніе оправданнымъ и дѣлаются и физически ни на что негодными паразитами, и умственно вывихиваютъ себѣ мозги и становятся скопцами мысли. И точно также, по мѣрѣ оглушенія, приобретаютъ самоувѣренность, лишаящую ихъ уже навсегда возможности возврата къ простой трудовой жизни, къ простому, ясному и общечеловѣческому мышленію.

Раздѣленіе труда въ человѣческомъ обществѣ всегда было и, вѣроятно, будетъ; но вопросъ для насъ не въ томъ, что оно есть и будетъ, а въ томъ, чѣмъ мы должны руководствоваться, чтобы это раздѣленіе было правильно: Если же мы наблюдение возьмемъ за мѣрило, то мы этимъ самымъ откажемся отъ всякаго мѣрила; тогда мы всякое раздѣленіе труда, какое мы будемъ видѣть между людьми и какое намъ кажется правильнымъ, и будемъ считать правильнымъ, къ чему и ведетъ царствующая научная наука.

Раздѣленіе труда!

Одни заняты умственной, духовной, другіе — мускульной, физической работой. Съ какою увѣренностью говорить это люди! Имъ хочется это думать, и имъ кажется, что въ самомъ дѣлѣ происходитъ совершенно правильный обменъ услугъ.

Но мы, въ нашемъ ослѣпленіи, до такой степени упустили изъ виду взятую на себя обязанность, что даже забыли про то, во имя чего производится наша работа, и тотъ самый народъ, которому мы взялись служить, сдѣлали предметомъ нашей научной и художественной дѣятельности. Мы изучаемъ и изображаемъ его для своей забавы и развлечения, мы совершенно забыли то, что намъ надо не изучать и изображать его, а служить ему. Мы до такой степени упустили изъ виду эту взятую на себя обязанность, что не замѣтили даже, какъ то, что мы взяли дѣлать въ области наукъ и искусствъ, сдѣлали не мы, а другіе, и мѣсто наше оказалось занятымъ. Оказалось, что покуда мы спорили, то о самородномъ зарожденіи организмовъ, то о спиритизмѣ, то о формѣ атомовъ, то о пангенезисѣ, то о томъ что еще есть въ протоплазмѣ, и т. п., народу все-таки понадобилась духовная пища, и неудачники и отверженцы науки и искусствъ, по заказу аферистовъ, имѣющихъ въ виду одну цѣль наживы, начали поставлять народу эту духовную пищу и поставляютъ ее. Вотъ уже лѣтъ 40 въ Европѣ, а лѣтъ 10 у насъ, въ Россіи, расходятся милліонами книги и картины, и пѣсенники, и отрываются балаганы, и народъ и смотритъ, и поетъ, и получаетъ духовную пищу не отъ насъ, взявшихъ поставлять ее, а мы, оправдывающіе свою праздность той духовной пищей, которую мы будто бы поставляемъ, мы сидимъ и хлопаемъ глазами. А нельзя намъ хлопать глазами, вѣдь выскользаетъ изъ подъ ногъ послѣднее оправданіе! Мы специализировались, у насъ есть наша особенная функциональная дѣятельность — мы мозгъ народа. Онъ кормитъ насъ, а мы его взяли учить. Только во имя этого мы освободили себя отъ труда. Чему же мы научили, и чему учимъ его? Онъ ждалъ года, десятки, сотни лѣтъ. И все мы разговариваемъ и другъ

друга учимъ и потѣшаемъ, а его мы даже совсѣмъ забыли. Такъ забыли, что другіе взялись учить и потѣшать его, и мы даже не замѣтили этого. Такъ несерьезно мы говорили о раздѣленіи труда, такъ очевидно, что то, что мы говорили о пользѣ, приносимой нами народу, была одна безстыдная отговорка.

IV.

Наука и искусства выговорили себѣ право праздности и пользованія чужими трудами и измѣнили своему призванію. И заблужденія ихъ произошли только потому, что служители ея, выставивъ ложно понятый принципъ раздѣленія труда, признали за собой право пользоваться трудами другихъ и потеряли смыслъ своего призванія, сдѣлавъ себѣ цѣлью не пользу народа, а таинственную пользу науки и искусства, и предалися праздности и разврату — не столько чувственному, сколько умственному.

Говорятъ: наука и искусства многое дали человѣчеству.

Наука и искусства много дали человѣчеству не потому, что люди науки и искусства подъ видомъ раздѣленія труда живутъ на шеѣ рабочаго народа, а не смотря на это.

Римская республика была могущественна не потому, что граждане ея имѣли возможность развратничать, а потому, что въ челѣ ихъ были доблестные граждане. То же самое и съ наукой и съ искусствомъ. Наука и искусство дали много человѣчеству, но не потому, что служители ихъ имѣли изрѣдка прежде, и теперь имѣютъ всегда возможность освободить себя отъ труда, а потому, что были гениальные люди, которые, не пользуясь этими правами, двигали впередъ человѣчество.

Сословіе ученыхъ и художниковъ, заявляющее на основаніи ложнаго раздѣленія труда требованія на право пользованія трудомъ другихъ, не можетъ содѣйствовать успѣху истинной науки и истиннаго искусства, потому что ложь не можетъ произвести истины.

Мы такъ привыкли къ тѣмъ выхолненнымъ или разслабленнымъ нашимъ представителямъ умственнаго труда,

что намъ дикимъ представляется то, чтобы ученый или художникъ нахалъ или возилъ навозъ. Намъ кажется, что все погибнетъ, и вытрясется на телѣгѣ вся его мудрость и опачкаются въ повозѣ тѣ великіе художественные образы, которые онъ носитъ въ своей груди; но мы такъ привыкли къ этому, что намъ не кажется страннымъ то, что нашъ слугитель науки, т. е. слугитель и учитель истины, заставляя другихъ людей дѣлать для себя то, что онъ самъ можетъ сдѣлать, половину своего времени проводить въ сладкой ѣдѣ, куреніи, болтовнѣ, либеральныхъ сплетняхъ, чтеніи газетъ, романовъ и посѣщеніи театровъ; намъ не странно видѣть нашего философа въ трактирѣ, въ театрѣ, на балѣ, не странно узнавать, что тѣ художники, которые услаждаютъ и облагораживаютъ наши души, проводили свою жизнь въ пьянствѣ, картахъ и у дѣвокъ, если еще не хуже. Наука и искусство прекрасныя вещи, но именно потому, что онѣ прекрасныя, ихъ не надо портить обязательнымъ присоединеніемъ къ нимъ разврата, т. е. освобожденія себя отъ обязанности человѣка служить трудомъ жизни своей и другихъ людей. Наука и искусства подвинули впередъ человѣчество. Да! но не тѣмъ, что люди науки и искусства подъ видомъ раздѣленія труда освободили себя отъ самой первой и несомнѣнной человѣческой обязанности трудиться руками въ общей борьбѣ человѣчества съ природою.

«Но только раздѣленіе труда, освобожденіе людей науки и искусства отъ необходимости выработывать свою пищу, и дала возможность того необычайнаго успѣха науѣ, который мы видимъ въ наше время», говорятъ на это. «Если бы всѣ должны были пахать, не были бы достигнуты тѣ громадныя результаты, которые достигнуты въ наше время; не было бы тѣхъ поразительныхъ успѣховъ, которые такъ увеличили власть человѣка надъ природою, не было бы тѣхъ астрономическихъ, такъ поражающихъ человѣческій умъ открытій, упрочившихъ мореплаваніе, не было бы пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, удивительныхъ мостовъ, тоннелей, паровыхъ двигателей и телеграфовъ,

фотографій, телефоновъ, швейныхъ машинъ, фонографовъ, электричества, телескоповъ, спектроскоповъ, микроскоповъ, хлороформа, Листеровой повязки, карболовой кислоты».

Я не перечисляю всего, чѣмъ такъ гордится нашъ вѣкъ. Перечисленіе это и восторги передъ самимъ собой и своими подвигами можно найти почти въ каждой газетѣ и популярной книжкѣ. Восторги эти передъ самимъ собою до такой степени часто повторяются, мы всѣ до такой степени не можемъ достаточно нарадоваться на самихъ себя, что мы серьезно увѣрены, что наука и искусства никогда не дѣлали такихъ успѣховъ, какъ въ наше время. Всѣмъ же этимъ удивительнымъ успѣхамъ мы обязаны раздѣленію труда, такъ какъ же не признавать его?

Допустимъ, что дѣйствительно, успѣхи, сдѣланные въ нашъ вѣкъ, поразительны, удивительны, необычайны; допустимъ, что мы такіе особенные счастливыя, что живемъ въ такое необыкновенное время; но попытаемся оцѣнить эти успѣхи, не на основаніи нашего самодовольства, а того самаго принципа, который защищается этими успѣхами,—раздѣленія труда. Всѣ эти успѣхи очень удивительны, но, по особенной несчастной случайности, признаваемой и людьми науки, до сихъ поръ успѣхи эти не улучшили, а скорѣй ухудшили положеніе большинства, т. е. рабочаго. Если рабочій можетъ вмѣсто ходьбы проѣхаться по желѣзной дорогѣ, то зато желѣзная дорога эта сожгла его лѣсъ, увезла у него изъ-подъ носа хлѣбъ и привела его въ состояніе, близкое къ рабству—къ капиталисту. Если, благодаря паровымъ двигателямъ и машинамъ, рабочій можетъ купить дешево непрочнаго ситцу, то зато эти двигатели и машины лишили его заработка дома и привели въ состояніе совершеннаго рабства къ фабриканту. Если есть телефоны и телескопы, стихи, романы, театры, балеты, симфоніи, оперы, картинныя галлерей и т. п., то жизнь рабочаго отъ этого всего не улучшилась, потому что все это, по той же, несчастной случайности, недоступно ему. Такъ что въ общемъ, въ чемъ согласны и люди науки, до сихъ поръ всѣ эти необы-

чайныя пріобрѣтенія и произведенія науки искусства если не ухудшили, то никакъ не улучшили жизнь рабочаго. Такъ что, если къ вопросу о дѣйствительности успѣховъ, достигнутыхъ науками и искусствами, мы приложимъ не наше восхищеніе передъ самими собой, а то самое мѣрило, на основаніи котораго защищается раздѣленіе труда, пользу рабочему народу, то увидимъ, что у насъ еще нѣтъ твердыхъ основаній для того самодовольства, которому мы такъ охотно предаемся.

Мужикъ проѣдетъ по желѣзной дорогѣ, баба купить ситцу, въ избѣ будетъ не лучина, а лампа, и мужикъ закурить трубку спичкой—это удобно; но по какому праву я могу сказать, что желѣзныя дороги и фабрики принесли народу пользу?

Если мужикъ ѣдетъ по желѣзной дорогѣ и покупаетъ лампу, ситецъ и спички, то только потому, что нельзя этого запретить мужику. Но вѣдь мы все знаемъ, что постройка желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ никогда не дѣдалась для пользы народа; такъ зачѣмъ же случайныя удобства, которыми печально пользуется рабочій челоувѣкъ, приводить въ доказательство полезности этихъ учрежденій для народа?

Во всемъ вредномъ есть полезное. Послѣ пожара можнo погрѣться и закурить головешкой трубку; но зачѣмъ же говорить, что пожаръ полезенъ?

Люди науки и искусства могли бы сказать, что дѣятельность ихъ полезна для народа только тогда, когда люди науки и искусства поставили бы себѣ цѣлью служить народу, такъ какъ они теперь ставятъ себѣ цѣлью служить правительствамъ и капиталистамъ. Мы бы могли это сказать тогда, когда бы люди науки и искусства поставили бы себѣ цѣлью нужды народа; но такихъ вѣдь нѣтъ. Все ученые заняты своими жреческими занятіями, изъ которыхъ выходятъ изслѣдованія о протоплазмахъ, спектральные анализы звѣздъ и т. п. А какимъ топоромъ, какимъ топорщикомъ выгодыче что рубить, какая пила самая спорая; какъ мѣсить лучше хлѣбы—изъ какой муки, какъ ставить ихъ, какъ топить, строить печи, ка-

кая пища, какое питье, какая посуда самая удобная и выгодная въ данныхъ условіяхъ, какіе грибы можно ѣсть и какъ ихъ разводить, приготовить удобнѣе—про это наука никогда и не думала. А вѣдь это все дѣло науки.

Я знаю, что по своему опредѣленію наука должна быть бесполезна, т. е. наука для науки; но вѣдь это очевидная отговорка. Дѣло науки служить людямъ. Мы выдумали телеграфы, телефоны, фонографы; а въ жизни, въ трудѣ народномъ, что мы подвинули? Пересчитали два милліона букашекъ! А приручили ли хотя одно животное со временемъ библейскихъ, когда ужъ наши животныя давно были приручены? А лось, олень, куропатка, тетеревъ, рябчикъ все остаются дикими. Ботаники нашли и клѣточку, и въ клѣточкахъ-то протоплазму, и въ протоплазмѣ еще что-то, и въ той штучкѣ, еще что-то. Занятія эти, очевидно, долго не кончатся, потому что имъ, очевидно, и конца быть не можетъ, и потому ученымъ некогда заняться тѣмъ, что нужно людямъ. И потому опять со временъ египетской древности и еврейской, когда уже была выведена пшеница и чечевица, до нашего времени не прибавилось для пищи народа ни одного растенія, кромѣ картофеля, и то пріобрѣтеннаго не наукой. Выдумали торпеды, приборы для акциза, и т. п., а прялка, ткацкій станокъ бабій, соха, топорнице, цѣпь, грабли, ушатъ, журавецъ—все такіе же, какъ были при Рюрикѣ. И если что перемѣнилось, то перемѣнилось не научными людьми. То же и съ искусствомъ. Мы произвели пропасть людей въ великихъ писателей, разобрали этихъ писателей, по косточкамъ и написали горы критикъ, и критикъ на критики, и критикъ на критики-критики; и картинныя галереи собрали произведенія искусствъ разныя изучили до тонкости, и симфоніи, и оперы у насъ такія что ужъ намъ самимъ трудно становится ихъ слушать; а что мы прибавили къ народнымъ былинамъ, легендамъ, сказкамъ, пѣснямъ, какія картины передали народу, какую музыку? На Никольской дѣлаютъ книги и картины для народа, въ Тулѣ гармоніи, и ни въ томъ, ни въ другомъ мы не принимали никакого участія. Поразитель-

нѣс и очевиднѣ всего ложность направленія нашей науки и искусствъ именно въ тѣхъ самыхъ отрасляхъ, которыя, казалось бы, по самымъ задачамъ своимъ должны бы быть полезными народу, и которыя, вслѣдствіе ложнаго направленія, представляются скорѣе пагубными чѣмъ полезными. Техникъ, врачъ, учитель, художникъ, сочинитель, по самому назначенію своему, должны бы, кажется, служить народу, — и что же? При теперешнемъ направленіи они ничего кромѣ вреда не могутъ принести народу.

Технику, механику надо работать съ капиталомъ. Безъ капиталовъ они никуда не годятся. Всѣ его знанія таковы, что для проявленія ихъ ему нужны капиталы, и въ большихъ размѣрахъ эксплуатаціи рабочаго, и, не говоря уже о томъ что онъ самъ пріученъ къ тому, чтобы проживать, по меньшей мѣрѣ, 2—1,500 руб. въ годъ. а потому не можетъ идти въ деревню, гдѣ никто не можетъ дать ему такого вознагражденія, — онъ по самымъ занятіямъ своимъ не годится для служенія народу. Онъ умѣетъ вычислить высшей математикой дугу моста, вычислить силу и передачу двигателя и т. п., но передъ простыми запросами народнаго труда онъ становится въ тупикъ; какъ улучшить соху, телѣгу, какъ сдѣлать производительнѣе ручей — все это въ тѣхъ условіяхъ жизни, въ которыхъ находится рабочій. Онъ ничего этого не знаетъ и не понимаетъ, — меньше, чѣмъ самый послѣдній мужикъ. Дайте ему мастерскія, народу всякаго въ волю, выпуску машинъ изъ-за границы, тогда онъ распорядится. А при данныхъ условіяхъ труда милліоновъ людей, найти средства облегчить этотъ трудъ, — этого онъ ничего не знаетъ и не можетъ, и по своимъ знаніямъ, и привычкамъ, и требованіямъ отъ жизни не годится для этого дѣла.

Въ еще худшемъ положеніи находится врачъ. Его воображаемая наука вся такъ поставлена, что онъ умѣетъ лѣчить только тѣхъ людей, которые ничего не дѣлаютъ. Ему нужно безчисленное количество дорогихъ приспособленій, инструментовъ, лѣкарствъ и гигиеническихъ приспособленій.

Онъ учился у знаменитостей въ столицахъ, которыя держатся пациентовъ только такихъ, которыхъ можно лѣчить въ клиникѣ, или которые, лѣчась, могутъ купить необходимыя для лѣкарства машины и даже переѣхать сейчасъ съ сѣвера на югъ и на такія и другія воды. Наука ихъ такова, что всякій земскій врачъ плачется на то, что нѣтъ средствъ лѣчить рабочій народъ, что онъ такъ бѣденъ, что нѣтъ средствъ поставить больного въ гигиеническія условія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ же врачъ жалуется на то, что нѣтъ больницъ, и что онъ не успѣваетъ, ему нужно помощниковъ, еще докторовъ и фельдшеровъ. Что же выходитъ? Выходитъ то что главное бѣдствіе народа отъ котораго происходятъ и распространяются и не излѣчиваются болѣзни — это недостаточность средствъ для жизни. И вотъ наука, подъ знаменемъ раздѣленія труда, призываетъ своихъ борцовъ на помощь народу. Наука вся пристроилась къ богатымъ классамъ и своей задачей ставитъ, какъ лѣчить тѣхъ людей, которые все могутъ достать себѣ, и посылаетъ лѣчить тѣхъ у которыхъ ничего нѣтъ лишняго, тѣми же средствами. Но средствъ нѣтъ, и потому надо ихъ брать съ народа, который болѣетъ и заражается, а не вылѣчивается отъ недостатка средствъ. Вотъ и говорятъ защитники медицины для народа, что теперь еще это дѣло мало развилось. Очевидно, что мало развилось потому что, если бы, избави Богъ, оно развилось — и на шею народа, вмѣсто 2-хъ докторовъ, акушеровъ и фельдшеровъ, въ уѣздѣ, посадили бы 20, какъ они хотятъ этого, то половина народа перемерла бы отъ тяжести содержанія этого медицинскаго штата, и скоро бы и лѣчить некого было. Научное содѣйствіе народу, про которое говорятъ защитники науки, должно быть совсѣмъ другое. И то содѣйствіе, которое должно быть, еще не начиналось. Оно начнется тогда когда человекъ науки, техникъ или врачъ, не будутъ считать законнымъ брать отъ людей, не говорю уже сотни тысячъ, а даже скромные 1000 или 500 рублей, за свое содѣйствіе имъ, а будутъ жить среди трудящихся людей въ тѣхъ же условіяхъ и такъ же, какъ

они, и тогда будутъ прикладывать свои знанія къ вопросамъ механики, техники, гигиены и дѣченія рабочаго народа. Теперь же, наука, кормящаяся на счетъ рабочаго народа, совершенно забыла объ условной жизни этого народа, игнорируетъ (какъ она выражается) эти условія и пресерьезно обижается, что ея воображаемыя знанія не находятъ приложенія къ народу.

Область медицины, какъ область техники, лежитъ еще непочатая. Всѣ вопросы о томъ, какъ лучше раздѣлять время труда, какъ лучше питаться, чѣмъ, въ какомъ видѣ, когда, какъ лучше одѣваться, обуваться, противо-дѣйствовать сырости, холоду, какъ лучше мыться, кормить дѣтей, пеленать и т. п., именно въ тѣхъ условіяхъ въ которыхъ находятся рабочій народъ,—всѣ эти вопросы еще не поставлены.

Тоже и съ дѣятельностью учителей научныхъ — педагогическихъ. Точно также наука поставила это дѣло такъ, что учить по наукѣ можно только богатыхъ людей, и учителя — какъ техники и врачи — невольно льнутъ къ деньгамъ.

И это не можетъ быть иначе, потому что образцово-устроенная школа (какъ общее правило, чѣмъ научнѣе устроена школа, тѣмъ она дороже), со скамейками на винтахъ, и глобусами, и картами, и библиотеками, и методиками для учителей и для учениковъ, и педагоговъ, такая, на которую надо удвоить подати съ каждой деревни. Такъ требуетъ наука. Народу нужны дѣти для работы, и тѣмъ болѣе нужны, чѣмъ онъ бѣднѣе.

Научные защитники говорятъ: педагогія и теперь приноситъ пользу народу, а дайте, она разовьется, тогда еще будетъ лучше. Да если она разовьется, и вмѣсто 20-ти школъ въ уѣздѣ будетъ 100, и всѣ научныя, и народъ будетъ содержать эти школы — онъ обѣднѣетъ еще больше, и ему еще нужнѣе будетъ работа своихъ дѣтей. Что-жъ дѣлать! говорятъ на это. Правительство устроитъ школы и сдѣлаетъ обязательнымъ обученіе, какъ въ Европѣ; но деньги-то возьмутся вѣдь опять таки съ народа, и онъ тяжелѣе будетъ работать, у него будетъ меньше досуга для

труда, и образованія и насильственнаго не будетъ. Опять одно спасеніе то, чтобы учитель жилъ въ условіяхъ рабочаго человѣка и училъ за то вознагражденіе, которое свободно и охотно дадутъ ему.

Таково ложное направленіе науки, лишшающее ее возможности исполнять свою обязанность — служить народу.

Но ни на чемъ это ложное направленіе не видно съ такою очевидностію, какъ на дѣятельности искусства, которое по самому значенію своему должно бы было быть доступно народу. Наука еще можетъ сослаться на свою глупую отговорку, что наука дѣйствуетъ для науки, и что, когда она разработается учеными, она станетъ доступною и народу; но искусство, если оно искусство, — должно быть доступно всеѣмъ, а въ особенности тѣмъ, во имя которыхъ оно дѣлается. И наше положеніе искусства поразительно обличаетъ дѣятелей искусства въ томъ, что они и не хотятъ, и не умѣютъ, и не могутъ быть полезными народу.

Живописецъ, для изготовленія своихъ великихъ произведеній долженъ имѣть студию, по крайней мѣрѣ, такую, въ которой могла бы работать артель человѣкъ въ 40 столбуровъ или сапожниковъ, мерзнущихъ или задыхающихся въ тущабахъ; но этого мало: ему нужна натура, костюмы, путешествія. Тратятъ милліоны на поощреніе искусствъ, а произведенія этого искусства и не понятны, и не нужны народу. Музыканты, чтобы выразить свои великія идеи, должны собрать человѣкъ 200 въ бѣлыхъ галстухахъ или въ костюмахъ, и израсходовать сотни тысячъ для постановки оперы. И произведенія этого искусства не могутъ вызвать въ народѣ, если бы онъ когда-нибудь и могъ пользоваться ими, ничего, кромѣ недоумѣнія и скуки. Писатели, сочинители, казалось бы, не нуждаются въ обстановкѣ, въ студіяхъ, натурѣ, оркестрахъ и актерахъ; но и тутъ оказывается, что писателю, сочинителю, не говоря уже объ удобствахъ помѣщенія, всѣхъ сладостей жизни, для изготовленія своихъ великихъ произведеній, нужны путешествія, дворцы, кабинеты, библиотекн, наслажденія искусствами, посѣщенія

театровъ, концертвъ, водъ и т. п. Если самъ онъ не наживетъ, ему дають пенсію, чтобы онъ лучше сочинялъ. И опять, сочиненія эти, столь цѣнныя нами, остаются трухою для народа, и совершенно ненужны ему.

Что если разведется еще больше, чего такъ желаютъ люди наукъ и искусствъ, такихъ поставщиковъ духовной пищи, и придется въ каждой деревнѣ строить студию, заводить оркестры и содержать сочинителя въ тѣхъ условіяхъ, которыя считаютъ для себя необходимыми люди искусствъ? Я полагаю, что рабочіе люди зарекутся скорѣе никогда не видать картины, не слышать симфоніи, не читать стиховъ или повѣстей, только бы не кормить всѣхъ этихъ дармоѣдовъ.

А отчего же бы, казалось, людямъ искусства не служить народу? Вѣдь въ каждой избѣ есть образа, картины, каждый мужикъ, каждая баба поютъ; у многихъ есть гармонія, и всѣ разсказываютъ исторіи, стихи; и читаютъ многіе. Какъ же такъ разошлись тѣ двѣ вещи — сдѣланные одна для другой, какъ ключъ и замокъ — разошлись такъ, что не представляется даже возможности соединенія? Скажите живописцу, чтобы онъ писалъ безъ студии, натуры, костюмовъ, и рисовалъ бы пятикопѣечныя картины; онъ скажетъ, что это значитъ отказаться отъ искусства, какъ онъ понимаетъ его. Скажите музыканту чтобы онъ игралъ на гармоніи и училъ бы бабъ пѣть пѣсни; скажите поэту, сочинителю, чтобы онъ бросилъ свои поэмы и романы, и сочинялъ пѣсенники, исторіи, сказки, понятныя безграмотнымъ людямъ — они скажутъ, что вы сумасшедшій.

Служеніе народу науками и искусствами будетъ только тогда, когда люди, живущіе среди народа и какъ народъ, не заявляя никакихъ правъ, будутъ предлагать ему свои научныя и художественныя услуги, приняты или не приняты которыя будутъ зависѣть отъ воли народа.

Говорить, что дѣятельность наукъ и искусствъ содѣйствовала движенію впередъ человѣчества, подразумѣвая подъ этой дѣятельностью то, что теперь называется этимъ именемъ — все равно, что говорить, что неумѣлое, мѣшаю-

щее ходу судна, болтаніе веслами на суднѣ, идущемъ по теченію, содѣйствуетъ движенію судна. Оно только мѣшаетъ ему. Такъ называемое раздѣленіе труда, ставшее въ наше время условіемъ дѣятельности людей науки и искусства, было и осталось главной причиной медленнаго движенія впередъ человѣчества.

Доказательства этого въ томъ признаніи всѣхъ людей науки, что приобрѣтеніе науки и искусствъ недоступны рабочимъ массамъ, вслѣдствіе дурного распредѣленія богатствъ. Неправильность этого распредѣленія по мѣрѣ успѣха наукъ и искусствъ не уменьшается, а только увеличивается. Люди наукъ и искусствъ дѣлаютъ видъ, что они очень сожалѣютъ объ этомъ, независащемъ отъ нихъ, несчастномъ обстоятельстве. Но это несчастное обстоятельство производится ими самими, потому что возникаетъ это неправильное распредѣленіе богатствъ только изъ теоріи раздѣленія труда, проповѣдываемого людьми науки и искусства. Наука отстаиваетъ раздѣленіе труда, какъ законъ неизмѣнный, видитъ, что распредѣленіе богатствъ, основывающееся на раздѣленіи труда, неправильно и губельно, и утверждаетъ, что ея дѣятельность, признающая раздѣленіе труда, приведетъ людей къ благу.

Выходитъ, что одни люди пользуются трудами другихъ; но что, если они очень долго и въ еще большихъ размѣрахъ будутъ пользоваться трудами другихъ, то тогда это неправильное распредѣленіе богатствъ, т. е. пользованіе трудомъ другихъ, прекратится.

Люди стоятъ у постоянно увеличивающагося источника воды, и заняты тѣмъ, чтобы отводить его въ сторону отъ жаждущихъ людей, и утверждаютъ, что они-то и производятъ эту воду, и что вотъ-вотъ скоро наберется ея столько, что всѣмъ достанетъ. А вода эта, которая текла и течетъ, не переставая, и питаетъ все человѣчество, не только не есть послѣдствіе дѣятельности тѣхъ людей, которые, стоя у источника, отводятъ его; а вода эта течетъ и разливается, не смотря на успія этихъ людей остановить ея разлитіе.

Всегда была истинная наука и искусство, но истинными науки и искусства были не потому, что они называли себя этимъ именемъ. Признающимъ себя представителями науки и искусства извѣстнаго времени всегда кажется, что они сдѣлали и дѣлаютъ и, главное, вотъ-вотъ сейчасъ сдѣлаютъ удивительныя чудеса, и что помимо ихъ не было и нѣтъ никакой нуки и никакого искусства. Такъ это казалось софистамъ, схоластикамъ, алхимикамъ, кабалистамъ, талмудистамъ и нашей научной науцѣ и нашему искусству для искусства.

V.

«Но наука, искусство! Вы отрицаете науку и искусство, т. е. отрицаете то, чѣмъ живетъ человѣчество!» Мы постоянно дѣлаютъ это — не возраженіе, а употребляютъ этотъ приемъ, чтобы, не разбирая ихъ, отбрасывать мои доводы. «Онъ отрицаетъ науку и искусство, онъ хочетъ вернуть людей къ дикому состоянію; что же слушать его и говорить съ нимъ?» Но это несправедливо. Я не только не отрицаю науку и искусство, — но я только во имя того, что есть истинная наука и истинное искусство, и говорю то, что я говорю, только для того, чтобы была возможность человѣчеству выдти изъ того дикаго состоянія, въ которое оно быстро впадаетъ, благодаря ложному ученію нашего времени, только для этого я и говорю то, что я говорю.

Наука и искусство также необходимы для людей, какъ пища, и питье, и одежда, даже необходимѣе; но они дѣлаются таковыми не потому, что мы рѣшимъ, что то, что мы называемъ наукой и искусствомъ, необходимо, а только потому, что они дѣйствительно необходимы людямъ.

Вѣдь, если для тѣлесной пищи людей будутъ готовить сѣно, то то, что мы убѣждены въ томъ, что сѣно есть пища людей, не сдѣлаетъ того, что сѣно станетъ пищей людей. Я вѣдь не могу сказать, что же ты не ѣшь сѣна, когда оно — необходимая пища? Пища необходима: но можетъ случиться то, что то, что я предлагаю, — не пища.

Вотъ это то самое и случилось съ нашей наукой и искусствомъ. А намъ кажется, что если мы приложимъ къ греческому слову слово *логія* и назовемъ это наукою, то будетъ наука, и если какое-нибудь гадкое дѣло, какъ плясаніе обнаженныхъ женщинъ, назовемъ греческимъ словомъ хореографія и скажемъ, что это искусство, то оно и будетъ искусство. Но сколько бы мы ни говорили этого, дѣло, которымъ мы занимаемся, считая козявокъ и изслѣдуя химическій составъ звѣздъ млечнаго пути, рисуя русалокъ и историческія картины, сочиняя повѣсти и симфоніи, наше дѣло не станетъ ни наукой, ни искусствомъ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ охотно приниматься тѣми людьми, для которыхъ оно дѣлается. А до сихъ поръ оно не принимается.

Если бы только однимъ людямъ разрѣшено было производить пищу, а всѣмъ остальнымъ было бы запрещено это дѣлать, или бы они были поставлены въ невозможность производить пищу, я полагаю, что качество пищи понизилось бы. Если бы люди, имѣющіе монополію производить пищу, были бы русскіе крестьяне — не было бы другой пищи, кромѣ чернаго хлѣба, щей, квасу и т. п. — кромѣ того, что они любятъ и что имъ пріятно. То же самое случилось бы съ той высшей человѣческою дѣятельностью наукъ и искусствъ, если бы монополію ея присвоила себѣ одна каста; но только съ тою разницею, что въ тѣлесной пищѣ не можетъ быть очень большихъ отклоненій отъ естественности, — а хлѣбъ и щи хотя и не очень вкусная пища, но все-таки удобоѣдома; въ духовной же пищѣ могутъ быть самыя большія отклоненія; и нѣкоторые люди могутъ долгое время питаться прямо имъ ненужной или вредной, отравляющей духовной пищей, могутъ сами медленно убивать себя духовнымъ опиумомъ или спиртомъ, и эту самую пищу предлагаютъ массамъ.

Это самое и случилось съ нами. И случилось потому, что положеніе людей науки и искусствъ привилегированное, потому что наука и искусство (въ наше время) въ нашемъ мірѣ не есть вся та разумная дѣятельность

всего безъ исключенія человѣчества, выдѣляющаго свои лучшія силы на служеніе наукъ и искусству, а дѣятельность маленькаго кружка людей, имѣющаго монополию этихъ занятій и называющаго себя людьми науки и искусства, и потому извратившихъ самыя понятія науки и искусства, и потерявшихъ смыслъ своего призванія и занятыхъ только тѣмъ, чтобы забавлять и спасать отъ удручающей скуки свой маленькой кружечекъ дармоѣдовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, у нихъ всегда была наука въ самомъ ея простомъ и широкомъ смыслѣ. Наука, въ смыслѣ всего знанія, прибрѣтеннаго человѣчествомъ, всегда была и есть, и безъ нея не мыслима жизнь; и ни нападать на науку въ этомъ смыслѣ, ни защищать ее нѣтъ никакой возможности, но дѣло въ томъ, что область знанія вообще всего человѣчества такъ многообразна—отъ знанія, какъ добывать желѣзо, до знанія движенія свѣтилъ—что человѣкъ теряетъ въ этой многочисленности существующихъ и въ *безконечности* возможныхъ знаній, если у него нѣтъ руководящей нити, по которой бы онъ могъ располагать эти знанія, распредѣлять ихъ по степени ихъ значенія и важности. Прежде, чѣмъ человѣкъ познать что бы то ни было, онъ долженъ рѣшить, что этотъ предметъ познанія важенъ для него, и важнѣе и нужнѣе, чѣмъ тѣ другіе безчисленные предметы познанія, которыми онъ окруженъ. Прежде, чѣмъ изучать что-нибудь, человѣкъ рѣшаетъ уже для чего онъ изучаетъ этотъ предметъ, а не остальные. Изучать же все, какъ проповѣдуютъ въ наше время люди научной науки, безъ соображенія о томъ, что выйдетъ изъ этого изученія, прямо невозможно, потому что число предметовъ изученія *безконечно*, и потому, сколько бы и какіе бы предметы мы не изучали, изученіе ихъ не можетъ имѣть никакого значенія и смысла. И потому въ древнія времена, даже не очень давно до тѣхъ поръ, пока не явилась научная наука, высшая мудрость людей всегда состояла въ томъ, чтобы найти ту руководящую нить, по которой должны быть расположены знанія людей: какія изъ нихъ первой, какія меньшей важности. И это

то руководящее всѣми другими знаніями знаніе люди всегда называли наукою въ тѣсномъ смыслѣ. И такая наука всегда и до нашего времени была въ людскихъ обществахъ, выходявшихъ изъ первоначальнаго дикаго состоянія. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, всегда, у всѣхъ народовъ являлись учителя, составлявшие науку, въ этомъ тѣсномъ смыслѣ: науку о томъ, что нужнѣе всего знать человѣку. Наука эта всегда имѣла своимъ предметомъ знаніе того, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей. Эта-то наука и служила руководящей нитью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній.

Такова была наука Конфуція, Будды, Сократа, Магомета и другихъ; наука такая, какою ее разумѣли и разумѣютъ всѣ люди, за исключеніемъ нашего кружка такъ называемыхъ образованныхъ людей. Наука такая всегда занимала не только первенствующее мѣсто, но была одной наукой, изъ которой опредѣлялось значеніе другихъ. И это происходило совсѣмъ не потому, какъ это думаютъ такъ называемые ученые люди нашего времени, что обманщики-жрецы—учителя этой науки, придали ей такое значеніе, а потому, что дѣйствительно, какъ каждый можетъ это узнать и внутреннимъ опытомъ и разсужденіемъ, безъ науки о томъ, въ чемъ назначеніе и благо человѣка, не можетъ быть никакой науки, ибо предметовъ наукъ *безчисленное* количество (я подчеркиваю слово *безчисленное*, такъ какъ понимаю его въ точномъ значеніи); и безъ знанія того, въ чемъ состоитъ назначеніе и благо всѣхъ людей, нѣтъ возможности выбора въ этомъ безконечномъ количествѣ предметовъ, и потому безъ этого знанія всѣ остальные знанія и искусства становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздною и вредною забавой.

Человѣчество жило-жило, и никогда не жило безъ науки о томъ, въ чемъ назначеніе и благо людей; правда, что наука о благѣ людей для поверхностнаго наблюденія кажется различною: у буддистовъ, браминовъ, евреевъ, христіанъ, конфуціанцевъ, тусистовъ; но все-таки, гдѣ

мы знаемъ людей, вышедшихъ изъ дикаго состоянія, мы находимъ эту науку; и вдругъ оказывается, что люди нашего времени рѣшили, что это-то самая наука, до сихъ поръ бывшая руководительницей всѣхъ человѣческихъ знаній, что она-то и мѣшаетъ всѣму. Люди строятъ зданіе, и одинъ строитель составилъ одну смѣту, другой—другую, третій—третью. Смѣты нѣсколько различны, но смѣты вѣрны, такъ что всякій видитъ, что если все будетъ исполнено по смѣтѣ, то зданіе построится. Вдругъ приходятъ люди и увѣряютъ, что главное дѣло въ томъ, чтобы не было никакой смѣты, а чтобы строить такъ—на глазомѣрь. И это-то «такъ» люди эти называютъ самой точной научной наукой. Люди отрицаютъ всякую науку, самую сущность науки—опредѣленіе того, въ чемъ назначеніе и благо людей, и это отрицаніе науки называютъ наукой.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, въ средѣ ихъ зарождались великіе умы, которые въ борьбѣ съ требованіями разума и совѣсти задавали себѣ вопросы о томъ, въ чемъ состоитъ благо, назначеніе и благо не одного меня, а всякаго человѣка? Чего хочешь отъ меня и отъ всякаго человѣка та сила, которая произвела и ведетъ меня? И что мнѣ нужно дѣлать, чтобы удовлетворить вложеннымъ въ меня требованіямъ личнаго и общаго блага? Они спрашивали себя: я цѣлое и частица чего-то необъятнаго; какія мои отношенія къ такимъ же подобнымъ мнѣ частицамъ—людямъ и къ всему цѣлому—къ міру?

И изъ голоса совѣсти и изъ разума, и изъ соображеній того, что говорили имъ прежде жившіе и современные люди задававшіе себѣ тѣ же вопросы, эти великіе учителя выводили свои ученія, простыя, ясныя, понятныя всѣмъ людямъ и всегда такія, которыя могли быть исполняемы. Такіе люди были: первой, второй, третьей и самой послѣдней величины. Такими людьми полонъ міръ. Всѣ живые люди задаютъ себѣ вопросъ: какъ помирить свое требованіе блага личной жизни съ совѣстью и разумомъ, и изъ этого общаго труда вырабатываются мед-

ленно, но безостановочно новыя, болѣе близкія къ требованіямъ разума и совѣсти формы жизни. Вдругъ является новая каста людей, которые говорятъ: все это пустяки, все это надо оставить. Это дедуктивный способъ мышленія (въ чемъ разница дедуктивнаго отъ индуктивнаго, никто никогда понять не могъ), это приемы теологическаго и метафизическаго періода. Все то, что открываютъ внутреннимъ опытомъ и сообщаютъ другъ другу люди о сознаніи закона своей жизни (функциональной дѣятельности на ихъ жаргонѣ), все, что съ начала міра сдѣлали на этомъ пути величайшіе умы человечества, все это пустяки и не имѣетъ никакого вѣса. По этому новому ученію выходитъ такъ: вы клѣточка, и то, что вы, какъ клѣточка, имѣете очень опредѣленную функциональную дѣятельность, которую вы не только наблюдаете, но и несомнѣнно внутри себя чувствуете; и то, что вы клѣточка мыслящая, говорящая, понимающая, и что вы поэтому можете у другой такой говорящей клѣточки спросить, такъ ли оно, какъ и вы, чувствуетъ, и этимъ еще провѣрить свой опытъ, то, что вы можете воспользоваться тѣмъ, что прежде жившія говорящія клѣточки записали объ этомъ же предметѣ, и то, что у васъ есть миліоны клѣточекъ, своимъ согласіемъ съ тѣми записавшими свои мысли клѣточками, подтверждающихъ ваши наблюденія, — все это ничего не значитъ, все это дурной, ложный методъ. Вѣрный научный методъ такой: если вы хотите знать, въ чемъ ваше назначеніе и благо, и назначеніе и благо всего человечества, и всего міра, то вы прежде всего должны перестать слышать голосъ и требованія своей совѣсти и разума, заявляющія себя и въ васъ самихъ и въ подобныхъ вамъ, вы должны перестать вѣрить всему тому, что говорили великіе учителя человечества о своемъ разумѣ и совѣсти, считать все это пустяками, и начать все сначала. И, чтобы понять все сначала, вамъ надо смотрѣть въ микроскопъ на движеніе амѣбъ и клѣточекъ въ глестахъ, или еще покойнѣе вѣрить во все то, что вамъ будетъ говорить объ этомъ люди съ дипломомъ непогрѣшимости. И, глядя

на движеніе этихъ амобъ и клѣточекъ, или читая про то, что видѣли другіе, приписывать этимъ клѣточкамъ свои человѣческія чувства и расчеты о томъ, чего они желаютъ, куда стремятся, что соображаютъ и рассчитываютъ и къ чему привыкли, и изъ этихъ наблюдений (въ которыхъ, что ни слово, то ошибка мысли или выраженія) по аналогіи заключать о томъ, что вы такое? какое ваше назначеніе, и въ чемъ благо ваше и другихъ подобныхъ вамъ клѣточекъ? Вы должны, чтобы понять себя, изучать не только глісту, которую вы видите, но и микроскопическія существа, которыхъ вы почти что не видите, и трансформации изъ однихъ существъ въ другія, которыхъ никто никогда не видѣлъ, и вы навѣрно никогда не увидите.

То же самое и съ искусствомъ. Искусство—тамъ, гдѣ была истинная наука—было всегда выраженіемъ ея. Съ тѣхъ поръ какъ есть люди, они изъ всей дѣятельности выраженія разнообразныхъ знаній выдѣляли главное выраженіе знанія о назначеніи и благѣ человѣка и выраженіе-то этого знанія и было искусство въ тѣсномъ смыслѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ есть люди, были тѣ особенно чуткіе и отзывчивые на ученіе о благѣ и назначеніи человѣка, которые на гусляхъ и тимпанахъ, въ изображеніяхъ и словами, выражали свою и людскую борьбу съ обманами, отвлекавшими ихъ отъ ихъ назначенія, свои страданія въ этой борьбѣ, свои надежды на торжество добра, свое отчаяніе о торжествѣ зла и свои восторги въ сознаніи этого наступающаго блага. Съ тѣхъ поръ, какъ были люди, истинное искусство, то которое высоко цѣнилось людьми, не имѣло другого значенія, какъ выраженія науки о назначеніи и благѣ человѣка. Всегда и до послѣдняго времени искусство служило ученію о жизни,—только тогда оно было тѣмъ, что такъ высоко цѣнили люди. Но, одновременно съ тѣмъ, какъ на мѣсто истинной науки о назначеніи о благѣ стала наука обо всемъ, о чемъ вздумается,—съ тѣхъ поръ и исчезло искусство, какъ важная дѣятельность человѣческая. Искусство во всѣхъ народахъ существовало и существ-

вуетъ до тѣхъ поръ, пока то, что теперь у насъ презрительно называется ремесломъ, считалось единой наукой. Въ нашемъ европейскомъ мірѣ пока была церковь, какъ ученіе о назначеніи и благѣ, и ученіе церкви считалось единой истинной наукой, искусство служило церкви и было истинное искусство; но съ тѣхъ поръ, какъ искусство вышло изъ церкви и стало служить наукѣ, наука же служила чему попало, искусство потеряло свое значеніе, и, несмотря на заявляемая, по старой памяти, права и на нелѣпое, доказывающее только потерю признанія, утвержденіе, что искусство служить искусству, оно сдѣлалось ремесломъ, доставляющимъ людямъ приятное, и, какъ такое, неизбежно сливается съ хореографическими, кулинарными, парикмахерскими и косметическими искусствами, производители которыхъ съ такимъ же правомъ называютъ себя артистами, какъ и поэты, живописцы и музыканты нашего времени.

Оглянешься назадъ и видишь въ продолженіе тысячелѣтій—изъ миліардовъ жившихъ людей выдѣляются десятки Конфушевъ, Буддъ, Солоньевъ, Сократовъ, Соломоновъ, Гомеровъ. Видно, рѣдко между людьми встрѣчаются—несмотря на то, что тогда не изъ одной касты только, а изъ всѣхъ людей выбирались эти люди; видно, рѣдки эти истинные ученые и художники, производители духовной пищи. И не даромъ человѣчество такъ высоко цѣнило и цѣнитъ ихъ. Теперь же оказывается, что эти все прошедшіе великіе дѣятели науки и искусства уже не нужны намъ. Теперь научныхъ и художественныхъ дѣятелей можно, по закону раздѣленія труда, дѣлать фабричнымъ способомъ, и мы въ одно десятилѣтіе надѣлали больше великихъ людей науки и искусства, чѣмъ ихъ родилось среди всѣхъ людей отъ начала міра. Теперь есть цехъ ученыхъ и художниковъ, они заготавливаютъ совершенствованнымъ способомъ всю ту духовную пищу, которая нужна человѣчеству. И заготовили они ея такъ много, что старыхъ, прежнихъ, не только древнихъ, но и болѣе близкихъ, ужъ не нужно и помнить,—это все было дѣятельность теологическаго и метафизическаго це-

периода—то все надо стереть; а настоящая разумная деятельность началась такъ—лѣтъ 50-ть тому назадъ, и въ эти 50-ть лѣтъ мы надѣлали столько великихъ людей, что на каждую науку приходится человѣкъ по 10 великихъ людей, а наукъ надѣлали столько—благо ихъ легко дѣлать, стоитъ приложить къ греческому названію слова логія и расположить по готовымъ рубрикамъ—и готова наука,—надѣлали наукъ столько, что не только одинъ человѣкъ не можетъ знать ихъ, но ни одинъ не запомнить всѣхъ названій существующихъ наукъ; названія одни составляютъ толстый лексиконъ, и каждый день дѣлаютъ еще новыя науки. Надѣлали очень много, вродѣ того учителя чухонца, который выучилъ дѣтей помѣщика чухонскому, вмѣсто французскаго языка. Выучилъ все прекрасно, одно только горе, что никто, кромѣ насъ, ничего этого не понимаетъ и считаетъ все это ни на что ненужной чепухой. Но, впрочемъ, и на это есть объясненія. Люди не понимаютъ всей пользы научной науки потому, что они находятся подъ вліяніемъ теологическаго періода, того глупаго періода, когда весь народъ у евреевъ, и у китайцевъ, и у индѣйцевъ, и у грековъ понималъ все, что говорили имъ ихъ великіе учителя.

Но отчего бы это не случилось, дѣло въ томъ, что науки и искусства всегда были въ человѣчествѣ, и, когда они дѣйствительно были, они были нужны и понятны всѣмъ людямъ. Мы же дѣлаемъ что-то такое, что мы называемъ науками и искусствами, но оказывается что то, что мы дѣлаемъ, не нужно и не понятно людямъ. И потому, какія бы прекрасныя вещи ни были тѣ, какія мы дѣлаемъ, мы не имѣемъ права называть ихъ науками и искусствами.

VI.

«Но вы только дайте другое, несогласное съ наукой—болѣе тѣсное опредѣленіе науки и искусства», говорятъ мнѣ на это; остается все та же научная и художественная дѣятельность: Галпеевъ, Бруновъ, Гомеровъ, Микель Анд-

желовъ, Бетховеновъ и всѣхъ меньшей величины ученыхъ и художниковъ, которые всю жизнь свою посвящали служенію наукъ и искусству, и которые были и останутся благодѣтелями человѣчества.

Обыкновенно говорятъ это, стараясь забыть тотъ новый принципъ раздѣленія труда, на основаніи котораго наука и искусства занимаютъ теперь свое привилегированное положеніе, и на основаніи котораго мы имѣемъ возможность уже не голословно, а по данному мѣрилу рѣшить: имѣтъ или не имѣтъ основаніе та дѣятельность, которая называется себя наукой и искусствомъ, такъ величать себя.

Когда египетскіе или греческіе жрецы производили свои—никому неизвѣстныя таинства и говорили объ этихъ таинствахъ, что въ нихъ заключается вся наука и искусство, я не могъ на основаніи пользы, приносимой ими народу, провѣрить дѣйствительность ихъ науки, потому что наука, по ихъ утверженію была—сверхъестественное; но теперь у всѣхъ насъ есть очень ясное, простое опредѣленіе дѣятельности науки и искусства заключающее все сверхъестественное: наука и искусство общаются исполнять мозговую дѣятельность человѣчества, для блага обществъ или всего человѣчества.

Опредѣленіе наукою науки и искусства—совершенно правильно, но, къ несчастію, дѣятельность теперешнихъ наукъ и искусствъ не подходитъ подъ нее. Одни прямо дѣлаютъ вредное; другіе бесполезное, третьи—ничтожное, годное только для богачей. Они не исполняютъ того, что они по своему же опредѣленію взяли исполнять, и потому такъ же мало имѣютъ право считать себя людьми науки и искусства, какъ испорченное духовенство, не исполнявшее взятыхъ на себя обязанностей, не имѣетъ права признавать себя носителемъ божеской истины.

И понятно, почему дѣятели нынѣшней науки и искусствъ не исполнили и не могутъ исполнить своего призванія. Они не исполняютъ его потому, что они изъ обязанностей своихъ сдѣлали права.

Дѣятельность научная и художественная въ ея настоя-

щемъ смыслъ только тогда плодотворна, когда она не знаетъ правъ, а знаетъ однѣ обязанности. Только потому, что она всегда такова, что ея свойства быть таковою, и цѣнить челоѣчество такъ высоко эту дѣятельность. Если люди дѣйствительно призваны къ служенію другимъ духовной работой, то они въ этой работѣ будутъ видѣть только обязанность и съ трудомъ, лишениями и самоотверженіемъ будутъ исполнять ее.

Мыслитель и художникъ никогда не будетъ спокойно сидѣть на олимпійскихъ высотахъ, какъ мы привыкли воображать. Мыслитель и художникъ долженъ страдать вмѣстѣ съ людьми для того, чтобы найти спасеніе или утѣшеніе. Кромѣ того, онъ страдаетъ еще потому, что онъ всегда—вѣчно въ тревогѣ и волненіи: онъ могъ рѣшить и сказать то, что дало бы благо людямъ, избавило бы ихъ отъ страданія, дало бы утѣшеніе, а онъ не такъ сказалъ не такъ изобразилъ, какъ надо; онъ вовсе не рѣшилъ и не сказалъ, а завтра, можетъ, будетъ поздно—онъ умретъ. И потому страданіе и самоотверженіе всегда будутъ удѣломъ мыслителя и художника.

Не тотъ будетъ мыслителемъ и художникомъ, кто воспитается въ заведеніи, гдѣ, будто-бы, дѣлаютъ ученаго и художника (собственно же дѣлаютъ губители науки и искусства) и получить дипломъ и обезпеченіе, а тотъ кто и радъ бы не мыслить, и не выражать того, что заложено ему въ душу, но не можетъ не дѣлать того, къ чему влекутъ его двѣ непреодолимая силы: внутренняя потребность и требованіе людей.

Гладкихъ, жирѣющихъ и самодовольныхъ мыслителей и художниковъ не бываетъ. Духовная дѣятельность и выраженіе ея, дѣйствительно, нужны для другихъ, есть самое тяжелое призваніе челоѣка—крестъ, какъ выражено въ Евангеліи. И единственный, несомнѣнный признакъ присутствія призванія есть самоотверженіе, есть жертва собой, для проявленія вложенной въ челоѣка на пользу другимъ людямъ силы. Безъ мукъ не рождается и духовный плодъ.

Учить тому, сколько козавокъ на свѣтѣ, разсматривать пятна на солнцѣ, писать романы и оперу—можно не страдая; но учить людей ихъ благу, которое все только въ отверженіи отъ себя и служеніи другимъ, и выражать сильно это ученіе, нельзя безъ отреченія.

Не даромъ умеръ Христосъ на крестѣ, не даромъ жертва страданія побѣждаетъ все.

Наши же, и наука и искусство, обезпечены, дипломированы, и только и заботы у всѣхъ, какъ бы еще лучше ихъ обезпечить, т. е. сдѣлать для нихъ невозможнымъ служеніе людямъ.

Истинной науки и истиннаго искусства есть два несомнѣнные признака: первый, внутренній—тотъ, что служитель науки и искусства не для выгоды, а съ самоотверженіемъ будетъ исполнять свое призваніе; и второй, внѣшній—тотъ, что произведеніе его будетъ понятно всѣмъ людямъ, благо которыхъ оно имѣетъ въ виду.

Въ чемъ бы ни полагали люди свое назначеніе и благо—наука будетъ ученіемъ объ этомъ назначеніи и благѣ, а искусство выраженіемъ этого ученія. То, что называется у насъ наукой и искусствомъ, есть произведенія празднаго ума и чувства, имѣющія цѣлью щекотать такіе же праздные умы и чувства. Науки и искусства наши непонятны и ничего не говорятъ народу, потому что не имѣютъ въ виду его блага.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ жизнь людей, мы находимъ всегда и вездѣ царствующее ученіе, ложно называющее себя наукой; не раскрывающее для людей, а затемняющее для нихъ смыслъ жизни. Такъ это было и у грековъ (софисты), потомъ у христіанъ (мистики, гностики, схоластики), у евреевъ (кабаллисты и талмудисты) и такъ вездѣ до нашего времени. Что за особенное счастье наше жить въ такое особенное время, когда та дѣятельность умственная, которая называетъ себя наукой не только не заблуждается, но находится, какъ насъ увѣряютъ, въ какомъ то необыкновенномъ преуспѣяніи? Не происходитъ ли это особенное счастье оттого, что челоѣкъ не можетъ и не хочетъ видѣть своего безобразія? Отчего

же отъ тѣхъ наукъ, и софистовъ, и кабалистовъ, и талмудистовъ, ничего не осталось, кромѣ словъ, а мы такъ особенно счастливы? Вѣдь признаки совершенно тѣ же: то же самодовольство, слѣпая увѣренность, что мы, именно мы, и только мы на настоящемъ пути, и съ насъ только начинается настоящее. Тѣ же ожиданія, что вотъ-вотъ мы откроемъ что-то необыкновенное, и тотъ же главный, обличающій наши заблужденія признакъ: вся мудрость наша остается при насъ, а массы народа не понимаютъ и не принимаютъ, и не нуждаются въ ней.

Положеніе наше очень тяжелое, но почему же не посмотрѣть на него прямо?

Пора опомниться и оглянуться на себя. Вѣдь мы не что иное, какъ книжники и фарисеи, сѣвшіе на сѣдалище Моисея, и взявшіе ключи отъ царства небеснаго, и сами не входящіе, и другихъ не впускающіе. Вѣдь мы, жрецы науки и искусства, самые дрянные обманщики, имѣющіе на наше положеніе гораздо меньше правъ, чѣмъ самые хитрые и развратные жрецы. Вѣдь для привилегированнаго положенія нашего у насъ нѣтъ никакого оправданія. Жрецы имѣли право на свое положеніе—они говорили, что учатъ людей жизни и спасенію. Мы же стали на ихъ мѣсто, и не учимъ людей жизни, даже признаемъ, что учиться этому не надо, а учимъ своихъ дѣтей тому же нашему талмуду—греческій и латинской грамматикѣ, для того, чтобы и они могли продолжать ту же жизнь паразитовъ, какую мы ведемъ. Мы говоримъ: касты были, у насъ теперь нѣтъ. А что-же значитъ то, что одни люди и ихъ дѣти работаютъ, а другіе люди и ихъ дѣти не работаютъ?

Приведите индѣйца, не знающаго языка, и покажите ему европейскую и нашу жизнь нѣсколькихъ поколѣній, и онъ признаетъ такія же двѣ главныя, опредѣленные касты—рабочихъ и не рабочихъ, какія есть у него. И какъ у него, такъ и у насъ, право не работать даетъ особенное посвященіе, которое мы называемъ наукой и искусствомъ, вообще—образованіемъ. Вотъ это-то образованіе и все извращеніе разума, соединенное съ нимъ, и

привело насъ къ тому удивительному безумію, вслѣдствіе котораго мы не видимъ того, что такъ ясно и несомнѣнно.

VII.

Такъ что-же дѣлать? Что-жъ намъ дѣлать? Этотъ вопросъ, включающій въ себя и признаніе того, что жизнь наша дурна и неправильна, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы отговорку о томъ, что все-таки переѣннить этого нельзя,—этотъ вопросъ я слышалъ и слышу со всѣхъ сторонъ. Я описывалъ свои страданія, свои исканія и свои разрѣшенія этого вопроса. Я такой же человѣкъ, какъ всѣ, и если отличаюсь чѣмъ нибудь отъ средняго человѣка нашего круга, то главное тѣмъ, что я больше средняго человѣка служилъ и потворствовалъ ложному ученію нашего міра, больше получалъ одобреній отъ людей царствующаго ученія, и потому больше другихъ развратился и сбился съ пути. И потому думаю, что рѣшеніе вопроса, которое я нашелъ для себя, будетъ годиться и для всѣхъ искреннихъ людей, которые поставятъ себѣ тотъ же вопросъ.

Прежде всего на вопросъ: что дѣлать, я отвѣтилъ себѣ: не лгать ни передъ людьми, ни передъ собою, не бояться истины, куда бы она ни привела меня.

Мы всѣ знаемъ, что значитъ лгать передъ людьми, но лжи передъ самими собою мы не боимся; а, между тѣмъ, самая худшая, прямая, обманная ложь передъ людьми ничто по своимъ послѣдствіямъ въ сравненіи съ той ложью передъ самимъ собою, на которой мы строимъ свою жизнь.

Вотъ той-то ложью нужно не лгать, чтобы быть въ состояніи отвѣтить на вопросъ, что дѣлать? И въ самомъ дѣлѣ, какъ же отвѣтить на вопросъ, что дѣлать? когда все, что я дѣлаю, вся моя жизнь основана на лжи, и я эту ложь старательно выдаю за правду передъ другими и передъ самимъ собою? Не лгать въ этомъ смыслѣ—значитъ не бояться правды, не придумывать и не принимать придуманныхъ людьми изворотовъ для того, чтобы скрыть отъ себя выводъ разума и совѣсти, не бояться разойтись

со все́ми окружающими и остаться одному съ разумомъ и совѣстью; не бояться того положенія, къ которому приведетъ правда, твердо вѣруя, что то положеніе, къ которому ведетъ правда и совѣсть, какъ бы страшно оно ни было, не можетъ быть хуже того, которое построено на лжи. Не лгать въ нашемъ положеніи, людей привилегированныхъ, умственного труда, значить не бояться учестья.

Можетъ быть, уже такъ много долженъ, что и не считается: но какъ бы ни много было, все лучше, чѣмъ не считается; какъ бы ни далеко зашелъ по ложной дорогѣ, все лучше, чѣмъ продолжать идти по ней. Ложь передъ другими только невыгодна: всякое дѣло рѣшается всегда прямо и короче правдой, чѣмъ ложью. Ложь передъ другими только запутываетъ дѣло и отдаляетъ рѣшеніе; но ложь передъ самимъ собою, выставляемая за правду, губить всю жизнь человѣка. Если человѣкъ, избравшійся на ложную дорогу, признаетъ ее настоящею, то всякій шагъ его по этой дорогѣ отдаляетъ его отъ цѣли; если человѣкъ, долго идущій по этой ложной дорогѣ, самъ догадается, или ему скажутъ, что эта дорога—ложная, но онъ испугается мысли о томъ, какъ далеко онъ заѣхалъ въ сторону, и постарается увѣрить себя, что онъ, можетъ быть, и тутъ выѣдетъ на путь, то онъ никогда не выѣдетъ. Если человѣкъ сробѣетъ передъ истинной и, увидавъ ее, не признаетъ ее, а приметъ ложь за истину, то онъ никогда не узнаетъ, что ему дѣлать. Мы, люди не только богатые, но люди привилегированные, такъ называемые образованные, такъ далеко зашли по ложной дорогѣ, что намъ надо или большую рѣшительность, или очень большія страданія на ложной дорогѣ, для того, чтобы опомниться и признать ту ложь, которой мы живемъ. Я увидалъ ложь нашей жизни, благодаря тѣмъ страданіямъ, къ которымъ меня привела ложная дорога, и я, признавъ ложность того пути, на которомъ стоялъ, имѣлъ смѣлость идти, прежде только одною мыслью, туда, куда меня вели разумъ и совѣсть, безъ соображе-

нія о томъ, къ чему они меня приведутъ. И я былъ вознагражденъ за эту смѣлость.

Всѣ сложныя, разрозненныя, запутанныя и бессмысленныя явленія жизни, окружавшія меня, вдругъ стали ясны, и мое прежде странное и тяжелое положеніе среди этихъ явленій вдругъ стало естественно и легко.

И въ новомъ положеніи этомъ опредѣлилась совершенно точно моя дѣятельность, совсѣмъ не та, какая представлялась мнѣ прежде, но дѣятельность новая, гораздо болѣе спокойная, любовная и радостная. То самое, что прежде пугало меня, стало привлекать меня. И потому, я думаю, что тотъ, кто искренно задастъ себѣ вопросъ: что дѣлать? и, отвѣчая на этотъ вопросъ, не будетъ лгать передъ собою, а пойдетъ туда, куда поведетъ его разумъ, тотъ уже рѣшилъ вопросъ. Если онъ только не будетъ лгать передъ собою, онъ найдетъ, что, гдѣ и какъ дѣлать.

Одно только, что можетъ помѣшать ему въ отысканіи исхода—это ложно высокое о себѣ и о своемъ положеніи мнѣніе. Такъ это было со мною, и потому другой, вытекающей изъ перваго, отвѣтъ на вопросъ, что дѣлать? для меня состоялъ въ томъ, чтобы покаяться во всемъ значеніи этого слова, т. е. измѣнить совершенно оцѣнку своего положенія и своей дѣятельности: вмѣсто полезности и серьезности своей дѣятельности, признать ее вредъ и пустячность; вмѣсто своего образованія, признать свое невѣжество; вмѣсто своей доброты и нравственности, признать свою безнравственность и жестокость; вмѣсто своей высоты, признать свою низость. Я говорю, что, кромѣ того, чтобы не лгать передъ самимъ собою, мнѣ нужно еще было покаяться, потому что, хотя одно и вытекаетъ изъ другого.—ложное представленіе о моемъ высокоомъ значеніи такъ срослось со мною, что до тѣхъ поръ, пока я искренно не покаялся, не отрѣшился отъ той ложной оцѣнки, которую я сдѣлалъ самъ себѣ, я не видалъ большей части той лжи, которую я лгалъ передъ собою. Только когда я покаялся, т. е. пересталъ смотрѣть на себя, какъ на особеннаго человѣка, а сталъ смотрѣть какъ на человѣка такого же, какъ *все* люди, только тогда

путь мой стать ясенъ для меня. Прежде же, я не могъ отвѣчать на вопросъ, что дѣлать? потому что самый вопросъ я ставилъ неправильно.

Пока я не покаялся, я ставилъ вопросъ такъ: какую избрать дѣятельность мнѣ, человѣку пріобрѣтшему то образованіе и тѣ таланты, которые я пріобрѣлъ? Какъ отплатить этимъ образованіемъ и этими талантами за то, что я бралъ и беру у народа? Вопросъ этотъ былъ неправиленъ потому, что онъ включалъ въ себя ложное представленіе о томъ, что я не такой же человѣкъ, а особенный, призванный служить людямъ тѣми талантами и образованіемъ, которое я пріобрѣлъ 40-лѣтнимъ упражненіемъ. Я задавалъ себѣ вопросъ, но въ сущности уже отвѣчалъ на него впередъ тѣмъ, что впередъ уже опредѣлялъ тотъ родъ мнѣ пріятной дѣятельности, которою я призванъ былъ служить людямъ. Я собственно спрашивалъ себя: какъ мнѣ, такому прекрасному писателю, пріобрѣтшему столько знаній и талантовъ, употребить ихъ на пользу людямъ?

Вопросъ же надо было поставить такъ, какъ бы онъ стоялъ для ученаго раввина, прошедшаго курсъ талмуда, и выучившаго число буквъ всѣхъ священныхъ книгъ и всѣ тонкости своей науки. Вопросъ, какъ для раввина, такъ и для меня долженъ былъ стоять такъ: Что мнѣ, прошедшему, по несчастію моихъ условій, лучшіе учебные года, вмѣсто пріученія къ труду, въ изученіи грамматики, географіи, юридическихъ наукъ, стиховъ, повѣстей и романовъ, французскаго языка, фортепіанной игры, философскихъ теорій и военныхъ упражненій, что мнѣ, прошедшему лучшіе годы моей жизни въ праздныхъ и развращающихъ душу занятіяхъ, что мнѣ дѣлать, несмотря на эти несчастныя условія прошедшаго, чтобы отплатить тѣмъ людямъ, которые во все это время кормили и одѣвали, да и теперь продолжаютъ кормить и одѣвать меня? Если бы вопросъ стоялъ такъ, какъ онъ стоитъ передо мной теперь, послѣ того, какъ я покаялся: что мнѣ дѣлать — такому испорченному человѣку? то отвѣтъ былъ бы легокъ: стараться прежде всего честно кормиться, т. е.

выучиться не жить на шеѣ другихъ, и, учась этому, и выучившись, при всякомъ случаѣ приносить пользу людямъ и руками, и ногами, и мозгами, и сердцемъ и всѣмъ тѣмъ, на что заявляются требованія людей.

И потому-то я говорю, что для человѣка нашего круга, кромѣ того, чтобы не лгать передъ другими и собой, нужно еще покаяться, соскрести съ себя вросшую въ насъ гордость своимъ образованіемъ, утонченностью, талантами, и сознать себя не благодѣтелемъ народа, передовымъ человѣкомъ, который не отказывается подѣлиться съ народомъ своими полезными пріобрѣтеніями, а признать себя кругомъ виноватымъ, испорченнымъ, никуда не нужнымъ человѣкомъ, который желаетъ исправиться, и не то, что благодѣтельствовать народъ, но перестать только оскорблять и обижать его. Я слышу часто вопросы хорошихъ молодыхъ людей, сочувствующихъ отрицательной части моего писанія и спрашивающихъ: ну, такъ что же мнѣ дѣлать? Что дѣлать мнѣ, кончившему курсъ въ университетѣ, или въ другомъ заведеніи, для того, чтобы быть полезнымъ? Молодые люди эти спрашиваютъ, а въ глубинѣ души у нихъ уже рѣшено, что то образованіе, которое они получили, есть ихъ великое преимущество, и что служить народу они желаютъ именно этимъ своимъ преимуществомъ. И потому одно, чего они никакъ не сдѣлаютъ, это то, чтобы искренно, честно отнестись критически къ тому, что они называютъ своимъ образованіемъ: спросить себя: хорошія или дурныя свойства суть то, что они называютъ своимъ образованіемъ? Если же они сдѣлаютъ это, то они неизбежно будутъ приведены къ необходимости отречься отъ своего образованія и къ необходимости начать учиться снова; а это то одно и нужно. Они никакъ не могутъ рѣшить вопроса: что дѣлать: потому что вопросъ этотъ стоитъ для нихъ не такъ, какъ онъ долженъ стоять. Вопросъ долженъ стоять такъ: какъ мнѣ, безпомощному, бесполезному человѣку, по несчастію моихъ условій погубившему лучшіе учебные года на развращающее душу и тѣло изученіе научнаго талмуда, поправить эту ошибку и выучиться служить людямъ? А онъ

у нихъ стоитъ такъ: какъ мнѣ, приобрѣтшему столько прекрасныхъ знаній человѣку, быть этими прекрасными знаніями полезнымъ людямъ? И потому-то такой человѣкъ никогда не отвѣтитъ на вопросъ—что дѣлать, до тѣхъ поръ, пока онъ не покается. И покаяніе не страшно, такъ же, какъ не страшна истина, и такъ же радостно и плодотворно. Стоитъ принять истину совсѣмъ, и покаяться совсѣмъ, чтобы понять, что правъ, преимущество, особенностей въ дѣлѣ жизни никто не имѣетъ и не можетъ имѣть, а обязанностямъ нѣтъ конца и нѣтъ предѣловъ, и что первая и несомнѣнная обязанность человѣка есть участіе въ борьбѣ съ природою за свою жизнь и жизнь другихъ людей.

И это-то сознаніе обязанности человѣка и составляетъ сущность третьяго отвѣта на вопросъ—что дѣлать?

Я старался не лгать передъ собой, и старался выварить изъ остатки ложнаго мнѣнія о значеніи моего образованія и талантовъ, и покаяться; но на дорогѣ рѣшенія вопроса, что дѣлать? становилось новое затрудненіе: дѣлать такъ много разныхъ, что надо было указаніе на то, что именно дѣлать? И отвѣтъ на этотъ вопросъ дало мнѣ искреннее покаяніе въ томъ злѣ, въ которомъ я жилъ.

Что дѣлать? Что именно дѣлать? спрашиваютъ всѣ, и спрашивалъ и я, до тѣхъ поръ, пока, подъ вліяніемъ высокаго мнѣнія о своемъ признаніи, не видѣлъ того, что первое и несомнѣнное дѣло мое было то, чтобы кормиться одѣваться, отопляться, обстраиваться и въ этомъ же самомъ служить другимъ, потому что, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, въ этомъ самомъ состояла и состоитъ первая и несомнѣнная обязанность всякаго человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ бы человѣкъ ни полагалъ своего призванія: въ томъ ли, чтобы управлять людьми, въ томъ ли, чтобы защищать своихъ соотечественниковъ, совершать ли богослуженія, поучать ли другихъ, придумывать ли средства для увеличенія пріятностей жизни, открывать ли законы міра, воплощать ли вѣчныя истины

въ художественныхъ образахъ,—обязанность разумнаго человѣка участвовать въ борьбѣ съ природою, для поддержанія жизни и своей, и другихъ людей, всегда будетъ самая первая и самая несомнѣнная. Обязанность эта будетъ первой уже потому, что людямъ нужнае всего ихъ жизнь, и потому, для того, чтобы защищать и поучать людей и дѣлать ихъ жизнь болѣе пріятной, надо сохранить самую жизнь, а между тѣмъ мое неучастіе въ борьбѣ, поглощеніе чужихъ трудовъ есть уничтоженіе чужихъ жизней. И потому безумно служить жизни людей, уничтожая жизнь людей, и нельзя говорить, что я служу людямъ, когда я своей жизнью очевидно врежу имъ.

Обязанность человѣка борьбы съ природою, для приобрѣтенія средствъ жизни, всегда будетъ самой первой и несомнѣнной изъ всѣхъ другихъ обязанностей, потому что обязанность эта есть законъ жизни, отступленіе отъ котораго влечетъ за собой неизбежное наказаніе уничтоженія или тѣлесной или разумной жизни человѣка. Если человѣкъ, живя одинъ, уволить себя отъ обязанности борьбы съ природою, онъ тотчасъ же казнится тѣмъ, что тѣло его погибаетъ. Если же человѣкъ уволить себя отъ этой обязанности, заставляя другихъ людей исполнять ее, то онъ тотчасъ же казнится уничтоженіемъ разумной жизни, т.-е. жизни, имѣющей разумный смыслъ.

Въ этомъ въ одномъ дѣлѣ получаетъ человѣкъ, если уже раздѣляетъ его, полное удовлетвореніе тѣлесныхъ и духовныхъ требованій своей природы: кормить, одѣвать, беречь себя и своихъ близкихъ есть удовлетвореніе тѣлесной потребности,—дѣлать то же для другихъ людей—удовлетвореніе духовной потребности. Всякая, всякая другая дѣятельность человѣка только тогда законна, когда она направлена на удовлетвореніе этой первѣйшей потребности человѣка; потому что въ удовлетвореніе этой потребности состоитъ и вся жизнь человѣка.

И такъ былъ извращенъ своей прошедшей жизнью, такъ скрытъ въ нашемъ мірѣ этотъ первый и несомнѣнный законъ Бога или природы, что мнѣ казалось страннымъ, страшнымъ, стыднымъ даже исполненіе этого за-

кона, какъ будто можетъ быть страшно, странно и стыдно исполненіе вѣчнаго несомнѣннаго закона, а не отступленіе отъ него.

Сначала мнѣ представлялось, что для исполненія этого дѣла нужно какое-то приспособленіе, устройство, сообщество единомышленныхъ людей—согласіе семьи, жизнь въ деревнѣ; потомъ представлялось совѣстнымъ какъ будто выказываться передъ людьми, дѣлать такое въ нашемъ быту дѣло, какъ тѣлесный трудъ, и я не зналъ, какъ взяться за него. Но стоило мнѣ понять, что это не есть какая-нибудь исключительная дѣятельность которую нужно выдумать и устроить, а что эта дѣятельность, есть только возвращеніе изъ ложнаго положенія, въ которомъ я находился, къ естественному, есть только исправленіе той лжи, въ которой я живу,—стоило мнѣ сознать это, чтобы устранить всѣ эти затрудненія. Устраивать и приспособлять и ожидать согласія другихъ никогда не нужно было, потому что всегда, въ какомъ бы я ни былъ положеніи, были люди, которые кормили, одѣвали, отопляли, кромѣ себя, и меня, и вездѣ, и при всѣхъ условіяхъ, я могъ дѣлать это самъ для себя и для нихъ, если у меня доставало времени и силъ. А испытывать ложный стыдъ въ занятіи непривычнымъ, и какъ бы удивительнымъ для людей, дѣломъ, я тоже не могъ, потому что, не дѣлая этого, я испытывалъ уже не ложный, а настоящій стыдъ.

И тутъ-то, придя къ этому сознанію и практическому изъ него выводу, я былъ вознагражденъ вполнѣ за то, что не заробѣлъ передъ выводами разума и пошелъ туда, куда они вели меня. Придя къ этому практическому выводу, я былъ пораженъ легкостью и простотою разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ, которые мнѣ прежде казались столь трудными и сложными.— На вопросъ, что нужно дѣлать—явился самый несомнѣнный отвѣтъ: прежде всего, что мнѣ самому нужно—мой самоваръ, моя печка, моя вода, моя одежда—все, что я могу самъ сдѣлать. На вопросъ: не странно ли это будетъ передъ людьми, дѣлавшими это?—оказалось что странность эта продолжалась только недѣлю, а послѣ недѣли сдѣлалось бы стран-

нымъ, еслибъ я возвратился къ прежнимъ условіямъ. На вопросъ, нужно ли организовать этотъ физическій трудъ, устроить сообщество въ деревнѣ, на землѣ, оказалось, что все это не нужно, что трудъ, если онъ имѣетъ свою цѣлью не приобрѣтеніе возможности праздности и пользованія чужимъ трудомъ, каковъ трудъ наживающихъ деньги людей, а имѣетъ цѣлью удовлетвореніе потребностей, самъ собою влечетъ изъ города въ деревню, къ землѣ, туда, гдѣ трудъ этотъ самый плодотворный и радостный. Сообщества же не нужно было никакого составлять потому, что человѣкъ трудящійся, самъ собою, естественно примыкаетъ къ существующему сообществу людей трудящихся. На вопросъ о томъ, не поглотитъ ли этотъ трудъ всего моего времени и не лишитъ ли меня возможности той умственной дѣятельности, которую я люблю, къ которой привыкъ и которую, въ минуты сомнѣнія, считаю не бесполезною другимъ—отвѣтъ получился самый неожиданный. Энергія умственной дѣятельности усилилась и равномерно усиливалась, освобождаясь отъ всего излишняго, по мѣрѣ напряженія тѣлеснаго. Оказалось, что, отдавъ на физическій трудъ восемь часовъ, ту половину дня, которую я прежде проводилъ въ тяжелыхъ усиленіяхъ борьбы со скукою, у меня оставалось еще восемь часовъ, изъ которыхъ мнѣ нужно было, по моимъ условіямъ, только пять для умственнаго труда; оказалось, что еслибы я, весьма плодовитый писатель, 40 почти лѣтъ ничего не дѣлавшій, кромѣ писанія, и написавшій 300 листовъ печатныхъ,—если бы я работалъ всѣ эти 40 лѣтъ рядовую работу съ рабочимъ народомъ, то, не считая зимнихъ вечеровъ и гулевыхъ дней, если бы я читалъ и учился въ продолженіи пяти часовъ каждый день, а писалъ бы по однимъ праздникамъ по двѣ страницы въ день (а я писывалъ по листу печатному въ день), то я написалъ бы тѣ же 300 листовъ въ 14 лѣтъ. Оказалось удивительное дѣло; самый простой ариметическій расчетъ, который можетъ сдѣлать 7-ми лѣтній мальчикъ, и котораго я до сихъ поръ не могъ сдѣлать. Въ суткахъ 24 часа; спимъ мы 8 часовъ: остается 16.

Если какой бы то ни было человекъ умственной дѣятельности посвятить на свою дѣятельность 5 часовъ каждый день, то онъ сдѣлаетъ страшно много. Куда-же дѣваются остальные 11 часовъ?

Оказалось, что физическій трудъ не только не исключаетъ возможности умственной дѣятельности, не только улучшаетъ ея достоинство, но поощряетъ ее.

На вопросъ о томъ; не лишитъ ли этотъ физическій трудъ меня многихъ безвредныхъ радостей, свойственныхъ человекъ, какъ—наслажденія искусствами, приобрѣтенія знанія, общенія съ людьми, и вообще, счастья жизни? оказалось совершенно обратное; чѣмъ напряженнѣе былъ трудъ, чѣмъ больше онъ приближался къ считающемуся самымъ грубымъ земледѣльческому труду, тѣмъ больше я приобрѣталъ наслажденій, знаній и приходилъ тѣмъ болѣе въ тѣсное и любовное общеніе съ людьми, и тѣмъ болѣе получалъ счастья жизни.

На вопросъ о томъ (такъ часто слышанный мною отъ людей, не совсѣмъ искреннихъ), какой результатъ можетъ произойти отъ такой ничтожной капли въ морѣ, отъ участія моего личнаго физическаго труда въ морѣ поглощаемого мною труда? получился тоже самый удивительный и неожиданный отвѣтъ. Оказалось, что стоило мнѣ сдѣлать физическій трудъ привычнымъ условіемъ своей жизни, чтобы тотчасъ же большинство моихъ ложныхъ дорогихъ привычекъ и требованій при физической праздности, сами собой, безъ малѣйшаго усилія съ моей стороны, отпали отъ меня. Не говоря уже о привычкахъ обращать день въ ночь и обратно, о постелѣ, одеждѣ, условной чистотѣ—прямо невозможныхъ и стѣсняющихъ при физическомъ трудѣ—пища, потребности качества пищи, совершенно измѣнились. Въмѣсто сладкаго, жирнаго, утонченнаго, сложнаго, прянаго, на что тянуло прежде, стала нужна и болѣе всего приятна самая простая пища: щи, каша, черный хлѣбъ, чай въ прикуску. Такъ-то не говоря уже о вліяніи на меня примѣра простыхъ рабочихъ людей, довольствующихся малымъ, съ которыми я при физической работѣ приходилъ въ обще-

ніе, самыя потребности незамѣтно измѣнились вслѣдствіе рабочей жизни: такъ что моя капля физическаго труда въ морѣ общаго труда, по мѣрѣ моей привычки и усвоенія приемовъ работы, становилась все больше и больше; по мѣрѣ же плодотворности моего труда, и требованія мои труда отъ другихъ становились все меньше и меньше, и жизнь естественно, безъ усилій и лишеній, приближалась къ такой простой, о которой я не могъ и мечтать безъ исполненія закона труда. Оказалось то, что самыя дорогія требованія мои отъ жизни, именно требованія тщеславія и разсыянія отъ скуки, происходили прямо отъ праздной жизни. При физической работѣ не было мѣста тщеславія, и не было нужды въ разсыянніи, такъ какъ время было приятно занято, и, послѣ усталости, простой отдыхъ за чаемъ, за книгой, за разговоромъ съ близкими былъ несравненно приятнѣе театра, картъ, концерта, большаго общества,—всѣхъ тѣхъ вещей, которыя нужны при физической праздности и стоятъ дорого.

На вопросъ о томъ: не разстроилъ-ли бы этотъ непривычный трудъ здоровья, необходимаго для возможности служенія людямъ? оказалось, что, несмотря на положительные утвержденія знаменитыхъ врачей, что физическій напряженный трудъ, особенно въ мои года, можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія (а что лучше—шведская гимнастика, массажъ и т. п. приспособленія, должны служить замѣнить естественныя условія жизни человека),—оказалось, что, чѣмъ напряженнѣе былъ трудъ, тѣмъ я сильнѣе, бодрѣе, веселѣе и добрѣ себя чувствовалъ. Такъ что оказывалось несомнѣнно то, что точно такъ же, какъ все тѣ ухищренія человеческого ума—газеты, театры, концерты, визиты, балы, карты, журналы, романы, суть не что иное, какъ средство поддержать духовную жизнь человека внѣ его естественныхъ условій труда для другихъ,—что точно такъ же все тѣ гигиеническія и медицинскія ухищренія человеческого ума для приспособленія пищи, питья, помѣщенія, вентиляціи, отопленія, одежды, лѣкарствъ, водъ, массажа, гимнастики, электрическихъ и всякихъ другихъ лѣченій,—что все эти хитрости, мудро-

сти суть только средства поддержать тѣлесную жизнь человѣка, изытую изъ естественныхъ ея условій труда. Оказалось, что всѣ тѣ ухищренія человѣческаго ума для пріятнаго устройства жизни физически праздныхъ людей совершенно подобны тѣмъ хитростямъ, которыя бы придумывали люди для устройства въ герметически закрытомъ помѣщеніи посредствомъ механическихъ приборовъ, испаренія и растений, наилучшаго для дыханія воздуха, когда стоитъ только открыть окошко.

Всѣ выдумки медицины и гигиены для людей нашего круга подобны тому, что придумывалъ бы механикъ для того, чтобы, растопивъ неработающій паровикъ и заткнувъ всѣ клапаны, сдѣлать такъ, чтобы паровикъ не разорвало. Въмѣсто всѣхъ сложнѣйшихъ и поглощающихъ столько трудовъ устройствъ увеселеній, комфорта и медицинскихъ и гигиеническихъ приспособленій, долженствующихъ спасать людей отъ ихъ духовныхъ и тѣлесныхъ болѣзней, нужно только одно: исполнять законъ жизни—дѣлать то, что свойственно не только человѣку, но и животному—выпускать зарядъ энергіи, принимаемый въ видѣ пищи, мускульнымъ трудомъ; говоря простымъ языкомъ: зарабатывать хлѣбъ, не работавши не ѣсть, или—сколько поѣлъ, столько и сработалъ.

И, когда я ясно понималъ все это, мнѣ стало смѣшно. Я цѣлымъ рядомъ сомнѣній, исканій, длиннымъ ходомъ мысли пришелъ къ той необыкновенной истинѣ, что если у человѣка есть глаза, то за тѣмъ, чтобы смотреть ими, и уши, чтобы слышать, и ноги, чтобы ходить, и руки и спина, чтобы работать. И что, если человѣкъ не будетъ употреблять этихъ членовъ на то, на что они предназначены, то ему будетъ хуже.—Я пришелъ къ тому заключенію, что съ нами привилегированными людьми случилось то же, что случилось съ жеребцами моего знакомаго. Приказчикъ, не охотникъ до лошадей и незнаюкъ, получивъ приказаніе хозяина поставить на стойло лучшихъ жеребцовъ, отобралъ ихъ изъ табуна, поставилъ въ стойла и кормилъ овсомъ и поилъ; но, боясь за дорогихъ лошадей, не рѣшался никому поручить ихъ, не бѣдилъ, не го-

нялъ, и даже не выводилъ ихъ, — лошади всѣ съѣли на ноги, стали никуда негодными. То же случилось и съ нами, но только съ тою разницею, что лошадей нельзя обмануть ничѣмъ, и ихъ, чтобы не выпускать, держали на привязи; насъ же держать въ такомъ же неестественномъ, гибельномъ для насъ положеніи соблазнами, которые спутали насъ и держатъ какъ цѣпи.

Мы устроили себѣ жизнь, противную и нравственной и физической природѣ человѣка, и всѣ силы своего ума напрягаемъ на то, чтобы увѣрить человѣка, что это то и есть самая настоящая жизнь. Все, что мы называемъ культурой: наши науки, искусство, усовершенствованія пріятностей жизни,—это попытки обмануть нравственные требованія человѣка; все, что называемъ гигиеной и медициной—это попытки обмануть естественныя, физическія требованія человѣческой природы. Но обманы эти имѣютъ свои предѣлы и мы доходимъ до нихъ. Если такова настоящая жизнь человѣческая, то лучше уже вовсе не жить, говоритъ царствующая, самая модная философія Шопенгауера и Гартмана. Если такова жизнь, то лучше не жить, говоритъ увеличивающееся число самоубійствъ привилегированнаго класса. Если такова жизнь, то и будущимъ поколѣніямъ лучше не жить, говорить потворствуемый наукой медицины и изобрѣтенныя ею узовки для уничтоженія женскаго плодородія.

Въ Библии сказано, какъ законъ человѣка: въ потѣ лица съѣси хлѣбъ, и въ мукахъ родиши чада. Но «nous avons changé tout ça», какъ говоритъ Мольеровское лицо, завравшись о медицинѣ, и сказавши, что печень на лѣвой сторонѣ. Мы все это перемѣнили. Людямъ же нужно работать, чтобы кормиться—это все будутъ дѣлать машины, а женщинамъ не нужно рожать. Наука медицины научить различнымъ средствамъ, а народа и такъ слишкомъ много.

Но Крапивенскому уѣзду ходитъ оборванный мужикъ. Онъ былъ во время войны закупщикомъ хлѣба у провинцискаго чиновника. Сблизившись съ чиновникомъ, увидалъ его сладкую жизнь, мужикъ сошелъ съ ума на томъ,

что и онъ такъ же, какъ господа, можетъ не работать, а получать слѣдующее ему содержаніе отъ Государя Императора. Мужикъ этотъ называетъ себя теперь *святѣйшимъ военнымъ княземъ Блохинъмъ, поставщикомъ военного провіанта всѣхъ сословій*. Онъ говоритъ про себя, что онъ «окончилъ всѣхъ чиновъ» и, по выслугѣ военного сословія, долженъ получать отъ Государя Императора открытый банкъ, одежды, мундиры, лошадей, экипажи, чай, горохъ и прислугу и всякое продовольствіе. Человѣкъ этотъ смѣшонъ для многихъ, но для меня значеніе сумашествія его ужасно. На вопросы: не хочетъ ли онъ поработать, онъ всегда гордо отвѣчаетъ: «очень благодаренъ, это все управится крестьянами». Когда скажешь ему, что крестьяне тоже не захотятъ работать, онъ отвѣчаетъ: «крестьянамъ это незатруднительно въ управкѣ». (Вообще онъ говоритъ высокимъ слогомъ и любитъ отглагольные существительныя). «Теперь выдумка машинъ для облегченности крестьянъ», говоритъ онъ. «Для нихъ нѣтъ затруднительности». Когда у него спросятъ, для чего онъ живетъ, онъ отвѣчаетъ: «для разгулки времени». Я всегда смотрю на этого человѣка, какъ въ зеркало. Я вижу въ немъ себя, и все наше сословіе: окончить чиновъ, чтобы жить для разгулки времени и получать открытый банкъ, между тѣмъ какъ крестьяне, для которыхъ это незатруднительно по выдумкѣ машинъ, управляютъ всѣ дѣла. — Это полная формулировка безумной вѣры людей нашего круга.

Когда мы спрашиваемъ, что-же именно намъ дѣлать, вѣдь мы не спрашиваемъ ничего, а только утверждаемъ, только не съ такою добросовѣстностью, какъ свѣтлѣйшій военный князь Блохинъ, окончившій всѣхъ чиновъ и липась разума, что мы не хотимъ ничего дѣлать. Тотъ, кто опомнится, не можетъ этого спрашивать, потому что, съ одной стороны, все, чѣмъ онъ пользуется, сдѣлано и дѣлается руками людей, а, съ другой стороны, какъ только проснулся и поѣлъ здоровый человѣкъ, такъ у него является потребность работать и ногами, и руками, и мозгами. Для того, чтобы найти работу и работать, ему нужно

только не удерживаться; только тотъ, кто считаетъ стыднымъ работу, какъ дама, которая проситъ гостью не трудиться отворять дверь, а подождать, пока она позоветъ для этого человѣка, только тотъ можетъ задавать себѣ вопросъ, что именно дѣлать.

Дѣло не въ томъ, чтобы выдумать работу — работы для себя и для другихъ не передѣлалъ — а дѣло въ томъ, чтобы отвыкнуть отъ того преступнаго взгляда на жизнь, что я ѣмъ и сплю для своего удовольствія, и усвоить себѣ тотъ простой и правдивый взглядъ, съ которымъ вырастаетъ и живетъ рабочій человѣкъ, что человѣкъ прежде всего есть машина, которая заряжается ѣдой для того, чтобы кормиться, и что потому стыдно, тяжело, нельзя ѣсть и не работать, что если не работать — это самое безбожное, противоестественное и потому опасное положеніе, въ родѣ содомскаго грѣха. Только бы было это сознаніе, и работа будетъ, и работа будетъ всегда радостная и удовлетворяющая душевныя и тѣлесныя требованія.

Мнѣ представилось дѣло такъ: день всякаго человѣка самой пищей раздѣляется на 4 части, или упряжки, какъ называютъ это мужики: 1) до завтрака; 2) отъ завтрака до обѣда; 3) отъ обѣда до полдника, и 4) отъ полдника до вечера. Дѣятельность человѣка, въ которой онъ, по самому существу своему, чувствуетъ потребность, тоже раздѣляется на 4 рода: 1) дѣятельность мускульной силы, работа рукъ, ногъ, плечъ, спины — тяжелый трудъ, отъ котораго вспотѣешь; 2) дѣятельность пальцевъ и кисти рукъ — дѣятельность ловкости мастерства; 3) дѣятельность ума и воображенія; 4) дѣятельность общенія съ другими людьми.

Блага, которыми пользуется человѣкъ, тоже раздѣляются на 4 рода: всякій человѣкъ пользуется, во-первыхъ, произведеніями тяжелаго труда: хлѣбомъ, скотиной, постройками, колотцами, ирдами и т. п.; во-вторыхъ, дѣятельностью ремесленнаго труда: одеждой, сапогами, утварью и т. п.; въ-третьихъ, произведеніями умствен-

ной дѣятельности наукъ, искусства и, въ-четвертыхъ, установленнымъ общеніемъ между людьми.

И мнѣ представилось, что лучше всего бы было чередовать занятія дня, такъ чтобы упражнять всѣ четыре способности человѣка, и самому производить всѣ тѣ четыре рода благъ, которыми пользуются люди, такъ чтобы одна часть дня, первая упряжка, была посвящена тяжелому труду; другая—умственному; третья—ремесленному, и четвертая—общенію съ людьми. Мнѣ представилось, что тогда только уничтожится то ложное раздѣленіе труда, которое существуетъ въ нашемъ обществѣ и установится то справедливое раздѣленіе труда, которое не нарушаетъ счастья человѣка.

Я, напримѣръ, занимался всю свою жизнь умственнымъ трудомъ. Я говорилъ себѣ, что я такъ раздѣлилъ трудъ, что писаніе, т. е. умственный трудъ, есть специальное мое занятіе, а другія нужныя мнѣ дѣла предоставилъ (или заставилъ) дѣлать другихъ. Но это, казалось бы, самое выгодное, устройство для умственного труда, не говоря уже о своей несправедливости, было невыгодно именно для умственного труда.

Я всю свою жизнь: пищу, сонъ, развлечения, устраивалъ въ виду этихъ часовъ специальной работы, и кромѣ этой работы ничего не дѣлалъ. Изъ этого выходило, во-первыхъ, то, что я суживалъ свой кругъ наблюденія и знанія, часто не имѣлъ средства для изученія и часто, задавшись задачей описывать жизнь людей (а жизнь людей есть всегдашняя задача всякой умственной дѣятельности), я чувствовалъ свое незнаніе и долженъ былъ учиться, спрашивать о такихъ вещахъ, которыя зналъ всякій человѣкъ, не занятый специальной работой; во-вторыхъ, выходило то, что я садился писать, но у меня не было никакого внутренняго влеченія писать, и никто не требовалъ отъ меня писанія, какъ писанія, т. е. моихъ мыслей, а требовалось мое имя для журнальныхъ соображеній. Я старался выжимать изъ себя, что могъ: иногда ничего не выжималъ, иногда что-нибудь очень плохое, и чувствовалъ неудовлетворенность и тоску. Те-

перь же, когда я созналъ необходимость физической работы, и грубой, и ремесленной, выходило совершенно другое: время мое было занято, какъ ни скромно, но несомнѣнно полезно и радостно, и поучительно для меня. И потому я отрывался для своей специальности отъ этого несомнѣнно полезнаго и радостнаго занятія только тогда, когда чувствовалъ и внутреннюю потребность и видѣлъ прямо заявляемыя ко мнѣ въ моемъ писательскомъ трудѣ требованія.

А эти-то требованія и обуславливали только доброкачественность, и потому полезность и радость моей специальной работы. Такъ что оказалось, что занятіе тѣми физическими работами, которыя мнѣ необходимы, какъ и всякому человѣку, не только не мѣшало моей специальной дѣятельности, но было необходимымъ условіемъ полезности, доброкачественности и радости этой дѣятельности.

Птица такъ устроена, что ей необходимо летать, ходить, клевать, соображать, и когда она все это дѣлаетъ, тогда она удовлетворена, счастлива — тогда она птица. Точно такъ же и человѣкъ, когда онъ ходитъ, ворочаетъ, поднимаетъ, таскаетъ, работаетъ пальцами, глазами, ушами, языкомъ, мозгомъ, тогда только онъ удовлетворенъ, тогда только онъ—человѣкъ.

Человѣкъ, сознавшій свое призваніе труда, будетъ естественно стремиться къ той пережвѣнѣ труда, которая свойственна ему, для удовлетворенія его внѣшнихъ и внутреннихъ потребностей, и измѣнить этотъ порядокъ не иначе, какъ только если почувствуетъ въ себѣ непреодолимое призваніе къ какому-либо исключительному труду, и къ этому же труду будутъ предъявляться требованія другихъ людей.

Свойство труда таково, что удовлетвореніе всѣхъ потребностей человѣка требуетъ того самаго чередованія разныхъ родовъ труда, которое дѣлаетъ трудъ не тягостью, а радостью. Только ложная вѣра, *docta*, о томъ, что трудъ есть проклятіе, могла привести людей къ тому освобожденію себя отъ извѣстныхъ родовъ труда, т. е. захвату

чужаго труда, требующему насильственнаго занятія специальнымъ трудомъ другихъ людей, которое они называютъ раздѣленіемъ труда.

Вѣдь мы только такъ привыкли къ нашему ложному пониманію устройства труда, что намъ кажется, что сапожнику, машинисту, писателю или музыканту будетъ лучше, если онъ уволитъ себя отъ свойственнаго человѣку труда. Тамъ, гдѣ не будетъ насилія надъ чужимъ трудомъ и ложной вѣры въ радость праздности, ни одинъ человѣкъ, для занятія специальнымъ трудомъ, не уволитъ себя отъ физическаго труда, нужнаго для удовлетворенія его потребности, потому что специальное занятіе не есть преимущество, а есть жертва, которую приноситъ человѣкъ своему влеченію и своимъ братьямъ.

Сапожникъ въ деревнѣ, оторвавшись отъ привычнаго радостнаго въ полѣ труда, и взявшись за свою работу, чтобы починить или сшить сапоги сосѣдямъ, лишаетъ себя всегда радостнаго труда въ полѣ только потому, что онъ любитъ шить, знаетъ, что никто не можетъ такъ хорошо сдѣлать этого, какъ онъ, и что люди будутъ благодарны ему. Но ему не можетъ придти желаніе на всю жизнь лишить себя радостнаго чередованія труда.

Такъ же староста, машинистъ, писатель, ученый. Вѣдь это намъ, съ нашимъ извращеннымъ понятіемъ кажется такъ, что если копторщика баринъ разжаловалъ въ мужики, или министра сослалъ на поселеніе, то его наказали, сдѣлали ему дурное. Въ сущности же — его облагодѣтельствовали, т. е. замѣнили его специальный, тяжелый трудъ радостнымъ чередованіемъ труда. Въ естественномъ обществѣ это совсѣмъ иначе. Я знаю одну общину, гдѣ люди сами кормились. Одинъ изъ членовъ этого общества былъ образованнѣе другихъ, и отъ него потребовали чтенія, къ которому онъ долженъ былъ готовиться днемъ, чтобы читать его вечеромъ. Онъ дѣлалъ это съ радостью, чувствуя, что онъ полезенъ другимъ и дѣлаетъ дѣло хорошее. Но онъ усталъ отъ исключительно умственной работы, и здоровье его стало хуже. Члены общины пожалѣли его и попросили идти работать въ поле.

Для людей, смотрящихъ на трудъ, какъ на сущность и радость жизни, фонъ, основа жизни, будетъ всегда борьба съ природой, — трудъ, и земледѣльческій, и ремесленный, и умственный, и установленіе общенія между людьми. Отступленіе отъ одного или многихъ изъ этихъ родовъ труда и специальная работа будетъ только тогда, когда человѣкъ специальной работы, любя эту работу и зная, что онъ лучше другихъ дѣлаетъ ее, жертвуетъ своей выгодой для удовлетворенія непосредственно заявленныхъ къ нему требованій. Только при такомъ взглядѣ на трудъ и вытекающемъ изъ него естественномъ раздѣленіи труда, уничтожается то проклятіе, наложенное въ нашемъ воображеніи на трудъ, и всякій трудъ становится всегда радостью, потому что, либо человѣкъ будетъ дѣлать несомнѣнно полезный и радостный, не отягчительный трудъ, либо будетъ имѣть сознаніе жертвы въ исполненіи труда болѣе тяжелаго, исключительнаго, но такого, который онъ дѣлаетъ для блага другихъ.

Но раздѣленіе труда выгоднѣе. Для кого выгоднѣе? Выгоднѣе поскорѣе надѣлать какъ можно больше сапогъ и ситцевъ. Но кто будетъ дѣлать эти сапоги и ситцы? Люди, поколѣніями дѣлающіе только булавочныя головки. Такъ какъ же это можетъ быть выгоднѣе для людей? Если дѣло въ томъ, чтобы надѣлать какъ можно больше ситцевъ и булавокъ, то это — такъ; но дѣло вѣдь въ людяхъ, въ благѣ ихъ. А благо людей въ жизни. А жизнь въ работѣ. Такъ какъ же можетъ необходимость мучительной, угнетающей работы быть выгоднѣе для людей? Выгоднѣе для всѣхъ людей одно, то самое, чего я для себя желаю — наибольшаго блага и удовлетворенія всѣхъ тѣхъ потребностей, и тѣлесныхъ и душевныхъ, и совѣсти, и разума, которая въ меня вложена. И вотъ, для себя я нашелъ, что, для моего блага и удовлетворенія моихъ этихъ потребностей, мнѣ нужно только излѣчиться отъ того безумія, въ которомъ я жилъ вмѣстѣ съ крапивенскимъ сумасшедшимъ, сумасшествія, состоящаго въ томъ, что нѣкоторымъ людямъ не полагается работать, и что все это должны управлять другіе люди, и потому дѣлать только

то, что свойственно человѣку, т. е. работать, удовлетворяя своимъ потребностямъ. И найдя это, я убѣдился, что трудъ для удовлетворенія своихъ потребностей самъ собою раздѣляется на разные роды труда, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою прелесть, и не только не составляетъ отягощенія, а служитъ отдыхомъ одинъ отъ другого. Я въ грубой формѣ (нисколько не настаивая на справедливости такого дѣленія) раздѣлялъ этотъ трудъ по тѣмъ требованіямъ, которыя я имѣю въ жизни, на 4 отдѣла, соотвѣтственно четыремъ упряжкамъ работы, изъ которыхъ слагается день, и стараюсь удовлетворять этимъ требованіямъ.

Такъ вотъ какіе отвѣты я для себя нашелъ на вопросъ, что намъ дѣлать?

Первое: не лгать передъ самимъ собою, какъ бы ни далеко былъ мой путь жизни отъ того истиннаго пути, который открываетъ мнѣ разумъ.

Второе: отречься отъ признанія своей правоты, своихъ преимуществъ, особенностей передъ другими людьми и признать себя виноватымъ.

Третье: исполнять тотъ вѣчный несомнѣнный законъ человѣка — трудомъ всего существа своего, не стыдясь никакого труда; бороться съ природою, для поддержания жизни своей и другихъ людей.

О трудѣ и роскоши.

Я кончилъ, сказавъ все то, что касалось меня, но не могу удержаться отъ желанія сказать еще то, что касается всѣхъ: общими соображеніями повѣрить тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ. Мнѣ хочется сказать о томъ, почему мнѣ кажется, что очень многіе изъ нашего круга должны придти къ тому же, къ чему я пришелъ, и еще о томъ, что выйдетъ изъ того, если хоть нѣкоторые люди придутъ къ этому?

Я думаю, что многіе придутъ къ тому же, къ чему я пришелъ; потому что, если только люди нашего круга,

нашей касты серьезно оглянутся на себя, то люди молодые, ищущіе личнаго счастья, ужаснутся передъ все увеличивающейся, явно влекущей ихъ въ погибель, бѣдственностью своей жизни, люди совѣстливые ужаснутся передъ жестокостью и незаконностью своей жизни, и люди робкіе ужаснутся передъ опасностью своей жизни.

Несчастіе нашей жизни. Какъ мы, богатые люди, ни поправляемъ, ни подираемъ съ помощью нашей науки и искусства, эту нашу ложную жизнь, — жизнь эта становится съ каждымъ годомъ и слабѣе, и болѣзненнѣе, и мучительнѣе; съ каждымъ годомъ увеличивается число самоубійствъ и отреченій отъ рожденія дѣтей; съ каждымъ годомъ мы чувствуемъ увеличивающуюся тоску нашей жизни, съ каждымъ поколѣніемъ слабѣютъ новыя поколѣнія людей этого сословія. Очевидно, что на этомъ пути увеличенія удобствъ и пріятностей жизни, на пути всякаго рода лѣченій, и искусственныхъ приспособленій для улучшенія зрѣнія, слуха, аппетита, искусственныхъ зубовъ, волосъ, дыханія, массажей и т. п., не можетъ быть спасенія. То, что люди, не пользующіеся этими усовершенствованіями, сильнѣе и здоровѣе, стало такимъ трупизмомъ, что въ газетахъ печатаются рекламы о жемчужныхъ порошкахъ для богатыхъ, подъ заглавіемъ Blessings for the poor (блаженство для бѣдныхъ), гдѣ говорится, что бѣдные только имѣютъ правильное пищевареніе, а богатымъ нужна помощь, а въ томъ числѣ эти порошки. Поправить дѣло нельзя никакими увеселеніями, удобствами и порошками; поправить можетъ только перемѣна жизни.

Несоціалізмъ нашей жизни съ нашей совѣстью. Какъ ни стараемся мы оправдать передъ самими собою измѣну человѣчеству, всѣ наши оправданія распадаются прахомъ передъ очевидностью; вокругъ насъ мрутъ люди отъ непосильной работы и недостатковъ, мы губимъ трудъ другихъ людей, пищу и одежду, необходимыя для нихъ, только для того, чтобы найти развлеченіе и разнообразіе въ скучной жизни. И потому, совѣсть человѣка нашего круга, если есть хоть малый остатокъ ея въ немъ не мо-

жить заснуть и отравляетъ всё тѣ удобства и пріятности жизни, которыя доставляютъ намъ страдающіе и гибнущіе въ трудѣ братья. Но мало того, что каждый совѣстливый человѣкъ самъ чувствуетъ это; онъ бы и радъ забыть это, но не можетъ этого сдѣлать.

Новыя эфемерныя оправданія науки для науки, искусства для искусства не выдерживаютъ свѣта простаго, здраваго разсудка. Совѣсть людей не можетъ быть успокоена новыми придумками, а можетъ быть успокоена только переменной жизни, при которой не нужно будетъ и не въ чемъ будетъ оправдываться.

Двѣ причины указываютъ людямъ богатыхъ классовъ необходимость перемены ихъ жизни: потребность личнаго блага своего и своихъ близкихъ, неудовлетворимая на томъ пути, на которомъ они стоятъ, и потребность удовлетворенія голоса совѣсти, невозможность котораго очевидна на настоящемъ пути. Эти причины вмѣстѣ должны влечь людей богатыхъ классовъ къ переменѣ ихъ жизни, къ такой переменѣ, которая бы удовлетворяла и благу и совѣсти.

И такая переменна есть только одна—перестать обманывать, покаяться, признать трудъ не проклятіемъ, а радостнымъ дѣломъ жизни.

Но что-же будетъ изъ того, что я буду 10, 8, 5 часовъ работать физическую работу, которую охотно сдѣлаютъ тысячи мужиковъ за тѣ деньги, которыя у меня есть? говорить на это.

Будетъ первое, самое простое и несомнѣнное то, что ты будешь веселѣе, здоровѣе, бодрѣе, и узнаешь настоящую жизнь, отъ которой ты прятался самъ, или которая была спрятана отъ тебя. Будетъ, второе, то, что если у тебя есть совѣсть, то не только она будетъ страдать, какъ она страдаетъ теперь, глядя на трудъ людей, значеніе котораго мы всегда, по незнанію его, преувеличиваемъ или уменьшаемъ, но ты будешь постоянно испытывать радостное сознание того, что съ каждымъ днемъ ты все больше и больше удовлетворяешь требованіямъ твоей совѣсти и выходишь изъ того ужаснаго положенія такого нагроможденія зла въ нашей жизни, что нѣтъ возможно-

сти дѣлать добро людямъ; ты почувствуешь радость жить свободно съ возможностью добра, ты пробьешь окно, просвѣтъ въ область нравственнаго міра, который былъ закрытъ отъ тебя.

Но вѣдь смѣшно, говорятъ обыкновенно, намъ, людямъ нашего міра, съ стоящими передъ нами глубокомысленными вопросами—философскими, научными, политическими, художественными, церковными, общественными,—намъ, министрамъ, сенаторамъ, академикамъ, профессорамъ, артистамъ, четверть часа времени которыхъ такъ дорого цѣнятся людьми, намъ тратить наше время—на что-же? На чищеніе своихъ сапоговъ, мытье своихъ рубашекъ, копанье, сажанье картофеля, или кормленіе своихъ куръ и своей коровы и т. п., тѣми дѣлами, которыя дѣлаютъ для насъ и за насъ съ радостью не только нашъ дворникъ, наша кухарка, но тысячи людей, которые дорожатъ нашимъ временемъ. Но почему же мы сами одѣваемся, моемся, чешемся, почему мы сами подаемъ стулья дамамъ, гостямъ, отворяемъ, затворяемъ двери, подсаживаемъ въ экипажи дѣлаемъ тому подобныхъ сотни дѣлъ, которыя прежде дѣлали за насъ рабы? Потому что мы считаемъ, что это такъ надобно, что въ этомъ человѣческое достоинство, т. е. долгъ, обязанность человѣка, его священный долгъ и обязанность—употребить данныя ему руки и ноги на то, для чего онъ данъ, и поглащаемую пищу на трудъ, производящій эту пищу, а не на то, чтобы онъ атрофировался, не на то, чтобы ихъ мыть и чистить и употреблять только на то, чтобы посредствомъ ихъ совать въ ротъ пищу, питье, папироски. Такое значеніе имѣетъ занятіе физическимъ трудомъ для всякаго человѣка во всякомъ обществѣ; но въ нашемъ обществѣ, гдѣ уклоненіе этого закона природы сдѣлалось несчастіемъ цѣлаго круга людей, занятіе физическимъ трудомъ получаетъ еще другое значеніе—значеніе проповѣди и дѣятельности, устраняющей страшныя бѣдствія, угрожающія человѣчеству. Вѣдь говорить, что для образованнаго человѣка занятіе физическимъ трудомъ есть ничтожное занятіе, это все равно, что говорить при постройкѣ храма:

что-же важнаго въ томъ, чтобы положить одинъ камень ровно на свое мѣсто? Вѣдь всякое величайшее дѣло дѣлается именно въ условіяхъ незамѣтности, скромности, простоты: ни пахать, ни строить, ни пасти скотину, ни мыслить даже, нельзя при освѣщеніи, громѣ и блескѣ. Великія, истинныя дѣла— всегда просты, скромны. И таково величайшее дѣло, предстоящее намъ: разрѣшеніе тѣхъ страшныхъ противорѣчій, въ которыхъ мы живемъ. И дѣла, разрѣшающія эти противорѣчія, суть тѣ скромныя, незамѣтныя, кажущіяся смѣшными дѣла: служеніе себѣ, и физической работы для себя и, если можно, для другихъ, которыя предстоятъ намъ, богатымъ людямъ, если мы понимаемъ несчастіе, безсовѣстность и опасность того положенія, въ которое мы попали.

Что выйдетъ изъ того, что я и другой, третій десятокъ людей, мы будемъ не брезгать работой физической и будемъ считать ее необходимой для нашего счастья и спокойствія совѣсти... Выйдетъ то, что будетъ одинъ, другой, третій десятокъ людей, которые, не входя въ столкнове- ніе ни съ кѣмъ безъ насилія правительственнаго или революціоннаго, для себя разрѣшатъ страшный вопросъ, стоящій передъ всѣмъ міромъ и раздѣляющій людей, и разрѣшатъ его такъ, что имъ станетъ лучше жить, что ихъ совѣсть станетъ спокойнѣе, и что имъ нечего бояться: выйдетъ то, что и другіе люди увидятъ, что благо котораго они ищутъ вездѣ, тутъ около нихъ самихъ, что казавшіяся неразрѣшимыми противорѣчія совѣсти и устройства міра разрѣшаются самымъ легкимъ и радостнымъ способомъ, и что вмѣсто того, чтобы бояться людей, окружающихъ насъ, намъ надо сближаться съ ними и любить ихъ.

Вѣдь кажущійся неразрѣшимымъ вопросъ экономической и социальный есть вопросъ крыловскаго ларчика. Ларчикъ просто открывается. И до тѣхъ поръ не откроется, пока люди просто не сдѣлаютъ самое первое простое — не откроютъ его.

Человѣкъ устраиваетъ воображаемую собственную библиотеку, собственную картинную галерею, собственную

квартиру, одежду, приобретаешь собственные деньги, чтобы покупать на нихъ все что ему нужно, и кончается тѣмъ, что занимаясь этой воображаемой собственностью, какъ дѣйствительной, онъ совершенно теряетъ сознание того, что есть настоящая его собственность, надъ которой онъ дѣйствительно можетъ работать, которая можетъ служить ему, и которая всегда остается въ его власти, и того, что ни есть, не можетъ быть его собственностью, какъ бы онъ не называлъ ее, и которая не можетъ быть предметомъ его дѣятельности.

Слова имѣютъ всегда ясное значеніе до тѣхъ поръ, пока мы умышленно не дадимъ имъ ложный смыслъ.

Что значитъ собственность?

Собственность значитъ то, что дано, принадлежит мнѣ одному исключительно, то съ чемъ я могу сдѣлать всегда все что хочу, то, чего никто не можетъ отнять у меня, что остается моимъ до конца моей жизни, и то, что я именно долженъ употреблять, увеличивать, улучшать. Такая собственность для каждаго человѣка вѣдь есть только — онъ самъ.

Такъ что-же выйдетъ изъ того, что десятокъ людей будутъ пахать, колоть дрова, шить сапоги не по нуждѣ, а по ссзанію того, что человѣку нужно работать, и что, чѣмъ онъ больше будетъ работать, тѣмъ ему будетъ лучше? Выйдетъ то, что десятокъ, или хоть одинъ человѣкъ и въ сознаніи и на дѣлѣ покажутъ людямъ, что то страшное зло, отъ котораго они страдаютъ, не есть законъ судьбы, воля Бога, или какая нибудь историческая необходимость, а есть суевѣріе, нисколько не сильное и не страшное, а слабое и ничтожное, въ которое только надо перестать вѣрить какъ въ идоловъ, для того, чтобы освободиться отъ него, и какъ слабую паутину, разрушить его. Люди, которые станутъ трудиться для того, чтобы исполнять радостный законъ ихъ жизни, т. е. работающіе для исполненія закона труда, освободятся отъ ужаснаго суевѣрія собственности для себя.

Если жизнь человѣка наполнена трудомъ и онъ знаетъ наслажденіе отдыха, ему не нужно комнатъ, мебели, разно-

образныхъ красивыхъ одеждъ, ему нужно меньше дорогой пищи, не нужно средствъ передвиженій, разбѣянія. Главное же, человѣкъ, считающій трудъ дѣломъ и радостью своей жизни, не будетъ искать облегченія своего труда, которое ему могутъ дать труды другихъ. Человѣкъ, считающій жизнь трудомъ, будетъ ставить цѣлью, по мѣрѣ приобрѣтенія умѣнья, ловкости выносливости все болѣе и болѣе трудъ, все болѣе и болѣе наполняющій его жизнь. Для такого человѣка, полагающаго смыслъ своей жизни въ трудѣ, а не въ результатахъ его, для приобрѣтенія собственности, не можетъ быть и вопроса объ орудіяхъ труда. Хотя такой человѣкъ и избереетъ всегда другія, наиболее производительныя, человѣкъ этотъ получитъ то же самое удовлетвореніе работы и отдыха, работая и самымъ непроизводительнымъ орудіемъ. Если будетъ паровой плугъ, онъ будетъ пахать имъ, если не будетъ его, — онъ будетъ пахать коннымъ, не будетъ его, — сохой, не будетъ сохи, онъ будетъ копать скрепкой, и во всѣхъ условіяхъ одинаково будетъ достигать своей цѣли, проводить свою жизнь въ полезномъ людямъ трудѣ, и потому будетъ получать полное удовлетвореніе. И положеніе такого человѣка, и по внѣшнимъ условіямъ, и по внутреннимъ, будетъ болѣе счастливо, чѣмъ того, который кладетъ свою жизнь въ приобрѣтеніи собственности. По внѣшнимъ условіямъ такой человѣкъ никогда не будетъ въ нуждѣ, потому что люди, видя его желаніе работать, какъ въ силѣ воды, къ которой придѣлываютъ мельницу, всегда постараются сдѣлать его работу наиболее производительной, — обезпечить его матеріальное существованіе, чего они не дѣлаютъ для людей, стремящихся къ собственности. А обезпеченіе матеріальныхъ условій и есть все то, что нужно человѣку. По внутреннимъ условіямъ такой человѣкъ будетъ всегда счастливѣе того, который ищетъ собственности, потому что первый никогда не получитъ того, къ чему онъ стремится, второй же всегда, по мѣрѣ своихъ силъ: слабый, старый, умирающій, по пословицѣ, съ качедыкомъ въ рукахъ, получитъ полное удовлетвореніе, и любовь, и сочувствіе людей.

Такъ вотъ что будетъ изъ того, что нѣсколько чудаконковъ, сумасшедшихъ, будутъ пахать, шить сапоги и т. п., вмѣсто того, чтобы курить папиросы, играть въ винтъ и ѣздить повсюду, развозить свою скуку въ продолженіе свободныхъ у каждаго умственного работника 10 часовъ времени. Выйдетъ то, что эти сумасшедшіе покажутъ на дѣлѣ, что та воображаемая собственность, изъ-за которой страдаютъ, мучаются и мучаютъ другихъ людей, не нужна для счастья, сгѣснительна, и что это есть только суетвѣріе; что собственность, истинная собственность есть только своя голова, свои руки, свои ноги, и что для того, чтобы эксплуатировать дѣйствительно съ пользою и радостью эту истинную собственность, надо откинуть ложное представленіе о собственности впѣ своего тѣла, на которое мы тратимъ лучшія силы своей жизни. Выйдетъ то, что эти люди покажутъ, что только когда человѣкъ перестанетъ вѣрить въ воображаемую собственность, только тогда онъ обработаетъ свою настоящую собственность, свои способности, свое тѣло, такъ что ни дадутъ ему плодъ сторицею и счастье, о которомъ мы не имѣемъ понятія; только тогда онъ будетъ такимъ полезнымъ, сильнымъ, добрымъ человѣкомъ, котораго куда ни брось, онъ вездѣ упадетъ на ноги, вездѣ, всѣмъ, всегда будетъ братъ, будетъ всѣмъ понятенъ, и нуженъ, и дорогъ. И люди, глядя на одного, на десятокъ сумасшедшихъ этихъ, поймутъ, что они всѣ должны сдѣлать, чтобы развязать тотъ страшный узелъ, въ который ихъ затянуло суетвѣріе собственности, чтобы избвиться отъ несчастнаго положенія, отъ котораго они всѣ въ одинъ голосъ стонутъ теперь, не зная изъ него выхода.

Но что-же сдѣлаетъ одинъ человѣкъ въ толпѣ, несогласной съ нимъ? Нѣтъ разсужденія, которое бы очевидно этого показывало неправду тѣхъ, которые употребляютъ его. Бурлаки тянутъ барку противъ теченія. Неужели найдется такой глупый бурлакъ, который откажется влечь въ свою лямку, потому что онъ одинъ не въ силахъ тянуть барку противъ теченія? Тотъ, кто признаетъ за собою, кромѣ своихъ правъ животной жизни, ѣсть и спать ка-

кую-нибудь человѣческую обязанность, знаетъ очень хорошо, въ чѣмъ эта человѣческая обязанность. Точно такъ же, какъ знаетъ это бурлакъ, на котораго надѣта лямка. Бурлакъ очень хорошо знаетъ, что ему надо только влечь въ лямку и идти по данному направленію. Онъ будетъ искать того, что ему дѣлать и какъ, только тогда, когда онъ сброситъ съ себя лямку. И что съ бурлаками и со всеми людьми, дѣлающими общую работу, то и въ дѣлѣ всего человѣчества; каждому надо не снимать лямку, а влечь въ нее по данному хозяйнымъ направленію.

И на то и данъ разумъ одинъ всеѣмъ людямъ, чтобы направленіе это было всегда одно. И направленіе это дано такъ очевидно, несомнѣнно, и во всей жизни окружающихъ насъ людей, и въ совѣсти каждаго человѣка, и во всемъ выраженіи мудрости людей, что только тотъ, кто не хочетъ работать, можетъ говорить, что онъ не видитъ его.

Такъ что же выйдетъ изъ этого? То, что одинъ, два человѣка погянутъ: на нихъ глядя, присоединится третій, и такъ будутъ присоединяться лучшіе люди до тѣхъ поръ, пока не двинется дѣло и не пойдетъ, какъ будто само подталкивая и вызывая къ тому же тѣхъ, которые и не понимаютъ, что и зачѣмъ дѣлается. Сперва къ числу людей, сознательно работающихъ для исполненія закона Бога, присоединятся люди полусознательно, полу-на вѣру признающіе тоже; потомъ присоединится еще большее число людей, только на вѣру передовымъ людямъ, признающихъ то же, и наконецъ большинство людей признаютъ это, и тогда совершится то, что люди перестанутъ губить себя и найдутъ счастье.

Это будетъ тогда—что будетъ очень скоро—когда люди нашего круга, а за ними и все огромное большинство не будутъ считать, что стыдно идти въ отличныхъ сапогахъ въ гости, а не стыдно идти въ калошахъ мимо людей, у которыхъ нѣтъ никакой обуви; что стыдно не знать по-французски или послѣдней новости, а не стыдно ѣсть хлѣбъ и не знать, какъ его ставить; что стыдно не имѣть крахмальной рубашки и чистаго платья, а не стыдно хо-

дить въ чистомъ платьѣ, выказывая тѣмъ свою праздность; что стыдно имѣть грязныя руки, а не стыдно не имѣть рукъ съ мозолями.

Все это будетъ тогда, когда этого будетъ требовать общественное мнѣніе. А общественное мнѣніе будетъ требовать этого тогда, когда уничтожатся въ представленіи людей тѣ соблазны, которые скрывали отъ нихъ истину. На моей памяти совершились большія переменны въ этомъ смыслѣ. И переменны эти совершились только потому, что переменялось общественное мнѣніе. На моей памяти совершилось то, что было стыдно богатымъ людямъ выѣхать не на четверицѣ съ двумя лакеями, что было стыдно не имѣть лакея или горничной для того, чтобы одѣвать, обувать, умывать, и т. п.; и теперь вдругъ стало стыдно не одѣваться, не обуваться самому и ѣздить съ лакеями. Все эти переменны сдѣлало общественное мнѣніе. Развѣ не ясны тѣ переменны, которыя теперь готовятся въ общественномъ мнѣніи?

Стоило 25 лѣтъ тому назадъ уничтожиться соблазну, оправдывающему крѣпостное право, и измѣнилось общественное мнѣніе о томъ, что похвально и что стыдно, и измѣнилась жизнь. Стоитъ уничтожиться соблазну, оправдывающему денежную власть надъ людьми, и измѣнится общественное мнѣніе о томъ, что похвально и что стыдно, и измѣнится жизнь. А уничтоженіе соблазна оправданія денежной власти и измѣненіе общественнаго мнѣнія въ этомъ отношеніи уже быстро совершается. Соблазнъ этотъ ужъ просвѣчиваетъ и чуть-чуть закрываетъ истину. Стоитъ только пристально взглянуть, чтобы видѣть ясно то измѣненіе общественнаго мнѣнія, которое уже совершилось и только не сознано, не названо словомъ. Стоитъ мало-мальски образованному человѣку нашего времени вдуматься въ то, что вытекаетъ изъ тѣхъ воззрѣній на міръ, которыя онъ исповѣдуетъ, чтобы убѣдиться, что та опѣнка хорошаго и дурнаго, похвальнаго и стыднаго, которой онъ по инерціи руководится въ жизни, прямо противорѣчитъ всему его мросозерцанію.

Стоитъ человѣку нашего времени, только на минуту

отрѣшившись отъ своей идущей по инерціи жизни, взглянуть на нее со стороны и подвергнуть той самой оцѣнкѣ, которая вытекаетъ изъ всего его міросозерцанія, чтобы ужаснуться передъ тѣмъ опредѣленіемъ всей его жизни, которая вытекаетъ изъ его міросозерцанія. Возьмемъ для примѣра молодого человѣка (въ молодыхъ сильнѣе энергія жизни и туманнѣе самосознаніе). Возьмемъ для примѣра молодого человѣка богатыхъ классовъ какого-бы то ни было направленія.

Всякій хорошій юноша считаетъ, что стыдно не помочь старику, ребенку, женщинѣ, считаетъ, что въ общемъ дѣлѣ стыдно подвергать опасности жизнь или здоровье другого человѣка, а самому избѣгать ее. Всякій считаетъ, что стыдно и дико дѣлать то, что какъ рассказывалъ Скайлеръ, дѣлаютъ киргизы во время бури: высылаютъ бабъ и старухъ держать подъ бурей углы кибитки, а сами продолжаютъ сидѣть за кумысомъ въ кибиткѣ; всякій считаетъ что стыдно слабого человѣка заставлятъ дѣлать на себя работу, считаетъ, что еще стыднѣе во время опасности, на горящемъ кораблѣ, на примѣръ, самому сильному, расталкивая слабыхъ и оставляя ихъ въ опасности, первому сѣсть въ спасающую лодку и т. п.

Они все это считаютъ стыднымъ и ни за что этого не сдѣлаютъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ условіяхъ; но въ обыденной жизни точно такіе же поступки, и гораздо худшіе, закрыты отъ нихъ соблазномъ, и они не переставая дѣлаютъ ихъ.

Установленіе этого новаго взгляда на жизнь есть дѣло общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣніе, утверждающее такой взглядъ на жизнь, быстро вырабатывается.

Женщины дѣлаютъ общественное мнѣніе. И женщины особенно сильны въ наше время.

Ручной трудъ и умственная дѣятельность.

(Изъ письма къ французу).

...Вы спрашиваете меня, почему ручной трудъ представляется намъ однимъ изъ неизбѣжныхъ условій истиннаго счастья? Нужно ли добровольно лишать себя умственной дѣятельности въ области науки и искусства, которая кажется намъ несомвѣстной съ ручнымъ трудомъ?

Я никогда не смотрѣлъ на ручной трудъ какъ на основной принципъ, а какъ на самое простое и естественное приложеніе нравственныхъ основъ, на приложеніе, которое прежде всего представляется всякому искреннему человѣку.

Въ нашемъ испорченномъ обществѣ (въ обществѣ, называемомъ цивилизованнымъ) приходится прежде всего говорить о ручномъ трудѣ погому лишь, что главный недостатокъ нашего общества былъ и есть до настоящаго времени—это стремленіе освободиться отъ ручнаго труда и пользоваться безъ взаимнаго обмѣна трудомъ бѣдныхъ классовъ, невѣжественныхъ и неимущихъ.

Первый признакъ искренности людей нашего класса, исповѣдующихъ христіанскіе принципы, философскіе или гуманитарные, есть стараніе избавиться насколько возможно отъ этой несправедливости. Простѣйшее и всегда находящееся подъ руками средство достигнуть этого — есть ручной трудъ, который начинается уходомъ за самимъ собой.

Самое простое и короткое правило нравственности состоитъ въ томъ, чтобы заставлятъ служить себѣ другихъ какъ можно меньше и служить другимъ какъ можно больше.

Какъ можно меньше требовать отъ другихъ и какъ можно больше давать другимъ.

Это правило, дающее нашему существованію разумный смысл и благо, какъ его послѣдствіе, разрѣшаетъ въ то же время все затрудненія, равно какъ и то, которое вамъ представляется; это правило указываетъ мѣсто, которое должна занимать умственная дѣятельность, наука, искусство. Слѣдуя этому правилу, я счастливъ и доволенъ только тогда, когда несомнѣнно увѣренъ, что моя дѣятельность полезна другимъ. Удовлетвореніе же тѣхъ, для кого я дѣйствую, есть уже избытокъ, превышеніе счастья, на которое я не рассчитываю и которое не можетъ вліять на выборъ моихъ поступковъ.

Моя твердая увѣренность, что то, что я дѣлаю, не бесполезно и не вредно, но есть добро для другихъ — эта увѣренность есть главное условіе моего счастья. И это именно и заставляетъ нравственнаго и искренняго человѣка невольно предпочитать научной и артистической работѣ — ручной трудъ.

Для пользованія моими писательскими трудами нужна работа печатниковъ, для исполненія моей симфоніи я нуждаюсь въ работѣ музыкантовъ, для производства опытовъ мнѣ нужна работа тѣхъ, кто дѣлаетъ приборы и инструменты для нашихъ кабинетовъ; для картинъ, которую я пишу, я нуждаюсь въ людяхъ, приготовляющихъ краски и холсты, а между тѣмъ работы, которыя я произвожу, могутъ быть полезными для людей, но могутъ также быть (какъ въ большинствѣ случаевъ и бываетъ) совершенно бесполезными и даже вредными. Какъ же я могу заниматься такими дѣлами польза которыхъ весьма сомнительна и для занятія которыми я долженъ еще заставлять работать другихъ, когда предо мной, вокругъ меня безчисленное множество вещей, которыя все несомнѣнно полезны для другихъ, и для производства которыхъ я не нуждаюсь ни въ комъ. Напримеръ: снести ношу тому, кто утомленъ ею; вспахать поле за больного хозяина, перевязать рану и т. д. Не говоря объ этихъ тысячахъ вещей, окружающихъ насъ, для производства

которыхъ не нужна посторонняя помощь, которыя даютъ немедленное удовлетвореніе тѣмъ, для кого вы ихъ производите, кромѣ нихъ есть еще множество другихъ дѣлъ, — напр., посадить дерево, выходить теленка, вычистить колодезь — и все это дѣла несомнѣнно полезныя, и нельзя человѣку искреннему не предпочесть ихъ занятіямъ, требующимъ труда другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сомнительнымъ по своей полезности.

Призваніе учителя есть призваніе высокое и благородное. Но не тотъ учитель, кто получаетъ воспитаніе и образованіе учителя, а тотъ, у кого есть внутренняя увѣренность въ томъ, что онъ есть, долженъ быть и не можетъ быть инымъ. Эта увѣренность встрѣчается рѣдко и можетъ быть доказана только жертвами, которыя человѣкъ приноситъ своему призванію.

То же самое и для истинной науки и для истиннаго искусства. Скрипачъ Лулли, съ опасностью для своей шкуры, бѣжитъ изъ кухни на чердакъ, чтобы играть на скрипкѣ и этой жертвой онъ доказываетъ истинность своего призванія. Но для ученика консерваторіи, студента, единственная обязанность которыхъ изучать преподаваемое имъ, доказать истинность своего призванія невозможно. Они только пользуются положеніемъ, которое имъ представляется выгоднымъ.

Ручной трудъ есть долгъ и счастье для всехъ; дѣятельность ума и воображенія есть дѣятельность исключительная; она становится долгомъ и счастьемъ только для тѣхъ, которые къ ней призваны. Призваніе можно распознать и доказать только жертвой, которую приносятъ ученый или художникъ своему покою и благосостоянію, чтобы отдаться своему призванію. Человѣкъ, который продолжаетъ выполнять свои обязанности — поддержаніе своей жизни трудомъ своихъ рукъ — и, несмотря на это, отнимаетъ еще часы отъ своего отдыха и сна, чтобы творить въ области ума и воображенія, доказываетъ тѣмъ свое призваніе и произведетъ въ своей области нужное людямъ. Тотъ же, кто отдѣляется отъ общечеловѣческой нравственной обязанности и подъ предлогомъ особаго влеченія

къ наукѣ и искусству устраиваетъ себѣ жизнь дармоѣда—такой человѣкъ произведетъ только ложную науку и ложное искусство.

Плоды истинной науки и истиннаго искусства суть плоды жертвы, а не плоды извѣстныхъ матеріальныхъ преимуществъ.

Но что-же будетъ тогда съ наукой и искусствомъ?

Какъ часто я слышу этотъ вопросъ отъ людей, вовсе не интересующихся ни наукою, ни искусствомъ и не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое наука и искусство. Казалось бы, что этимъ людямъ ближе всего къ сердцу благо человѣчества, которое, по ихъ убѣжденію, не можетъ быть достигнуто ничѣмъ инымъ, какъ только развитіемъ того, что они называютъ наукой и искусствомъ.

Но что за странное дѣло — защищать пользу полезнаго?

Неужели могутъ быть такіе безумные люди, которые бы отрицали полезность того, что полезно? И неужели есть еще болѣе смѣшные люди, которые считаютъ своей обязанностью отстаивать полезность полезнаго.

Есть рабочіе ремесленники, есть рабочіе земледѣльцы. Никто никогда не рѣшался отрицать ихъ полезность. И никогда работникъ не станетъ доказывать полезность своего труда. Онъ производитъ, и его продуктъ необходимъ и есть добро для другихъ. Имъ пользуются, и никто не сомнѣвается въ его полезности. И тѣмъ болѣе никто ее не доказываетъ. Работники искусства и науки въ томъ же положеніи. Почему же находятся люди, которые сятся доказать ихъ полезность?

Причина та, что истинные труженики науки и искусства не обезпечиваютъ себѣ никакихъ правъ; они даютъ произведенія своихъ трудовъ, эти произведенія полезны, и они не нуждаются въ правахъ и ихъ утвержденіи.

Но огромное большинство тѣхъ, кто считаютъ себя учеными и художниками, очень хорошо знаютъ, что то, что они производятъ, не стоитъ того, что они потребляютъ. И они прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ,

чтобы доказать, что ихъ дѣятельность необходима для блага человѣчества.

Истинныя науки и искусства всегда существовали и всегда будутъ существовать, какъ и всѣ другія отрасли человѣческой дѣятельности, и невозможно и бесполезно отрицать или защищать ихъ.

Ложное положеніе, которое занимаютъ въ нашемъ обществѣ наука и искусство, доказываетъ только, что люди, называющіеся цивилизованными, съ учеными и художниками во главѣ, составляютъ касту со всѣми пороками, присущими всякой кастѣ. Они низводятъ съ высоты и умаляютъ тотъ принципъ, во имя котораго каста образуется. Они ложатся тяжелымъ бременемъ на народъ и сверхъ того лишаютъ его свѣта, тщетно стараясь показать, что они его распространяютъ. И, что хуже всего, дѣла ихъ всегда противорѣчатъ тѣмъ принципамъ, которые они исповѣдуютъ.

Не считая тѣхъ, которые поддерживаютъ несостоятельный принципъ науки для науки и искусства для искусства, всѣ они принуждены доказывать, что наука и искусство необходимы, потому что сужать благу человѣчества.

Но въ чемъ же состоитъ это благо? По какимъ признакамъ можно отличить благо отъ зла? Приверженцы науки и искусства обходятъ этотъ вопросъ. Они полагаютъ даже, что опредѣленіе блага невозможно и стоитъ внѣ науки и внѣ искусства. Благо вообще, говорятъ они, добро, красота — не могутъ быть опредѣлены.

Но они лгутъ.

Во всѣ времена человѣчество только и дѣлало въ своемъ движеніи впередъ, что опредѣляло добро и красоту. Добро и красота опредѣлены тысячи лѣтъ назадъ. Но это опредѣленіе для нихъ, жрецовъ, неподходяще; оно раскрываетъ ихъ пустоту и даже противную добру и красотѣ зловредность того, что они называютъ наукой и искусствомъ. Браминны, буддійскіе и китайскіе мудрецы, евреи, египтяне, греческіе стоики опредѣляли благо самымъ точнымъ образомъ. Все, что вноситъ единеніе между

людьми есть благо и красота; все, что ихъ разъединяетъ—зло и уродство. Всѣ люди знаютъ это опредѣленіе. Оно запечатлѣно въ нашемъ сердце.

Благо и красота для человѣчества есть то, что соединяетъ людей. Итакъ, если приверженцы науки и искусства дѣйствительно имѣютъ въ виду благо человѣчества, они должны двигать впередъ только тѣ науки и тѣ искусства, которыя ведутъ къ этой цѣли, и если бы это было такъ, не было-бы тогда многихъ наукъ, цѣль которыхъ есть благо только нѣкоторыхъ обществъ и гибель другихъ. Если бы благо было дѣйствительно цѣлью наукъ, и искусствъ, никогда изысканія положительныхъ наукъ, не имѣющія часто никакого отношенія къ истинному благу человѣчества, не получили бы такой ничѣмъ необъяснимой важности. То же можно сказать и о произведеніяхъ искусства, годныхъ только для возбужденія развратныхъ стариковъ и препровожденія времени праздныхъ людей.

Человѣческая мудрость вовсе не заключается въ количествѣ знаній. Есть безчисленное множество вещей, которыхъ мы не можемъ знать. Не въ томъ мудрость, чтобы знать какъ можно больше. Мудрость человѣческая состоитъ въ знаніи того порядка, въ которомъ полезно знать вещи; мудрость состоитъ въ знаніи того, какія изъ знаній важнѣе и какія менѣе важны. Изъ всѣхъ же знаній, нужныхъ человѣку, самое главное есть знаніе того, какъ жить, дѣлая какъ можно меньше зла и какъ можно больше добра; и изъ всѣхъ искусствъ самое важное то, которое учитъ избѣгать зла и производить благо съ наименьшимъ усиленіемъ.

И вотъ случилось то, что между всѣми искусствами и науками, которыя претендуютъ на служеніе благу человѣчества, первыя по важности наука и искусство не только не существуютъ на дѣлѣ, но даже исключены изъ списка наукъ и искусствъ.

То, что въ нашемъ обществѣ называютъ наукой и искусствомъ, есть только огромный мыльный пузырь, суевѣ-

ріе, въ которое мы обыкновенно впадаемъ, какъ только освобождаемся отъ другихъ суевѣрій.

Чтобы ясно видѣть путь, по которому намъ идти, нужно вернуться къ началу, нужно поднять кашюшонъ, который согрѣваетъ голову, но мѣшаетъ смотрѣть впередъ. Если мы не поставлены въ это положеніе рожденіемъ, мы трудомъ или хитростью добираемся до верхнихъ ступеней общественной лѣстницы, до привилегированнаго общественнаго положенія жрецовъ цивилизаціи, и намъ нужно много искренности и много любви къ правдѣ и къ добру, чтобы подвергнуть сомнѣнію тѣ принципы, которые обусловливаютъ такое выгодное положеніе.

Но для человѣка серьезнаго, который ставитъ себѣ вопросъ жизни, нѣтъ выбора. Чтобы ему начать ясно видѣть, нужно, чтобы онъ освободился отъ суевѣрія, не смотря на то, что оно ему выгодно.

Это условіе—*sine qua non*.

Безполезно спорить съ человѣкомъ о томъ, что онъ принимаетъ на-вѣру. Если поле мысли не совершенно свободно, можно долго спорить, долго разсуждать и не подвинутся ни на юту въ познаніи истины. Всякое разумное сужденіе разобьется о признанныя впередъ положенія. Вѣрующій въ цивилизацію говоритъ: мое разсужденіе останавливается передъ двумя основами цивилизаціи—наукой и искусствомъ. Наша наука, говоритъ онъ, есть совокупность истиннаго знанія человѣка; если она теперь еще не владѣетъ полной истиной, то въ будущемъ она овладѣетъ ею. Наше искусство, вмѣстѣ съ искусствомъ классическимъ, есть единое истинное искусство.

И когда мы опутаны ложнымъ вѣрованіемъ въ нашу цивилизацію, намъ почти невозможно видѣть нелогичность нашихъ разсужденій, которыя всѣ направлены къ тому, чтобы доказать, что изъ всѣхъ временъ и народовъ есть только наше время, только нѣсколько милліоновъ людей, населяющихъ полуостровъ, называемый Европою, которые владѣютъ истинной цивилизаціей, состоящей изъ истинной науки и истиннаго искусства.

Чтобы познать истинный смыслъ жизни, который такъ

простъ, не нужно ни положительной философіи, ни глубокихъ знаній, нужно имѣть только одно отрицательное качество нужно не имѣть предрасудковъ. Нужно придти въ состояніе ребенка или Декарта. Нужно сказать себѣ; я ничего не знаю, и не хочу ничего болѣе, какъ только познать истинный смыслъ жизни, той жизни, которую я долженъ прожить.

И отвѣтъ данъ съ древнѣйшихъ временъ; и отвѣтъ этотъ ясенъ и простъ.

Мое внутреннее чувство говоритъ мнѣ, что я хочу блага, счастья для себя, для одного себя. Разумъ говоритъ мнѣ: всѣ люди, всѣ существа хотятъ того же. Всѣ существа, которыя, какъ я, ищутъ своего личнаго счастья, очевидно, раздавятъ меня. И потому я не могу найти того счастья, въ стремленіи къ которому состоитъ моя жизнь. Стремленіе къ счастью есть моя жизнь, а разумъ показываетъ мнѣ, что это стремленіе тщетно и что потому я не могу жить.

Простое разсужденіе показываетъ мнѣ, что при томъ мировомъ порядкѣ, когда всѣ существа стремятся только къ своему личному благу, — я, существо, стремящееся къ тому же, не могу получить этого блага. И я не могу жить. Но, не смотря на такое ясное разсужденіе, мы живемъ и ищемъ счастья и блага.

Мы говоримъ себѣ: я могъ бы только въ томъ случаѣ достигъ блага—быть счастливымъ—если бы всѣ остальные существа любили меня больше, чѣмъ они любятъ себя. Это невозможно. Но, несмотря на это, мы всѣ живемъ, и вся наша дѣятельность, всѣ наши стремленія къ богатству, къ семьѣ, къ славѣ, къ власти—все это только попытки заставить другихъ любить меня больше, чѣмъ они любятъ себя.

Богатство, слава, власть даютъ намъ подобіе такого состоянія, и мы почти довольны, мы минутомъ забываемъ, что это только иллюзія, а не дѣйствительность.

Всѣ существа любятъ себя болѣе, чѣмъ насъ, и счастье невозможно.

Есть люди (и число ихъ возрастаетъ со дня на день), которые не могутъ разрѣшить этого затрудненія и убиваютъ себя, говоря, что жизнь—пустая и глупая шутка.

А между тѣмъ рѣшеніе задачи болѣе чѣмъ просто и представляется само собой.

Я могу быть счастливъ только при такомъ мировомъ порядкѣ, при которомъ всѣ существа любили бы другихъ болѣе, чѣмъ самихъ себя. Весь міръ былъ бы счастливъ, если бы существа любили не самихъ себя, а себѣ подобныхъ.

Я—существо, человѣкъ, и разумъ даетъ мнѣ законъ всеобщаго блага. И я долженъ слѣдовать этому закону моего разума, я долженъ любить другихъ больше самого себя.

И стоитъ только человѣку разсудить такъ, чтобы жизнь вдругъ представилась ему подъ совершенно инымъ угломъ зрѣнія, чѣмъ прежде.

Существа уничтожаютъ другъ-друга, но въ то же время существа любятъ и помогаютъ другъ-другу. Жизнь поддерживается не страстью разрушенія, а чувствомъ взаимности, которое на языкѣ нашего сердца называется любовью.

Насколько я могу видѣть развитие жизни міра, я вижу въ немъ проявленіе только этого принципа взаимной помощи. Вся исторія есть ни что иное, какъ все болѣе и болѣе ясное обнаруженіе этого единственнаго принципа взаимнаго согласія всѣхъ существъ.

Разсужденіе подтверждается и опытомъ историческимъ, и опытомъ личнымъ. Но помимо разсужденія, человѣкъ находитъ самое убѣдительное доказательство справедливости этого разсужденія въ своемъ внутреннемъ непосредственномъ чувствѣ. Величайшее благо, которое только знаетъ человѣкъ, состояніе полнѣйшей свободы и счастья—есть состояніе самоотверженія и любви. Разумъ открываетъ человѣку единственный возможный путь къ счастью, и чувство устремляетъ человѣка по этому пути.

.....

Если мысли, которыя я стараюсь вамъ передать, кажутся вамъ неясными, не судите ихъ слишкомъ строго. Я надѣюсь, что вы когда-нибудь прочтете ихъ изложенными болѣе ясно и просто. Я хотѣлъ только дать вамъ понятіе о моихъ взглядахъ на жизнь.

Праздникъ просвѣщенія 12-го января.

«Что можетъ быть ужаснѣе деревенскихъ праздниковъ». Ни въ чемъ съ такою очевидностью не выражается вся дикость и безобразіе народной жизни, какъ на деревенскихъ праздникахъ. Живутъ люди буднями, умѣренно питаются здоровой пищей, усердно работаютъ, дружелюбно общаются. Такъ продолжается недѣли, иногда мѣсяцы, и вдругъ добрая жизнь эта нарушается безъ всякой видимой причины. Въ одинъ опредѣленный день всѣ одновременно перестаютъ работать, и съ середины дня начинаютъ ѣсть необычныя вкусныя кушанья, начинаютъ пить заготовленные пиво и водку. Всѣ пьютъ; старые заставляютъ пить молодыхъ и даже дѣтей. Всѣ поздравляютъ другъ-друга, цѣлуются, обнимаются, кричатъ, поютъ пѣсни, то умиляются, то храбрятся, то обижаются; всѣ говорятъ, никто не слушаетъ; начинаются крики, ссоры, иногда драки. Къ вечеру одни спотыкаются, падаютъ и засыпаютъ гдѣ попало, другихъ уводятъ тѣ, которые еще въ силахъ, а третьи валяются и корчатся, наполняя воздухъ алкогольными зловоніями.

На другой день всѣ эти люди просыпаются больными, и понемногу оправившись, опять до слѣдующаго такого дня принимаются за работу.

Что это такое? Отчего это? А это праздникъ. Храмовой праздникъ. Въ одномъ мѣстѣ Знаменіе, а въ другомъ Введеніе, въ третьемъ Казанская. Что значитъ Знаменіе и Казанская—никто не знаетъ. Знаютъ одно, что престоль—и надо гулять. И ждутъ этого гулянья, и послѣ тяжелой трудовой жизни рады дорваться до него.

Да, это одно изъ самыхъ рѣзкихъ выраженій дикости рабочаго народа. Вино и гулянье составляютъ для него такой соблазнъ, передъ которымъ онъ не можетъ устоять. Приходить праздникъ, и почти каждый изъ нихъ готовъ одурманить себя до потери образа человѣческаго.

Да, дикій народъ. Но вотъ приходитъ 12-е января, и въ газетахъ печатается слѣдующее объявленіе: «Товарищескій обѣдъ бывшихъ воспитанниковъ Императорскаго московскаго университета въ день его основанія, 12-го января, вмѣстѣ быть въ 5 час. дня въ ресторанѣ Большой московской гостиницы съ главнаго подъезда. Билеты на обѣдъ по 6 руб. можно получать:» (слѣдуетъ перечисленіе мѣстъ, гдѣ можно получить билеты).

Но это обѣдъ не одинъ, такихъ обѣдовъ будетъ еще десятки, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ провинціи. 12-го января есть праздникъ старѣйшаго русскаго университета, есть праздникъ русскаго просвѣщенія. Цвѣтъ просвѣщенія празднуетъ свой праздникъ.

Казалось бы, что люди, стоящіе на двухъ крайнихъ предѣлахъ просвѣщенія, дикіе мужики и образованнѣйшіе люди Россіи: мужики, празднующіе Введеніе или Казанскую, и образованные люди, празднующіе праздникъ именно просвѣщенія, должны бы праздновать свои праздники совершенно различно. А между тѣмъ оказывается, что праздникъ самыхъ просвѣщенныхъ людей не отличается ничѣмъ, кромѣ внѣшней формы, отъ праздника самыхъ дикихъ людей. Мужики придираются къ Знаменью или Казанской безъ всякаго отношенія къ значенію праздника, чтобы ѣсть и пить; просвѣщенные придираются къ дню св. Татьяны, чтобы наѣстья, напиться безъ всякаго отношенія къ св. Татьянѣ. Мужики ѣдятъ студень и заишу, просвѣщенные — омары, сыры, потажи, филеи и т. п.; мужики пьютъ водку и пиво, просвѣщенные — напитки разныхъ сортовъ, и вина, водки, ликеры, сухія и крѣпкія, и слабыя, и горькія, и сладкія и бѣлыя, и красныя, и шампанскія. Утощеніе мужиковъ обходится отъ 20 коп. до 1 руб.; утощеніе просвѣщенныхъ обходится отъ 6-ти до 20-ти рублей съ человѣка. Мужики говорятъ о своей

любви къ кумовьямъ, и поютъ русскія пѣсни; просвѣщенные говорятъ о томъ, что они любятъ *alma-mater*, и заплетающимися языками поютъ бессмысленныя латинскія пѣсни. Мужики падаютъ въ грязь, а просвѣщенные на бархатные диваны. Мужиковъ разносятъ и растаскиваютъ по мѣстамъ жены и сыновья, а просвѣщенныхъ — посмѣивающіеся трезвые лакеи.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это ужасно! Ужасно то, что люди соящіе, по своему мнѣнію, на высшей степени человѣческаго образованія, не умѣютъ ничѣмъ инымъ ознаменовывать праздникъ просвѣщенія, какъ только тѣмъ, чтобы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сряду ѣсть, пить, курить и кричать всякую бессмыслицу; ужасно то, что старые люди, руководители молодыхъ людей, содѣйствуютъ отравленію ихъ алкоголемъ, такому отравленію, которое, подобно отравленію ртутью, никогда не проходитъ совершенно и оставляетъ слѣды на всю жизнь (сотни и сотни молодыхъ людей въ первый разъ мертвецы напивались и на вѣки испортились и развратились на этомъ праздникѣ просвѣщенія, поощряемые своими учителями): но ужаснѣе всего то, что люди, дѣлающіе все это, до такой степени затуманили себя самолюбіемъ, что уже не могутъ различать хорошее отъ дурного, нравственное отъ безнравственнаго. Эти люди такъ увѣрили себя въ томъ, что то состояніе, въ которомъ они находятся, есть состояніе просвѣщенія и образованія, а что просвѣщеніе и образованіе даетъ право на потворство всѣмъ своимъ слабостямъ, — такъ увѣрили себя въ этомъ, что не могутъ уже видѣть бревна въ своемъ глазу. Люди эти, предаваясь тому, что нельзя иначе называть какъ безобразное пьянство, среди этого безобразія радуются на самихъ себя и соблазняются о непросвѣщенномъ народѣ.

Всякая мать страдаетъ — не говорю — уже при видѣ пьянаго сына, но при одной мысли о такой возможности, всякій хозяинъ обѣгаетъ пьянаго работника, всякому неиспорченному человѣку стыдно за себя, что онъ былъ пьянъ. Всѣ знаютъ, что пьянство дурно. Но вотъ пьянствуютъ образованные, просвѣщенные люди, и они вполне

увѣрены, что тутъ не только нѣтъ ничего стыднаго и дурнаго, но что это очень мило, и съ удовольствіемъ и смѣхомъ пересказываютъ забавные эпизоды своего прошедшаго пьянства. Допло дѣло до того, что безобразнѣйшая оргія, въ которой спанваются юноши стариками, оргія, ежегодно повторяющаяся во имя образованія и просвѣщенія, никого не оскорбляетъ и никому не мѣшаетъ и во время пьянства и послѣ пьянства радоваться на свои возвышенныя чувства и мысли, и смѣло судить и цѣнить нравственность другихъ людей и въ особенности грубаго и невѣжественнаго народа.

Мужикъ, всякій, считаетъ себя виноватымъ, если онъ пьянъ, и проситъ у всѣхъ прощенія за свое пьянство. Не смотря на временное паденіе, въ немъ живо сознаніе хорошаго и дурнаго. Въ нашемъ обществѣ оно начинаетъ утрачиваться.

Ну, хорошо, вы привыкли это дѣлать и не можете отстать; ну, что-же, продолжайте, если ужъ никакъ не можете удержаться; но знайте только, что и 12-го, и 15-го, и 17-го января и февраля и всѣхъ мѣсяцевъ, это—стыдно и гадко, и, зная это, предавайтесь своимъ порочнымъ склонностямъ потихоньку, а не такъ, какъ вы теперь дѣлаете торжественно, путая и развращая молодежь и такъ называемую вами же вашу младшую братію. Не путайте молодежь ученіемъ о томъ, что есть какая-то другая гражданская нравственность, не состоящая въ воздержаніи, и какая-то другая гражданская безнравственность, не состоящая въ невоздержаніи. Всѣ знаютъ, и вы знаете, что прежде всякихъ другихъ гражданскихъ добродѣтелей нужно воздержаніе отъ пороковъ, что всякое невоздержаніе дурно, въ особенности же невоздержаніе въ винѣ—самое опасное, потому что убиваетъ совѣсть. Всѣ знаютъ это, и потому, прежде чѣмъ говорить о какихъ-нибудь возвышенныхъ чувствахъ и предметахъ, надо освободить себя отъ низкаго и дикаго порока пьянства, а не въ пьяномъ видѣ говорить о высокихъ чувствахъ. Такъ и не обманывайте себя и людей, главное—не обманывайте юношей; юноши чуютъ, что, участвуя

въ поддерживасмомъ вами дикомъ обычаѣ, они дѣлаютъ не то и теряютъ что то очень дорогое и невозвратимое.

И вы знаете это, знаете, что нѣтъ ничего лучше и важнѣе чистоты тѣлесной и духовной, которая теряется при пьянствѣ; вы знаете, что вся ваша риторика, съ вашей вѣчной *alma-mater*, васъ самихъ не трогаетъ даже и въ полпьяна, и что вамъ нечего дать юношамъ замѣнъ той ихъ невинности и чистоты, которыя они теряютъ, участвуя въ вашихъ безобразныхъ оргіяхъ. Такъ не развращайте ихъ и не путайте ихъ, а знайте, что какъ было Ною, какъ есть всякому мужику, такъ точно есть и будетъ всякому—стыдно не только напиться такъ, чтобы кричать, качать, становиться на столы и дѣлать всякія глупости, но стыдно даже и безъ всякой надобности, въ ознаменованіе праздника просвѣщенія, ѣсть вкусное и отуманивать себя алкоголемъ. Не развращайте юношей, не развращайте примѣромъ и окружающую васъ прислугу. Вѣдь сотни и сотни людей, которые служатъ вамъ, разносятъ вамъ вина и кушанья, развозятъ васъ по домамъ, вѣдь все это люди, и люди живые, для которыхъ также, какъ и для всѣхъ насъ, стоятъ самыя важныя вопросы жизни, что хорошо, что дурно. Чѣму примѣру слѣдовать? Вѣдь хорошо еще, что всѣ эти лакеи, извозчики, швейцары, русскіе деревенскіе люди, не считаютъ васъ тѣмъ, чѣмъ вы сами себя считаете и желали бы, чтобы другіе считали васъ—представителями просвѣщенія. Вѣдь если бы это было, они, глядя на васъ, разочаровались бы во всякомъ просвѣщеніи и презирали бы его, но и теперь, хотя и не считая васъ представителями просвѣщенія, они видятъ въ васъ все-таки ученыхъ господъ, которые все знаютъ и которымъ поэтому можно и должно подражать. И чѣму они, несчастные, научаются отъ васъ? Можно задать себѣ вопросъ!

Что сильнѣе, то ли просвѣщеніе, которое распространяется въ народѣ чтеніемъ публичныхъ лекцій и музеями, или та дикость, которая поддерживается и распространяется въ народѣ зрѣлищами такихъ празднествъ, какъ празднество 12-го января, празднуемое самими просвѣ-

щенными людьми Россіи? Я думаю, что если бы прекратились всё лекціи и музеи и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились бы такія празднества и обѣды, а кухарки, горничныя, извозчики и дворники передавали бы въ разговорахъ другъ-другу, что всё просвѣщенные люди, которымъ они служатъ, никогда не празднуютъ праздниковъ обѣденіемъ и пьянствомъ, а умѣютъ веселиться и бесѣдовать безъ вина, то просвѣщеніе ничего не потеряло бы. Пора понять, что просвѣщеніе распространяется не одними туманными и другими картинами, не однимъ устнымъ и печатнымъ словомъ, но заразительнымъ примѣромъ всей жизни людей, и что просвѣщеніе, не основанное на нравственной жизни, не было и никогда не будетъ просвѣщеніемъ, а будетъ всегда только затмѣніемъ и развращеніемъ.

Трудолюбіе, или торжество земледѣльца.

Въ потѣ липа твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишия въ землю, отъ нея же взять. Быт. III, 19.

Таково заглавіе и таковой эпиграфъ въ сочиненіи Тимоѣя Михайловича *Бондарева*. Сочиненіе это прочитано мною въ рукописи.

Трудъ Тимоѣя Михайловича Бондарева кажется мнѣ очень замѣчательнымъ и по силѣ, ясности, и по красотѣ языка, и по искренности убѣжденія, виднаго въ каждой строчкѣ, а главное, по важности, вѣрности и глубинѣ основной мысли.

Основная мысль этого сочиненія слѣдующая: во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ важно бываетъ не то, что именно хорошо и нужно знать, а то, что изъ всѣхъ хорошихъ и нужныхъ вещей, или дѣлъ, что есть самой первой важности, что второй, что третьей и т. д.

Если это важно въ житейскихъ дѣлахъ, то тѣмъ болѣе это важно въ дѣлѣ вѣры, опредѣляющей обязанности человека.

Tatianъ, учитель первыхъ временъ церкви, говоритъ, что несчастіе людей происходитъ не столько отъ того, что люди не знаютъ Бога, сколько отъ того, что люди признаютъ ложнаго Бога, считаютъ Богомъ не то, что есть Богъ. То же можно сказать и про ученіе объ обязанностяхъ людей. Несчастіе и зло людей происходятъ не столько отъ того что люди не знаютъ своихъ обязанностей, сколько отъ того, что они признаютъ ложныя обязанности, что они признаютъ свою обязанностью не

то, что есть ихъ обязанность, и не признаютъ своей обязанностью того, что и есть главная ихъ обязанность. Бондаревъ утверждаетъ, что несчастіе и зло людей произошло отъ того, что они признали своими религиозными обязанностями много пустыхъ и вредныхъ постановленій, а забыли и скрыли отъ себя и другихъ свою главную, первую, несомнѣнную обязанность, выраженную въ первой главѣ Св. Писанія: «въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой».

Для людей, вѣрующихъ въ святость и непогрѣшимость слова Божьяго, выраженнаго въ Библии, заповѣдь эта, данная самимъ Богомъ и нигдѣ не отмѣненная, есть достаточное доказательство ея истинности. Для людей же, не признающихъ Св. Писанія, значеніе и истинность этого положенія, если мы только безъ предубѣжденія будемъ разсматривать его, какъ простое, не сверхъестественное выраженіе человѣческой мудрости, доказывается обоснованіемъ условій жизни людей, какъ и дѣлаетъ это Бондаревъ въ своемъ сочиненіи.

Препятствіемъ къ такому обсужденію, къ сожалѣнію, служитъ то, что многіе изъ насъ такъ привыкли къ превратнымъ и бессмысленнымъ толкованіямъ словъ Св. Писанія, что одно упоминаніе о томъ, что извѣстное положеніе совпадаетъ со Св. Писаніемъ, уже служитъ поводомъ къ тому, чтобъ нѣкоторые съ недовѣріемъ относились къ такому положенію.

«Что для меня значитъ Св. Писаніе! мы знаемъ, что на немъ можно основать все, что хочешь».

Но это несправедливо: вѣдь Св. Писаніе не виновато въ томъ, что люди ложно толковали его, и человѣкъ, высказывающій истину, не виноватъ въ томъ, что онъ говоритъ ту самую истину, которая сказана въ Св. Писаніи.

Надо не забывать того, что если допустить, что то, что называется Св. Писаніемъ, есть произведеніе людей, то надо объяснить, почему именно это людское писаніе, а не какое-нибудь другое принято людьми за писаніе самого Бога. На это должна же быть какая-нибудь причина.

И причина эта ясна.

Если допустить, что Писаніе это есть произведеніе людей, то названо оно людьми Божиимъ именно потому, что оно выше всего того, что знали люди; и потому тоже, что Писаніе это, не смотря на то, что его постоянно отрицали нѣкоторые люди, дошло до насъ и продолжаетъ считаться божескимъ. Писаніе это названо божескимъ и дошло до насъ только потому, что въ немъ заключается высшая мудрость. И таково, дѣйствительно, Писаніе, низываемое Библией.

И таково въ этомъ Писаніи то забытое, пропущенное и непонятное въ его настоящемъ смыслѣ изреченіе которое Бондаревъ изъясняетъ и ставитъ въ главу угла.

Изреченіе это и первыя событія райской жизни, обыкновенно, понимаются въ прямомъ смыслѣ, именно въ томъ, что все дѣйствительно такъ было, какъ это описывается а между тѣмъ, смыслъ всего этого мѣста еще тотъ, что онъ въ образной формѣ представляетъ тѣ противрѣчивыя стремленія, которыя находятся въ человѣческой природѣ.

Человѣкъ боится смерти и подлечь ей; человѣкъ, не знающій добра и зла, кажется счастливымъ, но онъ неудержимо стремится къ этому познанію. Человѣкъ любитъ праздность и удовлетвореніе похотей безъ страданій и вмѣстѣ съ тѣмъ только трудъ и страданія даютъ жизнь ему и его роду.

Изреченіе это важно не только потому, что оно сказано Богомъ самому Адаму, а и потому, что оно истинно; оно утверждаетъ одинъ изъ несомнѣнныхъ законовъ человѣческой жизни. Законъ тяготѣнія не потому истиненъ, что онъ сказанъ Ньютономъ, а потому я знаю Ньютона и благодаренъ ему, что онъ открылъ мнѣ вѣчный законъ, освѣтившій для меня цѣлый рядъ явленій.

То же самое и съ закономъ: «въ потѣ лица снеси хлѣбъ твой». Это законъ, который разъясняетъ для меня цѣлый рядъ явленій. И разъ узнавъ его, я не могу уже его забыть и благодаренъ тому, кто мнѣ открылъ его.

Законъ этотъ кажется очень простымъ и давно извѣстнымъ, но это такъ только кажется, и, чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только оглянуться вокругъ себя.

Люди не только не признаютъ этого закона, но признаютъ какъ разъ обратное. Люди по своей вѣрѣ всё, отъ высшаго лица до низшаго, стремятся не къ тому, чтобы исполнить этотъ законъ, а къ тому, чтобы избѣгнуть исполненія. Разъясненію вѣчности, неизмѣняемости этого закона и г. избѣжности бѣдствій, вытекающихъ изъ отступленія отъ него, и посвящено вышеназванное сочиненіе Бондарева.

Бондаревъ называетъ этотъ законъ первороднымъ и главнымъ всѣхъ другихъ законовъ.

Бондаревъ доказываетъ, что грѣхъ (т. е. ошибки, ложные поступки) происходитъ только отъ отступленія отъ этого закона. Изъ всѣхъ положительныхъ обязанностей человѣка, Бондаревъ считаетъ главною, первою и неизмѣнною обязанностью каждаго человѣка, работать своими руками хлѣбъ, разумѣя подъ хлѣбомъ всю тяжелую, черную работу, нужную для спасенія человѣка отъ голодной и холодной смерти, т. е. и хлѣбъ, и питье, и одежду, и жилье, и топливо.

Основная мысль Бондарева та, что законъ этотъ (законъ о томъ, что человѣкъ, чтобы жить, долженъ работать), признаваемый до сихъ поръ какъ необходимость, долженъ быть признанъ какъ благой законъ жизни, обязательный для каждаго человѣка.

Законъ этотъ долженъ быть признанъ, какъ религіозный законъ, какъ соблюденіе субботы, обрѣзанія у Евреевъ, какъ исполненіе таинствъ, поста у церковныхъ христіанъ, какъ пятикратная молитва у магометанъ. Бондаревъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что если только люди признаютъ хлѣбный трудъ своею религіозною обязанностью, то никакія частныя особенныя занятія не могутъ помѣшать имъ исполнять это дѣло, какъ не могутъ никакія спеціальныя занятія помѣшать церковнымъ людямъ исполнять праздность своихъ праздниковъ. Праздниковъ насчитывается больше 80-ти, а для исполненія хлѣбной работы нужно, по расчету Бондарева, только 40 дней.

Какъ ни странно кажется сначала, чтобы такое простое, всѣмъ понятное, ничего не имѣющее хитраго и мудраго, средство могло бы служить спасеніемъ отъ существующихъ

неизчисленныхъ золъ челоѣчества; еще страннѣе, когда задумаешься въ это, покажется то, какъ можемъ мы, имѣя такое простое и ясное, давно всѣмъ извѣстное средство, ища являя его, искать излѣченія нашихъ золъ въ разныхъ остроостяхъ и мудростяхъ? А вдумайтесь въ дѣло и вы увидите, что это такъ.

Человѣкъ бы не вдѣлалъ дна въ кадущкѣ и придумалъ бы всѣ хитрыя средства, чтобы удержать въ ней воду. Это всѣ наши заботы объ излѣченіи существующихъ золъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отчего происходятъ бѣдствія людей, если исключить изъ числа бѣдствій тѣ, которыя люди прямо наносятъ другъ другу убійствами, казнями, островами, драками и всякими жестокостями, въ которыхъ они вѣшаютъ тѣмъ, что не воздерживаются отъ насилія? Всѣ бѣдствія людей, за исключеніемъ прямого насилія, происходятъ отъ голода, лишены всякаго рода, отягченія въ работѣ, и рядомъ съ этимъ отъ излишества, праздности и вызываемыхъ ими пороковъ. Какая же можетъ быть наиболѣе священная обязанность человѣка, какъ не та, чтобы содѣйствовать уничтоженію этого неравенства, этихъ бѣдствій нужды въ однихъ, и бѣдствій соблазновъ въ другихъ? И чѣмъ можетъ человѣкъ содѣйствовать уничтоженію этихъ бѣдствій, какъ не участіемъ въ трудѣ, покрывающемъ нужду людей, и удаленіемъ отъ себя излишествъ и праздности, производящихъ пороки и соблазны, т. е. не тѣмъ, чтобы каждому работать хлѣбный трудъ, кормиться своими руками, какъ говоритъ Бондаревъ.

Мы такъ запутались, наставивъ себя столько законовъ и религіозныхъ, и общественныхъ, и семейныхъ, столько правилъ, какъ говоритъ Исаія: правило на правило, правило здѣсь, правило тамъ, что потеряли совершенно смыслъ того, что хорошо и что дурно.

Человѣкъ служитъ обѣдню, другой собираетъ войско, или подати на него, третій судитъ, четвертый изучаетъ книги, пятый льститъ, шестой учитъ людей, и подъ этими предлогами, освобождая себя отъ хлѣбнаго труда, наваливаетъ его на другихъ и забываетъ то, что люди мрутъ

отъ напряженія, труда и голода, и что для того, чтобы было пѣтъ кому обѣдню, кого защищать войскомъ, кого судить, кого лѣчить, учить, надо, чтобы, прежде всего этого, люди не мерли съ голоду. Мы забываемъ то, что много можетъ быть обязанностей, но что изъ всѣхъ ихъ есть первая и есть послѣдняя, и что нельзя исполнять послѣднюю, не исполнивъ первую, какъ нельзя бороновать, не пахавши.

Вотъ къ этой первой несомнѣнной обязанности въ области практической дѣятельности и возвращаетъ насъ ученіе Бондарева. Бондаревъ показываетъ, что исполненіе этой обязанности не мѣшаетъ ничему, не представляетъ никакихъ препятствій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спасаетъ людей отъ бѣдствій нужды и соблазна. Исполненіе этой обязанности, прежде всего уничтожаетъ то страшное раздѣленіе на два класса, ненавидящихъ другъ друга и ласкательствомъ прикрывающихъ свою взаимную ненависть. Хлѣбный трудъ, говоритъ Бондаревъ, сравниваетъ всѣхъ и подѣляетъ крылья рокоши и похоти.

Нельзя пахать и копать колодцы въ дорогихъ платьяхъ и съ чистыми руками и питаясь утонченными кушаньями. Занятіе однимъ, общимъ всѣмъ людямъ, святымъ дѣломъ сблизитъ людей. Хлѣбный трудъ, говоритъ Бондаревъ, дастъ разумъ тѣмъ, которые потеряли его, удалившись отъ свойственной человѣку жизни, и дастъ счастье и довольство людямъ, имѣющимъ несомнѣнно полезное и радостное, назначенное самимъ Богомъ, или законами природы, дѣло.

Хлѣбный трудъ, говоритъ Бондаревъ, есть лѣкарство, спасающее человѣчество. Признай люди этотъ первородный законъ законамъ Божескимъ и неизмѣннымъ, признай каждый своей неотмѣнной обязанностью хлѣбный трудъ, т. е. то, чтобы самому кормиться своими трудами, и люди всѣ соединятся въ вѣрѣ въ одного Бога, въ любви къ другъ-другу и уничтожатся бѣдствія, удручающія людей.

Мы такъ привыкли къ порядку жизни, признающему обратное, именно то, что богатство, средство не работать хлѣбный трудъ, есть или благословеніе Божіе, или высшее

общественное положеніе, что намъ такъ и хочется, не разбирая этого положенія, признать его узкимъ, одностороннимъ, пустымъ, глухимъ. Но надо серьезно разобрать дѣло и обсудить это положеніе, справедливо ли оно?

Обсуживаемъ-же мы всякаго рода и религіозныя и политическія теоріи. Обсудимъ и теорію Бондарева, какъ теорію. Посмотримъ, что будетъ, если, по мысли Бондарева, проповѣдь религіозная направитъ свои силы на разъясненіе этого закона, и всѣ люди признаютъ священный первородный законъ труда.

Всѣ будутъ работать и ѣсть хлѣбъ своихъ трудовъ, и хлѣбъ и предметы первой необходимости не будутъ предметами купли и продажи.

Что будетъ тогда?

Будетъ то, что не будетъ людей, гибнущихъ отъ нужды. Если одинъ человѣкъ, вслѣдствіе несчастныхъ случайностей, не заработаетъ достаточно для своего и своей семьи корму, другой человѣкъ, вслѣдствіе благоприятныхъ условий, приобрѣтши лишнее, дастъ неимущему. Дастъ уже потому, что дѣвать ему хлѣба больше некуда, такъ какъ онъ не продается. Будетъ то, что человѣкъ не будетъ имѣть соблазна необходимости хитростью, или насильемъ приобрести хлѣбъ. И, не имѣя этого соблазна, онъ не будетъ употреблять насилія или хитрости. Ему не нужно уже это будетъ, какъ это ему нужно теперь.

Если онъ употребитъ хитрость, или насиліе, то уже только потому, что онъ любитъ хитрость и насиліе, а не потому, что они ему необходимы, какъ теперь.

Для слабыхъ же, тѣхъ, которые не въ силахъ почему-нибудь заработать свой хлѣбъ, или которые почему-нибудь потеряли его, тоже не будетъ нужды продавать себя, свой трудъ и иногда свою душу для приобретенія хлѣба.

Не будетъ того тенерешняго стремленія всѣхъ, избавиться себя отъ хлѣбнаго труда и наложить его на другихъ, — стремленія задавить слабыхъ работою и освободить сильныхъ отъ всякой работы.

Не будетъ того настроенія мысли человѣческой, по которому всѣ усилія человѣческаго ума направляются не на

то, чтобы облегчить трудъ трудящихся, а облегчить и украсить праздность празднующихъ. Участіе всѣхъ въ хлѣбномъ трудѣ и признаніе его головой всякихъ дѣлъ людскихъ дѣлаетъ то, что сдѣлать бы челобѣтъ съ телѣгою, которую глупые люди везли бы вверхъ колесами, когда бы онъ перевернулъ ее и поставилъ бы на колеса. И не сломаешь телѣгу, и пойдетъ она легко.

А наша жизнь съ презрѣніемъ и отрицаніемъ хлѣбнаго труда, и наши поправки этой ложной жизни — это телѣга, которую мы веземъ вверхъ колесами. И всѣ наши поправки этого дѣла не попользуютъ, пока не повернемъ телѣгу и не поставимъ ее, какъ ей стоять должно.

Такова, вполне раздѣляемая мною, мысль Бондарева.

Мысль его представляется мнѣ еще и такъ: было время, когда люди бѣли другъ друга. Сознаніе единства всѣхъ людей развилось до того, что это стало людямъ невозможно, и они перестали бѣлить другъ друга. Потомъ было время, что люди силою отнимали трудъ другихъ и обращали людей въ рабство. Сознаніе людей развилось до того, что это стало невозможно. Насиліе, удержавшись въ скрытыхъ формахъ, уничтожилось въ своемъ грубомъ проявленіи: челобѣтъ уже не завладѣваетъ прямо трудомъ другого. Въ наше время существуетъ та форма насилія, что люди, пользуясь нуждою другихъ, покоряютъ ихъ себѣ. По мысли Бондарева, теперь наступаетъ время того сознанія единства людей, что людямъ сдѣлается невозможнымъ пользоваться нуждою, т. е. голодомъ и холодомъ другихъ для покоренія ихъ себѣ, и что для этого люди, признавъ обязательнымъ законъ хлѣбнаго труда для каждаго, признаютъ своею обязанностью безусловно, безъ продажи предметовъ первой необходимости, въ случаѣ нужды, кормить и одѣвать, и согрѣвать другъ друга.

Еще съ другой стороны я смотрю на это сочиненіе Бондарева такъ: часто приходится слышать сужденія о томъ, что недостаточно однихъ отрицательныхъ законовъ или заповѣдей, т. е. правилъ о томъ, чего не должно дѣлать. Говорятъ: нужны положительные законы, или заповѣди, нужны правила, что именно должно дѣлать. Говорятъ, что

пять заповѣдей Христа: 1) не считать никого ничтожнымъ, или безумнымъ и не гнѣваться ни на кого; 2) не смотрѣть на совокупленіе, какъ на предметъ удовольствія, не покидать того супруга, или той супруги, съ которыми разъ сошелся; 3) никому ни въ чемъ не клясться, не связывать своей воли; 4) переносить обиды и насилія и не противиться имъ насиліемъ, и 5) не считать никакихъ людей врагами, а любить враговъ такъ же, какъ и близкихъ, — говорятъ, что эти пять заповѣдей Христа всѣ предписываютъ только то, чего не должно дѣлать, а нѣтъ заповѣди, или закона, предписывающаго, что именно должно дѣлать.

И дѣйствительно, можетъ показаться страннымъ, почему нѣтъ въ ученіи Христа такихъ же опредѣленныхъ заповѣдей о томъ, что именно должно дѣлать. Но это можетъ казаться страннымъ только тому, кто не вѣритъ въ самое ученіе Христа, заключающееся не въ 5 заповѣдяхъ, а въ самомъ ученіи истины.

Ученіе истины, выраженное Христомъ, не находится въ законахъ и заповѣдяхъ, оно находится въ одномъ — въ смыслѣ, придаваемомъ жизни. Смыслъ этого ученія въ одномъ въ томъ, что жизнь и благо жизни не въ личномъ счастьи, какъ это думаютъ люди, а въ служеніи Богу и людямъ. И это положеніе не есть предписаніе, которое должно исполнять для полученія за исполненіе награды, не есть мистическое выраженіе чего-то таинственнаго и непонятнаго, а есть откровеніе скрытаго прежде закона жизни, есть указаніе того, что жизнь можетъ быть благомъ только при такомъ пониманіи жизни. И потому все положительное ученіе истины Христа выражено въ одномъ: любви Бога и ближняго, какъ самого себя. И никакихъ разъясненій этого положенія быть не можетъ. Оно одно, потому что оно все. Законъ и заповѣди Христа, какъ законы и заповѣди іудейскіе и буддійскіе, суть только указанія тѣхъ случаевъ, въ которыхъ соблазны міра отвлекаютъ людей отъ истиннаго пониманія жизни. И потому законовъ и заповѣдей можетъ быть много; ученіе же по-

дожителное о жизни, о томъ, что должно дѣлать, можетъ быть только одно.

Жизнь каждаго человѣка есть движеніе куда-то; хочетъ—не хочетъ, онъ движется, живетъ. Христось указываетъ человѣку его путь, и при томъ показываетъ тѣ поворотки съ истиннаго пути, которыя могутъ свести его на ложный; и такихъ указаній можетъ быть много; это заповѣди.

Христось даетъ пять такихъ заповѣдей, и тѣ, которыя онъ далъ, таковы, что до сихъ поръ нельзя ни прибавить, ни откинуть ни одной. Но указаніе направленія пути дано только одно, какъ не можетъ быть больше одной прямой, показывающей направленіе.

Поэтому мысль о томъ, что въ ученіи Христа есть только отрицательныя заповѣди, а нѣтъ положительныхъ, справедлива для тѣхъ только, которые не знаютъ или не вѣрятъ въ самое ученіе истины, въ самое направленіе истиннаго пути жизни, указаннаго Христомъ. Люди же вѣрующіе въ истинность пути жизни, указаннаго Христомъ, не могутъ искать положительныхъ заповѣдей въ ученіи Христа. Вся положительная дѣятельность, самая разнообразная, вытекающая изъ ученія объ истинномъ пути жизни, ясна и всегда несомнѣнно опредѣлена для нихъ.

Люди, вѣрующіе въ путь жизни, подобны, по изреченію Христа, источнику воды живой, т. е. бьющему изъ земли источнику. Вся ихъ дѣятельность подобна теченію воды, которая течетъ всюду, вездѣ, не смотря на препятствія, задерживающія ее. Человѣкъ, вѣрующій въ ученіе Христа, такъ же мало можетъ спрашивать, что ему положительнаго дѣлать, какъ не можетъ этого спрашивать источникъ воды, бьющей изъ земли. Онъ течетъ, напоая землю, траву, деревья, птицъ, животныхъ, людей. То же дѣлаетъ и человѣкъ, вѣрующій въ ученіе Христа о жизни.

Человѣкъ, вѣрующій ученію Христа, не будетъ спрашивать, что ему дѣлать. Любовь, которая станетъ силой его жизни, вѣрно и несомнѣнно укажетъ ему, гдѣ и что прежде и что послѣ дѣлать.

Не говоря уже о тѣхъ указаніяхъ, которыми переполнено ученіе Христа о томъ, что первое и самое настоятельное дѣло любви въ томъ, чтобы накормить алчущаго, напоить жаждущаго, одѣть голаго, помочь бѣдному и заключенному, — и разумъ, и совѣсть, и чувство, все влечетъ насъ къ тому, чтобы, прежде всѣхъ другихъ дѣлъ любви къ живымъ людямъ, поддерживать эту жизнь братьевъ своихъ, избавлять ихъ отъ страданій и смерти, которыя и постигаютъ въ ихъ непосильной борьбѣ съ природой, т. е. влечетъ насъ къ первому, нужному для жизни людей, дѣлу къ самому первому, грубому, тяжелому труду на землѣ.

Какъ источникъ воды не можетъ спрашивать, куда ему послать свою воду, вверхъ или брызгать на траву и листья деревьевъ, или внизъ къ корнямъ травъ и деревьевъ, такъ точно человѣкъ, вѣрующій ученію истины, не можетъ спрашивать, что ему нужно прежде дѣлать: поучать ли людей, защищать ихъ, забавлять ихъ, давать имъ пріятности жизни, или поддерживать ихъ, гибнущихъ отъ нужды жизни. И точно также, какъ источникъ течетъ на поверхности и наполняетъ пруды, напоаяетъ животныхъ и людей только послѣ того, какъ онъ напоилъ землю, точно также и человѣкъ, вѣрующій ученію истины, можетъ содѣйствовать менѣе настоящимъ потребностямъ людей только послѣ того, какъ удовлетворилъ первой потребности, т. е., когда онъ содѣйствовалъ прокормленію людей, избавленію ихъ отъ гибели, вслѣдствіе борьбы съ нуждой. Человѣкъ, исповѣдающій не на словахъ, а на дѣлѣ ученіе истины и любви, не можетъ ошибиться въ томъ, куда онъ долженъ прежде всего направить свою дѣятельность. Никогда человѣкъ, полагающій смыслъ своей жизни въ служеніи другимъ, не можетъ ошибиться такъ, чтобы начать служить голодному и холодному человечеству отливаніемъ пушекъ, дѣланіемъ изящныхъ предметовъ, или игрой на скрипкѣ, или на фортепьяно.

Любовь не можетъ быть глуша.

Какъ любовь къ одному человѣку не позволить читать романы голодному, или навѣшивать дорогія серьги холодному, такъ и любовь къ людямъ не можетъ допустить того, чтобы можно было служить имъ тѣмъ, чтобы веселить сытыхъ, оставляя умирать отъ нужды холодныхъ и голодныхъ.

Любовь истинная — не на словахъ, а на дѣлѣ — не только не можетъ быть глупа, но только одна любовь даетъ истинную проницательность и мудрость.

И потому человѣкъ, проникнутый любовью, не ошибется и будетъ всегда прежде дѣлать то, чего прежде всего требуетъ любовь въ людяхъ, — то, что поддерживаетъ жизнь голодныхъ, холодныхъ и удрученныхъ, а поддерживаетъ жизнь голодныхъ, холодныхъ и удрученныхъ борьба, прямая борьба съ природой.

Только тотъ, кто хочетъ обмануть себя и другихъ можетъ во время опасности и борьбы людей съ нуждою отстраняться отъ помощи, увеличивать нужду людей и увѣрять себя и тѣхъ, которые гибнутъ на его глазахъ, что онъ занятъ, или придумываетъ для нихъ средства спасенія.

Ни одинъ искренній человѣкъ, полагающій свою жизнь въ служеніи другимъ, не скажетъ это. И если онъ скажетъ это, то никогда въ своей совѣсти онъ не найдетъ подтвержденія своему обману, онъ найдетъ его только въ коварномъ ученіи о раздѣленіи труда. Во всѣхъ же выраженіяхъ истинной мудрости людской онъ найдетъ одно, найдетъ это съ особенною силою въ Евангелии, найдетъ требованіе служенія людямъ не по теоріи раздѣленія труда, а самымъ простымъ, естественнымъ и единственно нужнымъ способомъ, найдетъ требованіе служенія больнымъ, заключеннымъ, голоднымъ и холоднымъ. А оказать помощь больнымъ, заключеннымъ, голоднымъ и холоднымъ нельзя иначе, какъ своимъ непосредственнымъ, сейчаснымъ трудомъ, потому что больные, голодные и холодные не ждутъ, а умираютъ отъ голода и холода.

Человѣку, исповѣдающему ученіе истины, самая его жизнь, состоящая въ служеніи другимъ, укажетъ на тотъ

самый первородный законъ, который выраженъ въ первой книгѣ Бытія: «въ потѣ лица съѣси хлѣбъ твой», который Бондаревъ называетъ первороднымъ и выставляетъ положительнымъ.

Законъ этотъ, дѣйствительно, таковъ для людей, не признающихъ того смысла жизни, который открытъ людямъ Христомъ, и таковъ онъ былъ для людей до Христа, и такимъ онъ останется для людей, не признающихъ ученія Христа. Онъ требуетъ того, чтобы каждый, по волѣ Бога, выраженной и въ Библии и въ разумѣ, кормился своимъ трудомъ. Законъ этотъ положительный. Таковъ этотъ законъ до тѣхъ поръ, пока людямъ не открытъ смыслъ жизни людей въ ученіи истины.

Но, съ высшимъ сознаниемъ смысла жизни, открытаго Христомъ, закономъ о хлѣбномъ трудѣ, оставаясь столь же истиннымъ, становится уже частью единого положительнаго ученія Христа о служеніи людямъ, и получаетъ значеніе уже не положительнаго, но отрицательнаго закона. Законъ этотъ при христіанскомъ сознаніи указываетъ только на старый соблазнъ людей, на то, чего не долженъ дѣлать человѣкъ для того, чтобы не сойти съ пути истинной жизни.

Для ветхозавѣтнаго, не признающаго ученія истины, человѣка законъ этотъ имѣетъ такой смыслъ: работай своими руками хлѣбъ. Для христіанина же значеніе его отрицательное. Законъ этотъ говорить: не полагай возможнымъ служить людямъ, поглощая чужіе труды и не работая самъ себя пропитанія своими руками.

Законъ этотъ для христіанина есть указаніе на одинъ изъ древнѣйшихъ и страшнѣйшихъ соблазновъ, отъ котораго страдаютъ люди. Противъ этого-то соблазна, страшнаго по своимъ послѣдствіямъ и столь стараго, что мы съ трудомъ можемъ признать этотъ соблазнъ не естественнымъ свойствомъ человѣка, а обманомъ, и направлено это ученіе Бондарева, — ученіе, одинаково обязательное и для вѣрующаго въ Писаніе ветхозавѣтнаго человѣка, и вѣрующаго въ Писаніе христіанина, и невѣрующаго.

шаго въ Писаніи человѣка, слѣдующаго одному здравому смыслу.

Я бы многое могъ и многое хочется мнѣ написать, чтобы доказать истинность этого положенія и опровергнуть тѣ разнообразныя и сложныя доводы противъ него, которые на устахъ каждаго изъ насъ: мы знаемъ, что мы виноваты и потому всегда готовы съ оправданіемъ. Но сколько бы я ни писалъ, какъ бы хорошо ни писалъ, какъ бы я ни былъ логически правъ, я не убѣжду читателя, если онъ будетъ бороться своимъ разсудкомъ противъ моего, и сердце его будетъ оставаться холодно.

И потому я прошу тебя, читатель, хоть на время останови дѣятельность твоего ума, не спорь, не доказывай, а спроси только свое сердце. Кто бы ты ни былъ, какъ бы ни былъ одаренъ, какъ бы ты ни былъ добръ къ людямъ, окружающимъ тебя, въ какихъ бы ты ни былъ условіяхъ, можешь ли ты быть спокоенъ за своимъ чаемъ, обѣдомъ, за своимъ государственнымъ, художественнымъ, ученымъ, врачебнымъ, учительскимъ дѣломъ, когда ты слышишь или видишь у своего крыльца голоднаго, холоднаго, больнаго, измученнаго человѣка? Нѣтъ. А, вѣдь, они всегда тутъ, не у крыльца, такъ за 10 сажень, за 10 верстъ. Они есть, и ты знаешь это.

И ты не можешь быть спокоенъ, не можешь имѣть радости, не отравленной этимъ. Чтобы тебѣ не видать ихъ у крыльца, тебѣ надо отгородиться отъ нихъ, отвадить ихъ отъ себя своею холодною, или уфхатъ куда-нибудь, гдѣ ихъ нѣтъ. Но они вездѣ есть.

А если бы и нашлось мѣсто, гдѣ бы ты не видалъ ихъ, то отъ сознанія истины нигуда не уйдешь. Какъ же быть?

Ты самъ это знаешь, и ученіе истины говоритъ это тебѣ.

Спустиись до низу (до того, что тебѣ кажется низомъ, но что есть верхъ), встань рядомъ съ тѣми, которые кормятъ голодныхъ, одѣваютъ холодныхъ; не бойся ничего: хуже не будетъ, а будетъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Стань въ рядъ, возмись неумѣлыми, слабыми руками за

то первое дѣло, которое кормитъ голодныхъ, одѣваетъ холодныхъ — за хлѣбный трудъ, за борьбу съ природой, и ты почувствуешь въ первый разъ ту твердую почву подъ ногами, почувствуешь то, что ты дома, что тебѣ свободно, прочно, идти больше некуда, и ты испытываешь тѣ цѣльныя неотравленныя радости, которыхъ ты не найдешь нигдѣ, ни за какими дверями, ни за какими гардинами.

Ты узнаешь радости, какихъ ты не знаешь; ты узнаешь въ первый разъ тѣхъ простыхъ сильныхъ людей, твоихъ братьевъ, которые вдалекѣ отъ тебя, до сихъ поръ кормили тебя, и ты, къ удивленію своему, увидишь въ нихъ такія доблести, которыхъ ты не зналъ прежде, ты увидишь въ нихъ такую скромность, такую доброту къ тебѣ именно, которыхъ ты почувствуешь, ты не заслужи- ваешь.

Вмѣсто презрѣнія, насмѣшки, которыхъ ты ожидалъ, ты увидишь такую ласку, такую благодарность, уваженіе къ тебѣ за то, что ты послѣ того, какъ всю свою жизнь жилъ ими и презиралъ ихъ, что ты вдругъ опомнился и неумѣлыми руками хочешь помочь имъ.

Ты увидишь, что то, что казалось тебѣ островкомъ, на которомъ ты сидѣлъ, спасаясь отъ заливающаго тебя моря, что этотъ-то островокъ есть болото, въ которомъ ты топалъ, а что то море, котораго боялся, что это-то и есть суша, по которой ты пойдешь твердо, спокойно, радостно, какъ и не можетъ быть иначе, потому что изъ обмана, въ который ты не самъ вошелъ, тебя завели, ты выберешься въ истину, отъ уклоненія отъ воли Бога ты перейдешь къ ея исполненію.

ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ОДУРМАНИВАЮТСЯ?

I.

Что такое употребление одурманивающихъ веществъ — водки, вина, пива, гашиша, опиума, табака и другихъ, менѣе распространенныхъ: эфира, морфина, мухомора? Отчего оно началось и такъ быстро распространилось и распространяется между всякаго рода людьми, дикими и цивилизованными одинаково? Что такое значить то, что вездѣ, гдѣ только не водка, вино, пиво, тамъ опиумъ или гашишь, мухоморъ и друг. и табакъ вездѣ.

Зачѣмъ людямъ нужно одурманиваться?

Спросите у человѣка, зачѣмъ онъ началъ пить вино и пить. Онъ отвѣтитъ вамъ: «такъ, приятно, всѣ пьютъ», да еще прибавитъ: «для веселья». Нѣкоторые же, тѣ, которые ни разу не дали себѣ труда подумать о томъ, хорошо или дурно то, что они пьютъ вино, прибавятъ еще то, что вино здорово, даетъ силы, т. е. скажутъ то, несправедливость чего давнымъ давно уже доказана.

Спросите у курильщика, зачѣмъ онъ началъ курить табакъ и курить теперь, и онъ отвѣтитъ тоже: «такъ, отъ скуки, всѣ курятъ».

Такъ же, вѣроятно, отвѣтятъ и потребители опиума, гашиша, морфина, мухомора.

«Такъ отъ скуки, для веселья, всѣ это дѣлаютъ». Но вѣдь это хорошо *такъ отъ скуки, для веселья*, оттого, что *всѣ это дѣлаютъ* — вертѣтъ пальцами, свистѣтъ, пѣтъ пѣсни, играть на дудкѣ и т. п., т. е. дѣлать что-нибудь такое, для чего не нужно ни губить природныхъ богатствъ, ни затрачивать большихъ рабочихъ силъ, дѣлать то, что

не приносить очевиднаго зла ни себѣ, ни другимъ. Но вѣдь для производства табака, вина, гашиша, опиума, часто среди населеній, нуждающихся въ землѣ, занимаются милліоны и милліоны лучшихъ земель посѣвами ражи, картофеля, конопли, мака, лозъ, табака, и милліоны рабочихъ — въ Англии $\frac{1}{8}$ всего населенія — заняты цѣлыя жизни производствомъ этихъ одурманивающихъ веществъ. Кроме того, употребленіе этихъ веществъ очевидно вредно, производитъ страшныя, всѣмъ извѣстныя и всѣми признаваемые, бѣдствія, отъ которыхъ гибнетъ больше людей, чѣмъ отъ всѣхъ войнъ и заразныхъ болѣзней вмѣстѣ. И люди знаютъ это; такъ что не можетъ быть, чтобы это дѣлалось *такъ отъ скуки, для веселья*, оттого только, *всѣ это дѣлаютъ*.

Тутъ должно быть что-нибудь другое. Безпрестанно и повсюду встрѣчаешь людей, любящихъ своихъ дѣтей, готовыхъ принести всякаго рода жертвы для ихъ блага и вмѣстѣ съ тѣмъ проживающихъ на водкѣ, винѣ, пивѣ, или прокуривающихъ на опиумѣ или гашишѣ и даже на табакѣ то, что или совсѣмъ прокормило бы бѣдствующихъ и голодающихъ дѣтей или, по крайней мѣрѣ, избавило бы ихъ отъ лишеній. Очевидно, что если человѣкъ, поставленный въ условія необходимости выбора между лишеніями и страданіями — своей семьи, которую онъ любить, и воздержаніемъ отъ одурманивающихъ веществъ, все-таки избираетъ первое, то побуждаетъ его къ этому что-нибудь болѣе важное, чѣмъ то, что *всѣ это дѣлаютъ*, и что это приятно. Очевидно, что дѣлается это не *такъ отъ скуки, для веселья*, а что есть тутъ какая-то болѣе важная причина.

Причина эта, насколько я умѣлъ понять ее изъ чтенія объ этомъ предметѣ и наблюденій надъ другими людьми и въ особенности надъ самимъ собой, когда я пилъ вино и курилъ табакъ, причина эта, по моимъ наблюденіямъ, слѣдующая:

Въ періодъ сознательной жизни человѣкъ часто можетъ замѣтить въ себѣ два раздѣльныя существа: одно — слѣпое, чувственное, и другое — зрячее, духовное. Слепое живот-

ное существо—ѣсть, пьеть, отдыхаетъ, спитъ, плодится и движется, какъ движется заведенная машина; зрячее духовное существо, связанное съ животнымъ, само ничего не дѣлаетъ, но только оцѣниваетъ дѣятельность животнаго существа тѣмъ, что совпадаетъ съ нимъ, когда не одобряетъ ее.

Зрячее существо это можно сравнить со стрѣлкою компаса, указывающею однимъ концомъ на Nord, другимъ на противоположный—Sud, и прикрытою по своему протяженію пластинкой, невидной до тѣхъ поръ, пока то, что несетъ на себѣ стрѣлку, движется по ея направленію, и выступающею и становящеюся видной какъ скоро то, что несетъ стрѣлку, отклоняется отъ указываемаго ею направленія.

Точно такъ же зрячее духовное существо, проявленіе котораго въ просторѣчии мы называемъ совѣстью, всегда показываетъ однимъ концомъ на добро, другимъ противоположнымъ на зло, и не видно намъ до тѣхъ поръ, пока мы не отклоняемся отъ даемаго имъ направленія, т. е. отъ зла къ добру. Но стоитъ только сдѣлать поступокъ, противный направленію совѣсти, и появляется сознание духовнаго существа, указывающее отклоненіе животной дѣятельности отъ направленія, указываемаго совѣстью. И какъ мореходъ не могъ бы продолжать работать веслами, машиной или парусами, зная, что онъ идетъ не туда, куда ему надо, до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ бы своему движению направленіе, соответствующее стрѣлкѣ компаса, или не скрылъ бы отъ себя ея отклоненіе, такъ точно и всякій человѣкъ, почувствовавъ раздвоеніе своей совѣсти съ животной дѣятельностью, не можетъ продолжать эту дѣятельность до тѣхъ поръ, пока или не приведетъ ее въ согласіе съ совѣстью, или не скроетъ отъ себя указаній совѣсти о неправильности животной жизни.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоитъ только изъ двухъ дѣятельностей: 1) приведеніе своей дѣятельности въ согласіе съ совѣстью и 2) скрыванія отъ себя

указаній своей совѣсти для возможности продолженія жизни.

Одни дѣлаютъ первое, другіе—второе. Для достиженія перваго есть одинъ только способъ: нравственное просвѣщеніе—увеличеніе въ себѣ свѣта, и вниманіе къ тому, что онъ освѣщаетъ; для втораго—для скрытія отъ себя указаній совѣсти—есть два способа: внѣшній и внутренній. Внѣшній способъ состоитъ въ занятіяхъ, отвлекающихъ вниманіе отъ указаній совѣсти; внутренній состоитъ въ затемненіи самой совѣсти.

Какъ можетъ человѣкъ скрыть отъ своего зрѣнія находящійся предъ нимъ предметъ двумя способами: внѣшнимъ отвлеченіемъ зрѣнія къ другимъ, болѣе поражающимъ предметамъ, и засореніемъ глазъ, такъ точно и указанія своей совѣсти человѣкъ можетъ скрыть отъ себя двоякимъ способомъ: внѣшнимъ—отвлеченіемъ вниманія всякаго рода занятіями, заботами, забавами, играми, и внутреннимъ—засореніемъ самого органа вниманія. Для людей съ тупымъ, ограниченнымъ нравственнымъ чувствомъ часто вполне достаточно внѣшнихъ отвлеченій для того, чтобы не видѣть указаній совѣсти о неправильности жизни. Но для людей нравственно чуткихъ, средствъ этихъ часто недостаточно.

Внѣшніе способы не вполне отвлекаютъ вниманіе отъ сознанія разлада жизни съ требованіями совѣсти; сознаніе это мѣшаетъ жить: и люди, чтобы имѣть возможность жить, прибѣгаютъ къ несомнѣнному внутреннему способу затемненія самой совѣсти, состоящему въ отравленіи мозга одуряющими веществами.

Жизнь не такова, какая бы она должна быть по требованіямъ совѣсти. Повернуть жизнь сообразно этимъ требованіямъ нѣтъ силъ. Развлеченія, которыя бы отвлекли отъ сознанія этого разлада, недостаточны или они прѣльсь, и вотъ для того, чтобы быть въ состояніи продолжать жить, не смотря на указанія совѣсти о неправильности жизни, люди отравляютъ, на время прекращая его дѣятельность, тотъ органъ черезъ который проявляются указанія совѣсти, такъ же, какъ человѣкъ, умыш-

ленно засорившій глаза, скрылъ бы отъ себя то, что онъ не хотѣлъ бы видѣть.

II.

Не во вкусѣ, не въ удовольствіи, не въ развлеченіи, не въ веселіи лежитъ причина всемірнаго распространенія гашиша, опиума, вина, табака, а только въ потребности скрыть отъ себя указанія совѣсти.

Иду я разъ по улицѣ и, проходя мимо разговаривающихъ извозчиковъ, слышу, одинъ говоритъ другому: «извѣстное дѣло—тверезовому совѣстно!»

Трезвому совѣстно то, что не совѣстно пьяному. Этими словами высказана существенная основная причина, по которой люди прибѣгаютъ къ одурманивающимъ веществамъ. Люди прибѣгаютъ къ нимъ или для того, чтобы не было совѣстно, послѣ того, какъ сдѣланъ поступокъ, противный совѣсти, или для того, чтобы впередъ привести себя въ состояніе, въ которомъ можно сдѣлать поступокъ, противный совѣсти, но къ которому влечетъ человѣка его животная природа.

Трезвому совѣстно вѣхать къ непотребнымъ женщинамъ, совѣстно украсть, совѣстно убить. Пьяному ничего этого не совѣстно, и потому, если человѣкъ хочетъ сдѣлать поступокъ, который совѣсть воспрещаетъ ему, онъ одурманивается.

Помню поразившее меня показаніе судившагося повара, убившаго мою родственницу, старую барыню, у которой онъ служилъ. Онъ рассказывалъ, что, когда онъ уснулъ свою любовницу горничную, и наступило время дѣйствовать, онъ пошелъ было съ ножомъ къ спальнѣ, но почувствовалъ, что трезвый не можетъ совершить задуманнаго дѣла... Трезвому совѣстно». Онъ вернулся, выпилъ два стакана припасенной впередъ водки и только тогда почувствовалъ себя готовымъ, и сдѣлалъ.

Деять десятихъ преступленій совершаются такъ: «Для смѣлости выпить!»

Половина паденій женщинъ происходитъ подъ вліяніемъ вина. Почти всѣ посѣщенія непотребныхъ домовъ совер-

шаются въ пьяномъ видѣ. Люди знаютъ это свойство вина заглушать голосъ совѣсти и сознательно употребляютъ его для этой цѣли.

Мало того, что люди сами одурманиваются, чтобы заглушить свою совѣсть, зная, какъ дѣйствуетъ вино, они, желая заставить другихъ людей сдѣлать поступокъ, противный ихъ совѣсти, нарочно одурманиваютъ ихъ, организуютъ одурманиваніе людей, чтобы лишить ихъ совѣсти. На войнѣ солдатъ напиваютъ пьяными всегда, когда приходится драться въ рукопашную. Всѣ французскіе солдаты на севастопольскихъ штурмахъ бывали напоенные пьяными.

Всѣмъ извѣстны люди, спившіеся съ круга, вслѣдствіе преступленій, мучившихъ ихъ совѣсть. Всѣ могутъ замѣтить, что безнравственно живущіе люди болѣе другихъ склонны къ одурманивающимъ веществамъ. Разбойничьи воровскіе шайки, проститутки—не живутъ безъ вина.

Всѣ знаютъ и признаютъ, что употребленіе одурманивающихъ веществъ бываетъ послѣдствіемъ укоровъ совѣсти; что при извѣстныхъ безнравственныхъ профессіяхъ одурманивающія вещества употребляются для заглушенія совѣсти. Всѣ также знаютъ и признаютъ, что употребленіе одурманивающихъ веществъ заглушаетъ совѣсть; что человѣкъ пьяный способенъ на поступки, о которыхъ онъ трезвый не рѣшился бы и подумать. Всѣ съ этимъ согласны, но странное дѣло!—когда слѣдствіемъ употребленія одурманивающихъ веществъ не являются такіе поступки, какъ воровство, убійство, насиліе и т. п.; когда одурманивающія вещества принимаются не вслѣдъ за какими-нибудь страшными преступленіями, а людьми профессій, которыя не считаются нами преступными, и когда вещества эти принимаются не сразу въ большемъ количествѣ, но постоянно въ умѣренномъ, то почему-то предполагается, что одурманивающія вещества уже не дѣйствуютъ на совѣсть, заглушая ее.

Такъ предполагается, что выпиваніе русскимъ достаточнымъ человѣкомъ ежедневно передъ каждою ѣдой по рюмкѣ водки и за ѣдой по стакану вина, французомъ

своей полынной настойки, англичаниномъ своего портвейна и портера, нѣмцемъ своего пива, а зажиточнымъ китайцемъ выкуриваніемъ своей умѣренной порціи опиума и куреніе при этомъ табаку дѣлается только для удовольствія и нисколько не вліяетъ на совѣсть людей.

Предполагается, что если послѣ этого обычнаго одурманиванія не совершено преступленіе, воровство, убійство, а извѣстные поступки, глупые и дурные, то эти поступки произошли сами собой и не вызваны одурманиваніемъ. Предполагается, что если этими людьми не совершено уголовнаго преступленія, то имъ и нѣтъ причинъ заглушать свою совѣсть, и что та жизнь, которую ведутъ люди, предающіеся постоянному одурманиванію себя, есть жизнь вполнѣ хорошая и была бы точно такою же, если бы люди эти не одурманивались. Предполагается, что постоянное употребленіе одурманивающихъ веществъ, нисколько не затемняетъ ихъ совѣсти,

Несмотря на то, что каждый по опыту знаетъ, что отъ употребленія вина и табаку настроеніе измѣняется и перестаетъ быть совѣстно то, что безъ возбужденія было бы совѣстно; что послѣ каждаго, хотя бы и мелкаго, укора совѣсти такъ и тянетъ къ какому-нибудь дурману; и что подъ вліяніемъ одурманивающихъ веществъ трудно обдумать свою жизнь и свое положеніе; и что постоянное и равномерное употребленіе одуряющихъ веществъ производитъ то же физиологическое дѣйствіе, какъ и одновременное неумѣренное, — людямъ умѣренно нюющимъ и курящимъ кажется, что они употребляютъ одурманивающія вещества совѣмъ не для заглушенія своей совѣсти, а только для вкуса и удовольствія.

Но стоитъ только серьезно и безпристрастно, не выгораживая себя, подумать объ этомъ, чтобы понять, что: во-первыхъ, если употребленіе одурманивающихъ веществъ сразу въ большихъ размѣрахъ заглушаетъ совѣсть человѣка, то постоянное употребленіе этихъ веществъ должно производить то же дѣйствіе, такъ какъ одурманивающія вещества дѣйствуютъ физиологически всегда одинаково, всегда возбуждая и потомъ притупляя дѣя-

тельность мозга, будутъ ли они приняты въ большихъ или малыхъ приемахъ; во-вторыхъ, что если одурманивающія вещества имѣютъ свойство заглушать совѣсть, то они имѣютъ его всегда и тогда, когда подъ вліяніемъ ихъ совершается убійство, воровство, насиліе, и когда подъ вліяніемъ ихъ говорится слово, которое не сказалось бы, думается и чувствуется то, что не думалось и не чувствовалось бы безъ нихъ, и въ третьихъ, что если потребленіе одурманивающихъ веществъ нужно для того, чтобы заглушить ихъ совѣсть ворами, разбойникамъ, проституткамъ, то оно точно также нужно людямъ, занимающимся профессіями, осуждаемыми ихъ совѣстью, хотя бы профессіи эти признавались законными и почетными другими людьми.

Однимъ словомъ, нельзя не понять того, что употребленіе одурманивающихъ веществъ въ большихъ или малыхъ размѣрахъ, періодически или постоянно, въ высшемъ или низшемъ кругу, вызывается одною и тою же причиною — потребностью заглушенія голоса совѣсти для того, чтобы не видать разлада жизни съ требованіями сознанія.

III.

Въ этомъ одномъ причина распространенія всѣхъ одуряющихъ веществъ и между другими табака, едва ли не самаго распространеннаго и самаго вреднаго.

Предполагается, что табакъ веселитъ, уясняетъ мысли, привлекаетъ къ себѣ только какъ всякая привычка, ни въ какомъ случаѣ не производя того дѣйствія заглушенія совѣсти, которое признается за виномъ. Но стоитъ только повнимательнѣе взглянуть въ условія, при которыхъ проявляется особенная потребность въ куреніи, для того, чтобы убѣдиться, что одурманеніе табакомъ точно такъ же, какъ и виномъ, дѣйствуетъ на совѣсть, и что люди сознательно прибѣгаютъ къ этому одурманенію особенно тогда, когда оно нужно имъ для этой цѣли. Если бы табакъ только уяснялъ мысли и веселилъ, не было бы этой страстной потребности въ немъ и потребности именно въ

известныхъ определенныхъ случаяхъ, и не говорили бы люди, что они готовы пробыть скорѣе безъ хлѣба, чѣмъ безъ табаку, и дѣйствительно часто не предпочитали бы куреніе пищи.

Тотъ поварь, который зарѣзалъ свою барыню, рассказывалъ, что когда онъ, войдя въ спальню, рѣзнулъ ее ножомъ по горлу, и она упала хрипя и кровь хлынула потокомъ, то онъ заробѣлъ. «Я не могъ дорѣзать», говорилъ онъ, «и вышелъ изъ спальни въ гостинную, сѣлъ тамъ и выкурилъ папироску». Только одурманившись табакомъ, онъ почувствовалъ себя въ силахъ вернуться въ спальню дорѣзать старуху и разобраться въ ея вещахъ.

Очевидно, потребность курить въ эту минуту была вызвана въ немъ не желаніемъ уяснить мысли или развеяться а необходимостью заглушить что-то, мѣшавшее ему додѣлать задуманное дѣло.

Такую определенную потребность къ одурманиванію себя табакомъ въ известные, самыя затруднительныя минуты, можетъ замѣтить въ себѣ всякій курящій. Вспоминаю за время своего куренія, когда я чувствовалъ особенную потребность въ табакѣ! Всегда это было въ такія минуты, когда мнѣ именно хотѣлось не помнить то, что я помнилъ — хотѣлось забыть, не думать. Спужу я одинъ, ничего не дѣлаю, знаю, что мнѣ надо начать работу, и не хочется. Я закуриваю и продолжаю сидѣть. Я обѣщаль кому-либо быть у него въ 5 часовъ, и засидѣлся въ другомъ мѣстѣ; я вспоминаю, что я опоздалъ, но мнѣ не хочется помнить это, и я курю. Я раздраженъ и говорю человѣку непріятное и знаю, что дѣлаю дурно и вижу, что надо перестать, но мнѣ хочется дать ходъ своему раздраженію, — я курю и продолжаю раздражаться. Я играю въ карты и проигрываю больше того, чѣмъ то, чѣмъ я хотѣлъ ограничиться, — я курю. Я поставилъ себя въ неловкое положеніе, я дурно поступилъ, ошибся, и мнѣ надо сознать свое положеніе, чтобы выйти изъ него, но не хочется сознаться, — я обвиняю другихъ и курю. Я пишу и не совсѣмъ доволенъ тѣмъ, что пишу. Надо бросить, не хочется дописать то, что задумалъ, —

я курю. Я спорю и вижу, что мы съ противникомъ не понимаемъ и не можемъ понять другъ друга; но хочется высказать свои мысли, — я продолжаю говорить и курю.

Особенность табака отъ другихъ одуряющихъ веществъ кромѣ легкости одурманиванія себя имъ и его кажущейся безвредности, заключается еще и въ его, такъ сказать, портативности, возможности прилагать его къ мелкимъ отдѣльнымъ случаямъ. Не говоря уже о томъ, что употребленіе опиума, вина, гашниша сопряжено съ нѣкоторыми приспособленіями, которыя не всегда можно имѣть, табакъ же и бумагу всегда можно имѣть съ собой, и о томъ, что курящій опиума, алкоголикъ — возбуждаетъ ужасъ, человѣкъ же, курящій табакъ, не представляетъ ничего отталкивающаго; преимущество табака передъ другими дурманами то, что дурманъ опиума, гашниша, вина распространяется на всѣ впечатлѣнія и дѣйствія, получаемыя и производимыя въ известный, довольно продолжительный періодъ времени, дурманъ же табака можетъ быть направленъ на каждый отдѣльный случай. Хочешь сдѣлать то, чего не слѣдуетъ, — выкуриваешь папироску, одурманиваешься настолько, насколько нужно, чтобы сдѣлать то, что не надо было, и опять свѣжъ и можешь ясно мыслить и говорить; или чувствуешь, что сдѣлалъ то, чего не слѣдовало, — опять папироска, и непріятное сознаніе дурного или неловкаго поступка уничтожено и можешь заняться другимъ и забыть.

Но не говоря о тѣхъ частныхъ случаяхъ, въ которыхъ всякій курящій прибѣгаетъ къ куренію, не какъ къ удовлетворенію привычки и препровожденію времени, а какъ къ средству заглушенія совѣсти для поступковъ, которые имѣютъ быть сдѣланы или уже сдѣланы, развѣ не очевидна та строгая определенная зависимость между образомъ жизни людей и ихъ пристрастіемъ къ куренію?

Когда начинаютъ курить мальчишки? — Почти всегда тогда же, когда они теряютъ дѣтскую невинность. Отчего люди курящіе могутъ переставать курить, какъ скоро становятся въ болѣе нравственныя условія жизни и опять начинаютъ курить, какъ только попадаютъ въ возвращен-

ную среду? Почему игроки почти всё курят? Почему изъ женщинъ меньше всего курятъ женщины, ведущія правильный образъ жизни? Почему проститутки и сумасшедшіе *всѣ* курятъ? Привычка привычкой, но очевидно, что куреніе находится въ опредѣленной зависимости отъ потребности заглушенія совѣсти, и что она достигаетъ этой своей цѣли.

Наблюденіе о томъ, до какой степени куреніе заглушаетъ голосъ совѣсти, можно сдѣлать надъ всякимъ почти курильщикомъ. Всякій курильщикъ, предаваясь своей страсти, забываетъ или пренебрегаетъ самыми первыми требованіями общежитія, котораго онъ требуетъ отъ другихъ и которое онъ соблюдаетъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, до тѣхъ поръ, пока совѣсть его не заглушена табакомъ. Всякій человѣкъ нашего средняго воспитанія признаетъ непозволительнымъ, неблаговоспитаннымъ, негуманнымъ—для своего удовольствія нарушать спокойствіе и удобство, а тѣмъ болѣе здоровье другихъ людей. Никто не позволитъ себѣ намочить комнату, въ которой сидятъ люди, шумѣть, кричать, напустить холоднаго, жаркаго или вонючаго воздуха, совершать поступки, мѣшающіе и вредящіе другимъ. Но изъ 1000 курильщиковъ ни одинъ не постѣсняется тѣмъ, чтобы напустить нездороваго дыму въ комнату, гдѣ дышатъ воздухомъ некурящія женщины, дѣти. Если закуривающіе и спрашиваютъ обыкновенно у присутствующихъ: «вамъ не неприятно?» то всѣ знаютъ, что принято отвѣчать: «сдѣлайте одолженіе» (не смотря на то, что некурящему не можетъ быть пріятно дышать зараженнымъ воздухомъ и находить вонючіе окурки въ стаканахъ, чашкахъ, тарелкахъ, на подсвѣчникахъ или даже въ пепельницахъ). Но если бы даже некурящіе взрослые и переносили табакъ, то дѣтямъ-то, у которыхъ никто не спрашиваетъ, — никакъ не можетъ быть это пріятно и полезно. А между тѣмъ люди честные, гуманные во всѣхъ другихъ отношеніяхъ курятъ при дѣтяхъ, за обѣдомъ, въ маленькихъ комнатахъ, заражая воздухъ табачнымъ дымомъ, не чувствуя при этомъ ни малѣйшаго укора совѣсти.

Обыкновенно говорятъ, и я говорилъ, что куреніе содѣйствуетъ умственной работѣ. И несомнѣнно, что это такъ, если смотрѣть только на количество умственной работы. Человѣку курящему и потому перестающему строго оцѣнивать и взвѣшивать свои мысли, кажется, что у него вдругъ сдѣлалось много мыслей. Но это совсѣмъ не то, что у него сдѣлалось много мыслей, а только то, что онъ потерялъ контроль надъ своими мыслями.

Когда человѣкъ работаетъ, онъ всегда сознаетъ въ себѣ два существа: одного работающаго, другого оцѣнивающаго работу. Чѣмъ строже оцѣнка, тѣмъ медленнѣе и лучше работа, и наоборотъ. Если же оцѣнивающий будетъ находиться подъ влияніемъ дурмана, то работы будетъ болѣе, но качество ея будетъ ниже.

«Если я не курю, я не могу писать. Мнѣ не пишется, я начинаю и не могу продолжать», говорятъ обыкновенно, говорилъ и я: Что же это значитъ? А то, что тебѣ или нечего писать, или то, что то, что ты сейчасъ хочешь уже написать, еще не созрѣло въ твоемъ сознаніи, а только смутно начинаетъ представляться тебѣ, и оцѣнивающей живущій въ тебѣ критикъ, не одурманенный табакомъ, говоритъ тебѣ это. Если бы ты не курилъ, ты или оставилъ бы начатое и подождалъ времени, когда то, о чемъ ты думаешь, уяснилось бы тебѣ, ты постарался бы вдуматься въ то, что смутно представляется тебѣ, обдумалъ бы представляющіяся возраженія и напрягъ бы все свое вниманіе на уясненіе себѣ своей мысли. Но ты закуриваешь, сидящій въ тебѣ критикъ одурманивается, и задержка въ твоей работѣ устраняется: то, что тебѣ трезвому отъ табаку казалось ничтожнымъ, представляется опять значительнымъ; то, что казалось неяснымъ, уже не представляется такимъ; представлявшіяся тебѣ возраженія скрываются, и ты продолжаешь писать, и пишешь много и быстро.

IV.

«Но неужели такое малое, крошечное измѣненіе, какъ легкій хмѣль, производимый умѣреннымъ употребленіемъ

вина и табаку, можетъ производить какія-либо значительныя послѣдствія? Понятно, что если человѣкъ накуривается опиума, гашиша, напивается вина такъ, что падаетъ и теряетъ разсудокъ, то послѣдствія такого одурманенія могутъ быть очень важны; но то, что человѣкъ находится подъ самымъ легкимъ дѣйствіемъ хмѣля или табаку, никакъ не можетъ имѣть никакихъ важныхъ послѣдствій», говорятъ обыкновенно. Людямъ кажется, что маленькій дурманъ, маленькое затменіе сознанія не можетъ производить важнаго вліянія. Но думать такъ—все равно, что думать то, что часамъ можетъ быть вредно то, чтобы ударить ихъ о камень, но что если положить соринку въ середину ихъ хода, то это не можетъ повредить имъ.

Вѣдь главная работа, двигающая всей жизнью людскою, происходитъ не въ движеніи рукъ, ногъ, спинъ человѣческихъ, а въ сознаніи. Для того, чтобы человѣкъ совершилъ что-нибудь ногами и руками, нужно, чтобы прежде совершилось извѣстное измѣненіе въ его сознаніи. И это-то измѣненіе опредѣляетъ всѣ послѣдующія дѣйствія человѣка. Измѣненія же эти всегда бываютъ крошечныя, почти незамѣтныя.

Брюловъ поправилъ ученику этюдъ. Ученикъ, взглянувъ на измѣнившійся этюдъ, сказалъ: «Вотъ чуть-чуть тронули этюдъ, а совсѣмъ сталъ другой». Брюловъ отвѣтилъ: «Искусство только тамъ и начинается, гдѣ начинается *чуть-чуть*».

Изрѣченіе это поразительно вѣрно и не по отношенію къ одному искусству, но и ко всей жизни. Можно сказать, что истинная жизнь начинается тамъ, гдѣ начинается чуть-чуть, тамъ, гдѣ происходятъ кажущіяся намъ чуть-чуточными, безконечно-малыя измѣненія. Истинная жизнь происходитъ не тамъ, гдѣ совершаются большія вышнія измѣненія, гдѣ передвигаются, сталкиваются, дерутся, убиваютъ другъ друга люди, а она происходитъ только тамъ, гдѣ совершаются чуть-чуточныя дифференціальныя измѣненія.

Истинная жизнь Раскольникова совершалась не тогда, когда онъ убивалъ старуху или сестру ея. Убивая самую старуху и въ особенности сестру ея, онъ не жилъ истинной жизнью, а дѣйствовалъ, какъ машина, дѣлалъ то, чего не могъ не дѣлать: выпускалъ тотъ зарядъ, который давно уже былъ заложенъ въ немъ. Одна старуха убита, другая передъ нимъ тутъ же, топоръ у него въ рукѣ.

Истинная жизнь Раскольникова происходила не въ то время, когда онъ встрѣтилъ сестру старухи, а въ то время, когда онъ не убивалъ еще и одной старухи, не былъ въ чужой квартирѣ съ цѣлью убійства, не имѣлъ въ рукахъ топора, не имѣлъ въ пальто петли, на которую вѣшалъ его, въ то время, когда онъ даже и не думалъ о старухѣ, а лежа у себя на диванѣ разсуждалъ вовсе не о старухѣ и даже не о томъ, можно-ли или нельзя по волѣ одного человѣка стереть съ лица земли ненужнаго и вреднаго другого человѣка? а разсуждалъ о томъ, слѣдуетъ-ли ему жить или не жить въ Петербургѣ, слѣдуетъ-ли или нѣтъ брать деньги у матери и еще о другихъ, совсѣмъ не касающихся старухи вопросахъ. И вотъ тогда-то, въ этой совершенно независимой отъ дѣятельности животной области, рѣшались вопросы о томъ, убьетъ-ли онъ или не убьетъ старуху? Вопросы эти рѣшались не тогда, когда онъ, убивъ одну старуху, стоялъ съ топоромъ передъ другой, а тогда, когда онъ не дѣйствовалъ, а только мыслилъ, когда работало одно его сознаніе и въ сознаніи этомъ происходили чуть-чуточныя измѣнія. И вотъ тогда-то бываетъ особенно важно для правильнаго рѣшенія возникающаго вопроса наибольшая ясность мысли, и вотъ тогда-то одинъ стаканъ пива, одна выкуренная папироска могутъ помѣшать рѣшенію вопроса, отдалить это рѣшеніе, могутъ заглушить голосъ совѣсти, содѣйствовать рѣшенію вопроса въ пользу низшей животной природы, какъ это и было съ Раскольниковымъ.

Измѣненія чуть-чуточныя, а отъ нихъ-то самыя громадныя, ужасныя послѣдствія. Отъ того, что сдѣлается, когда человѣкъ рѣшился и началъ дѣйствовать, можетъ

измѣниться много матеріальнаго, могутъ погибнуть дома, богатства, тѣла людей, но ничего не можетъ сдѣлаться больше того, чѣмъ то, что залегло въ сознаніе человѣка. Предѣлы того, что можетъ произойти, даны сознаниемъ.

Но отъ чуть-чуточныхъ измѣненій, которыя совершаются въ области сознанія, могутъ произойти самыя невообразимыя по своей значительности послѣдствія, для которыхъ нѣтъ предѣловъ.

Пусть не думаютъ, что то, что я говорю, имѣетъ что-нибудь общее съ вопросами о свободѣ воли или детерминизмѣ. Разговоры объ этихъ предметахъ излишни для моей цѣли, да и для чего бы то ни было. Не рѣшая вопроса о томъ, можетъ или не можетъ человѣкъ поступать такъ, какъ онъ хочетъ (вопроса, по моему, неправильно поставленнаго), я говорю только о томъ, что такъ какъ человѣческая дѣятельность опредѣляется чуть-чуточными измѣненіями въ сознаниі, то (все равно — признавая или не признавая такъ называемую свободу воли) надо быть особенно внимательнымъ къ тому состоянію, въ которомъ проявляются эти чуть-чуточныя измѣненія, какъ надо быть особенно внимательнымъ къ состоянію вѣсовъ, посредствомъ которыхъ мы взвѣшиваемъ предметы. Надо, насколько это отъ насъ зависитъ стараться поставить себя и другихъ въ такія условія, при которыхъ не нарушалась бы ясность и тонкость мысли, необходимые для правильной работы сознанія, а не поступать обратно, стараясь затруднить и запутать эту работу сознанія потребленіемъ одуряющихъ веществъ.

Человѣкъ вѣдь есть и духовное и животное существо. Человѣка можно двигать, вліяя на его духовное существо, и можно двигать, вліяя на его животное существо. Такъ же, какъ часы можно двигать за стрѣлку и за главное колесо. И какъ въ часахъ удобнѣе руководить движеніемъ черезъ внутренній механизмъ, такъ и человѣкомъ — собой или другимъ — удобнѣе руководить черезъ сознаніе. И какъ въ часахъ пуще всего надо блюсти то, чѣмъ удобнѣе, двигать серединный механизмъ, такъ и въ человѣкѣ пуще всего надо блюсти чистоту,

ясность сознанія, которымъ удобнѣе всего двигать человѣкомъ. Сомнѣваться въ этомъ невозможно, и всѣ люди знаютъ это. Но является потребность обманывать себя. Людямъ не столько хочется, чтобы сознаніе работало правильно, сколько того, чтобы имъ казалось, что правильно то, что они дѣлаютъ, и они сознательно употребляютъ такія вещества, которыя нарушаютъ правильную работу сознанія.

V.

Пьютъ и курятъ не такъ, не отъ скуки, не для веселья, не потому, что пріятно, а для того, чтобы заглушить въ себѣ совѣсть. И если это такъ, то какъ ужасны должны быть послѣдствія! Въ самомъ дѣлѣ — подумать, какова была бы та постройка, которую строили бы люди не съ прямымъ правиломъ, по которому они выравнивали бы стѣны, не съ прямоугольнымъ угольникомъ, которымъ бы они опредѣляли углы, а съ мягкимъ правиломъ, которое сгибалось бы по всѣмъ неровностямъ стѣны и съ угольникомъ, складывающимся и приходящимся къ каждому и острому и тупому углу.

А вѣдь, благодаря одурманиванію себя, это самое дѣлается въ жизни. Жизнь не приходится по совѣти — совѣсть сгибается по жизни.

Это дѣлается въ жизни отдѣльныхъ лицъ, это же дѣлается и въ жизни всего человѣчества, слагающагося изъ жизни отдѣльныхъ лицъ.

Для того, чтобы понять все значеніе такого отуманенія своего сознанія, пускай всякій человѣкъ вспомнитъ хорошенько свое душевное состояніе въ каждый періодъ своей жизни. Каждый человѣкъ найдетъ, что въ каждый періодъ его жизни, передъ нимъ стояли извѣстные нравственные вопросы, которые надо было ему рѣшить, и отъ разрѣшенія которыхъ зависѣло все благо его жизни. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ нужно большое напряженіе вниманія. Это напряженіе вниманія составляетъ трудъ. Въ каждомъ же трудѣ, особенно въ началѣ его,

есть періодъ, когда трудъ кажется тяжелымъ, мучительнымъ, и слабость человѣческая подсказываетъ желаніе оставить его. Физическій трудъ представляется мучительнымъ въ началѣ его; еще болѣе мучительнымъ представляется трудъ умственный. Какъ говоритъ Лессингъ, люди имѣютъ свойство переставать думать тогда, когда думанье начинается представлять трудности, и именно тогда, прибавлю я, когда думанье начинается быть плодотворнымъ. Человѣкъ чувствуетъ, что рѣшеніе стоящихъ передъ нимъ вопросовъ требуетъ напряженнаго, часто мучительнаго труда, и хочется отвлиться отъ этого. Если бы у него не было внутреннихъ средствъ одурманенія, онъ не могъ бы изгнать изъ своего сознанія стоящихъ передъ нимъ вопросовъ и волей-неволей былъ бы приведенъ къ необходимости рѣшенія ихъ. Но вотъ человѣкъ узнаетъ средство отгонять эти вопросы всегда, когда они представляются, и употребляетъ его. Какъ только предстоящіе къ рѣшенію вопросы начинаютъ мучить его, человѣкъ прибѣгаетъ къ этимъ средствамъ и спасается отъ безпокойства, вызываемаго тревожащими вопросами. Сознаніе перестаетъ требовать разрѣшенія ихъ, и неразрѣшенные вопросы остаются не разрѣшенными до слѣдующаго просвѣтленія. Но при слѣдующемъ просвѣтленіи повторяется то же, и человѣкъ мѣсяцами, годами, иногда всю жизнь продолжаетъ стоять передъ тѣми-же нравственными вопросами, ни на шагъ не подвигаясь къ разрѣшенію ихъ. А между тѣмъ въ разрѣшеніи нравственныхъ вопросовъ и состоитъ все движеніе жизни.

Совершается нѣчто подобное тому, что дѣлалъ бы человѣкъ, которому черезъ взмученную воду надо бы увидать дно для того, чтобы достать драгоценную жемчужину, и который бы, не желая взойти въ воду, сознательно взбалтывалъ воду, какъ скоро она начинала бы отстаиваться и быть прозрачной. Всю жизнь, часто, стоитъ человѣкъ одурманивающійся неподвижно на томъ же, разъ усвоенномъ, неясномъ, противорѣчивомъ міросозерцаніи, упираясь при всякомъ наступающемъ періодѣ просвѣтленія все въ ту же стѣну, въ которую онъ упирался 10,

20 лѣтъ тому назадъ и которую нечѣмъ пробить, потому что онъ сознательно притупляетъ то остріе мысли, которое одно могло бы пробить ее.

Пускай всякій вспомнитъ себя за тотъ періодъ, во время котораго онъ пьетъ и куритъ, и пускай провѣритъ то же самое на другихъ, и всякій увидитъ одну постоянную черту, отмѣчающую людей, предающихся одурманиванію, отъ людей, свободныхъ отъ него: чѣмъ больше одурманивается человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ нравственно неподвиженъ

VI.

Ужасны для отдѣльныхъ лицъ, какъ описываютъ ихъ намъ, послѣдствія потребленія опиума и гашиша; ужасны, знакомы намъ, послѣдствія потребленія алкоголя на отъявленныхъ пьяницахъ; но, безъ сравненія, ужаснѣе, послѣдствія для всего общества того, считающагося безвреднымъ, умѣреннаго употребленія водки, вина, пива и табаку, которому предается большинство людей, а въ особенности такъ называемые образованные классы нашего міра. Эти послѣдствія должны быть ужасны, если признать то, чего нельзя не признать: что руководящая дѣятельность общества, — дѣятельность политическая, служебная, научная, литературная, художественная, — производится большею частью людьми, находящимися въ ненормальномъ состояніи, людьми пьяными. Обыкновенно предполагается, что человѣкъ, который, какъ большинство людей нашихъ достаточныхъ классовъ, употребляетъ алкогольные напитки при всякомъ принятіи пищи, находится на другой день, въ тотъ періодъ времени, когда онъ работаетъ, въ совершенно нормальномъ и трезвомъ состояніи. Но это совершенно несправедливо. Человѣкъ, выпившій накануне бутылку вина, стаканъ водки или двѣ кружки пива, находится въ обычномъ состояніи похмѣлья или угнетенія, слѣдующаго за возбужденіемъ и потому въ умственно подавленномъ состояніи, которое усиливается еще куреніемъ. Для того, чтобы человѣкъ, курия-

щей и пьющей постоянно и умеренно, привелъ мозгъ въ нормальное состояніе, — ему нужно пробить по крайней мѣрѣ недѣлю или болѣе безъ употребленія вина и куренія*). Этого же почти никогда не бываетъ.

Такъ что большая часть всего того, что творится въ нашемъ мірѣ и людьми управляющими другими и поучающими другихъ, и людьми управляемыми и поучаемыми совершается не въ трезвомъ состояніи.

И пусть не принимаютъ это за шутку или за преувеличеніе: безобразіе и главное — бессмысленность нашей жизни происходитъ преимущественно отъ постоянного состоянія опьяненія, въ которое приводитъ себя большинство людей. Развѣ возможно бы было, чтобы люди не пьяные спокойно бы дѣлали все то, что дѣлается въ нашемъ мірѣ — отъ Эйфелевой башни до общей воинской повинности. Безъ всякой, какой бы то ни было надобности составляется общество, собираются капиталы, люди работаютъ, вычисляютъ, составляютъ планы, милліоны рабочихъ дней, пудовъ желѣза тратятся на постройку башни; и милліоны людей считаютъ своимъ долгомъ

*) Но отчего же люди не пьющіе и не курящіе находятся часто на умственномъ и нравственномъ уровнѣ несравненно нижешемъ противъ людей пьющихъ и курящихъ? И почему люди, пьющіе и курящіе, часто проявляютъ самыя высокія и умственные и душевныя качества?

Отвѣтъ на это, во первыхъ, тотъ, что мы не знаемъ той степени высоты, до которой достигли бы люди пьющіе и курящіе, если бы они не пили и не курили. Изъ того же, что люди духовно сильные, подвергаясь принимающему дѣйствию одурманивающихъ веществъ, все-таки произвели великія вещи, мы можемъ заключить только то, что она произвели бы еще большія, если бы они не одурманивались. Очень вѣроятно, какъ мнѣ говорилъ одинъ мой знакомый, что книги Канта не были бы написаны такимъ страннымъ и дурнымъ языкомъ, если бы онъ не курилъ такъ много. Во-вторыхъ же, надо не забывать то, что чѣмъ ниже умственно и нравственно человѣкъ, тѣмъ менѣе онъ чувствуетъ разладъ между сознаниемъ и жизнью, и потому тѣмъ менше онъ испытываетъ потребность одурманиванія, и что потому такъ часто и бываетъ то, что самыя чуткія натуры тѣ, которыя болѣзненно чувствуютъ разладъ жизни и совѣсти, предаются наркотикамъ и погибаютъ отъ нихъ.

влѣзть на эту башню, побыть на ней и слѣзть назадъ; и постройка и посѣщеніе этой башни не вызывасть въ людяхъ никакого другого сужденія объ этомъ, какъ желаніе и намѣреніе еще въ другихъ мѣстахъ построить еще болѣе высокія башни. Развѣ трезвые люди могли бы это дѣлать? Или другое: всѣ европейскіе народы вотъ уже десятки лѣтъ заняты тѣмъ, чтобы придумывать наилучшія средства убійства людей и обучать убійству всѣхъ молодыхъ людей, достигшихъ зрѣлаго возраста. Всѣ знаютъ, что нападены варваровъ никакихъ быть не можетъ, что приготовленія къ убійству направлены христіанскими цивилизованными народами другъ на друга; всѣ знаютъ, что это тяжело, больно, неудобно, разорительно, безнравственно, безбожно и безумно, — и всѣ готовятся къ взаимному убійству: одни — придумывая политическія комбинаціи о томъ, кто съ кѣмъ въ союзѣ и кого будетъ убивать; другіе — начальствуя надъ приготовляющимися къ убійству, и третьи — подчиняясь противъ воли, противъ совѣсти, противъ разума этимъ приготовленіемъ къ убійству. Развѣ трезвые люди могли бы это дѣлать? Только пьяные, никогда не вытрезвляющіеся люди могутъ дѣлать эти дѣла и жить въ томъ ужасающемъ противорѣчій жизни и совѣсти, въ которыхъ не только въ этомъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ живутъ люди нашего міра.

Никогда, мнѣ кажется, люди не жили въ такомъ очевидномъ противорѣчій между требованіями совѣсти и поступками.

Человѣчество нашего времени точно зацѣпилось за что-то. Точно есть какая-то внѣшняя причина, мѣшающая стать ему въ то положеніе, которое ему свойственно по его сознанию. И причина эта, если не одна, то главная — это то физическое состояніе одуренія, въ которое виномъ и табакомъ приводитъ себя огромное большинство людей нашего міра.

Освобожденіе отъ этого страшнаго зла будетъ эпохой въ жизни человѣчества, и эпоха эта настаесть, кажется. Зло сознано. Измѣненіе въ сознаніи по отношенію къ употребленію одуряющихъ веществъ уже совершилось,

люди поняли страшный вред ихъ и начинаютъ указывать его, и это незамѣтное измѣненіе въ сознаніи, неизбѣжно повлечетъ за собой освобожденіе людей отъ употребленія одуряющихъ веществъ. Освобожденіе же людей отъ употребленія одуряющихъ веществъ откроетъ имъ глаза на требованія ихъ сознанія и они станутъ проводить свою жизнь въ согласіи съ совѣстью.

И кажется, что это уже начинается. И какъ всегда, — начинается съ высшихъ классовъ тогда, когда уже заражены всѣ низшіе.

10 іюня 1890 г.

О ПЕРЕПИСИ ВЪ МОСКВѢ.

Цѣль переписи — научная. Перепись есть социологическое изслѣдованіе. Цѣль же науки социологіи — счастье людей. Наука эта и ея приемы рѣзко отличаются отъ всѣхъ другихъ наукъ.

Особенность въ томъ, что социологическія изслѣдованія не производятся учеными по своимъ кабинетамъ, обсерваторіямъ и лабораторіямъ, а двумя тысячами людей изъ общества. Другая особенность та, что изслѣдованія другихъ наукъ производятся не надъ живыми людьми, а здѣсь — надъ живыми людьми. Третья особенность та, что цѣль всякой другой науки есть только знаніе, а здѣсь — благо людей. Туманные пятна можно изслѣдовать одному, а для изслѣдованія Москвы нужно 2,000 людей. Цѣль изслѣдованія туманныхъ пятенъ только та, чтобы узнать все про туманные пятна; цѣль изслѣдованія жителей — та, чтобы вывести законы социологіи и на основаніи этихъ законовъ учредить лучше жизнь людей. Туманнымъ пятнамъ все равно — изслѣдуютъ ихъ, или нѣтъ, и они ждали и еще долго готовы ждать; но жителямъ Москвы не все равно, особенно тѣмъ несчастнымъ, которые составляютъ самый интересный предметъ науки социологіи.

Счетчикъ приходитъ въ ночлежный домъ, въ подвалѣ находитъ умирающаго отъ безкормизы челоуѣка и учтиво спрашиваетъ: званіе, имя, отчество, родъ занятія, и послѣ небольшого колебанія о томъ, внести ли его въ списокъ какъ живого, записываетъ и проходитъ дальше.

И такъ будутъ ходить 2,000 молодыхъ людей. Это нехорошо.

Наука дѣлаетъ свое дѣло, и обществу, призванному въ лицѣ 2,000 молодыхъ людей содѣйствовать наукѣ, надо дѣлать свое. Статистикъ, дѣлающій выводъ изъ цифръ, можетъ быть равнодушнымъ къ людямъ, но мы, счетчики, видяще этихъ людей и не имѣющие никакихъ научныхъ увлеченій, не можемъ относиться къ нимъ не по-человѣчески. Наука дѣлаетъ свое дѣло, и для своихъ цѣлей въ далекомъ будущемъ дѣлаетъ дѣло полезное и нужное для насъ. Для людей науки возможно спокойно сказать, что въ 1882 году столько-то нищихъ, столько-то проститутокъ, столько-то дѣтей безъ призора. Она можетъ это сказать спокойно и съ гордостью, потому что знаетъ, что утвержденіе этого факта ведетъ къ тому, что уясняются законы социологій; а уясненіе законовъ ведетъ къ тому, что общества учреждаются лучше. Но что же, если мы, люди не науки, скажемъ: вы погибаете въ развратъ, вы умираете съ голоду, вы чахнете и убиваете другъ друга, такъ вы этимъ не огорчайтесь, — когда вы всё погибнете и еще сотни тысячъ такихъ же, какъ вы, тогда можетъ-быть наука устроитъ все прекрасно. Для людей науки перепись имѣетъ свой интересъ: для насъ она имѣетъ свое, совсѣмъ другое значеніе. Для общества интересъ и значеніе переписи — въ томъ, что она даетъ ему зеркало, въ которое, хочешь-нехочешь, посмотрится все общество и каждый изъ насъ.

Цифры и выводы будутъ зеркало. Можно не читать ихъ, какъ можно отвернуться отъ зеркала. Можно мелькомъ взглянуть въ цифры и въ зеркало, можно поглядѣться и близко. Походить по переписи, какъ дѣлаютъ теперь тысячи людей, это — близко поглядѣться въ зеркало.

Что такое для насъ, москвичей, не людей науки, совершающаяся перепись? Это — двѣ вещи: во-первыхъ, то, что мы навѣрно узнаемъ, что среди насъ, среди десятковъ тысячъ проживающихъ десятки тысячъ, живутъ десятки тысячъ людей безъ хлѣба, одежды и приюта; во-вторыхъ, то, что наши братья, сыновья будутъ ходить смотрѣть это и спокойно заносить по графамъ, сколько умирающихъ съ голода и холода.

И то и другое очень дурно.

Всѣ кричатъ о шаткости нашего общественнаго строя, объ исключительномъ положеніи, о революціонномъ строеніи. Гдѣ корень всего? На что указываютъ революціонеры? — На нищету, неравномѣрность распредѣленія богатствъ. На что указываютъ консерваторы? — На упадокъ нравственныхъ основъ. Если справедливо мнѣніе революціонеровъ, что же надо сдѣлать? — Уменьшить нищету, и неравномѣрность богатства. Какъ это сдѣлать? — Богатымъ подѣлиться съ бѣдными. Если справедливо мнѣніе консерваторовъ, что все зло — отъ упадка нравственныхъ основъ, то что можетъ быть безнравственнѣе и развратительнѣе, какъ сознательно-равнодушное созерцаніе людскихъ несчастій съ одною цѣлью записывать ихъ? Что же надо сдѣлать? — Надо къ переписи присоединить дѣло любовнаго общенія богатыхъ, досужихъ и просвѣщенныхъ — съ нищими, задавленными и темными.

Наука дѣлаетъ свое дѣло, — давайте и мы сдѣлаемъ свое. Сдѣлаемъ вотъ что. Во-первыхъ, мы всѣ, занятые переписью, руководители, счетчики, уяснимъ себѣ хорошо то, что мы дѣлаемъ, уяснимъ себѣ хорошенько то, надъ чѣмъ и для чего мы дѣлаемъ изслѣдованія? — Надъ людьми, и для того, чтобы люди были счастливы. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на жизнь, всякій согласенъ, что важнѣе ничего нѣтъ человѣческой жизни, и дѣла нѣтъ болѣе важнаго, какъ устранить препятствія для развитія этой жизни, помочь ей.

Въ Евангеліи съ поразительною грубостью, но за то съ опредѣленностью и ясностью для всѣхъ, выражена та мысль, что отношенія людей къ нищетѣ, страданіямъ людскимъ есть корень, основа всего.

«Кто одѣлъ голаго, накормилъ голоднаго, посѣтилъ заключеннаго, тотъ Меня одѣлъ, Меня накормилъ, Меня посѣтилъ», т.-е. сдѣлалъ дѣло для того, что важнѣе всего въ мірѣ.

Какъ ни смотри человѣкъ на вещи, всякій знаетъ, что это важнѣе всего въ мірѣ.

И это надо не забывать и не позволять никакимъ другимъ соображеніямъ заслонять отъ насъ важнѣйшее дѣло нашей жизни. Будемъ записывать, считать, но не будемъ забывать, что если намъ встрѣтится человѣкъ раздѣтый и голодный, то помочь ему важнѣе всѣхъ возможныхъ изслѣдованій, открытій всѣхъ возможныхъ наукъ; что еслибы былъ вопросъ въ томъ, заняться ли старухой, которая второй день не ѣла, или погубить всю работу переписи, — пропадай вся перепись только бы накормить старуху! Длиннѣе, труднѣе будетъ перепись, но въ бѣдныхъ кварталахъ мы не можемъ проходить людей, только переписывая ихъ, не заботясь о нихъ и не пытаясь, по мѣрѣ силъ и нравственной чуткости нашей, помочь имъ. Это — во-первыхъ. Во-вторыхъ, вотъ что надо сдѣлать: мы всѣ, не принимающіе участія въ переписи, давайте не сердиться на то, что насъ тревожатъ; поймемте, что эта перепись очень полезна для насъ; что если это не лѣчение, то это, по крайней мѣрѣ, попытка изслѣдованія болѣзни, за которую намъ надо быть благодарными и по случаю которой намъ надо хоть немножко постараться оздоровить себя. Давайте мы всѣ, переписываемые постараемся воспользоваться тѣмъ единственнымъ случаемъ въ 10 лѣтъ немножко пообщитесь; давайте не противодѣйствовать, а помогать переписи, и помогать ей именно въ томъ смыслѣ, чтобъ она не имѣла одинъ жестокой характеръ обследованія безнадежнаго больного, а имѣла характеръ лѣченія и выздоровленія. Вѣдь случай единственный: 80 человѣкъ энергичныхъ, образованныхъ людей, имѣя подъ рукой 2,000 человѣкъ такихъ же молодыхъ людей, обходятъ всю Москву и не оставляютъ ни одного человѣка въ Москвѣ, не войдя съ нимъ въ личныя сношенія. Всѣ язвы общества, язвы нищеты, разврата, невѣжества — всѣ будутъ обнажены. Что-жъ, неужели успокоиться на этомъ? Счетчики пройдутъ по Москвѣ, безразлично занесутъ въ списки съ жиру бѣсящихся, довольныхъ и спокойныхъ, погибающихъ и погибшихъ, и завѣса закроется. Счетчики — наши братья, сыновья-юноши увидятъ все это, скажутъ: «да, очень

безобразна наша жизнь и неизлѣчима», и съ этимъ сознаніемъ будутъ вмѣстѣ съ нами продолжать жить, ожидая исправленія зла отъ той или другой внѣшней силы. А погибшіе будутъ продолжать умирать въ погибели, а погибающіе будутъ продолжать погибать. Нѣтъ давайте лучше поймемъ, что у науки свое дѣло, а у насъ, по случаю переписи, свое дѣло, и не дадимъ закрыться поднятой завѣсой, а воспользуемся случаемъ, чтобы устранить величайшее зло разобщенія между нами и нищими и обновить общеніе и дѣло исправленія зла, несчастій, и невѣжества и еще большаго нашего несчастія — равнодушія и бездѣльности нашей жизни.

Я слышу уже привычное замѣчаніе: «все это очень хорошо, все это громкія фразы; но вы скажите, что и какъ дѣлать?» Прежде чѣмъ сказать, что дѣлать, необходимо, еще сказать, чего не дѣлать. Прежде всего, для того-чтобъ изъ этой дѣятельности общества вышло дѣло, необходимо, по-моему, чтобы не составлялось никакого общества, чтобы не было никакой гласности, не было собиранія денегъ балами, базарами и театрами, чтобы не было публикацій: князь А. пожертвовалъ 1,000 р., а почетный гражданинъ Б. 3,000; не было бы никакого собранія, никакой отчетности, и ни какого писанія, — главное, никакого писанія, — чтобы не было и тѣни какого-нибудь учрежденія, ни правительственнаго, ни филантропическаго.

Дѣлать же, по-моему, теперь, сейчасъ вотъ что. Первое: всѣмъ тѣмъ, которые согласны со мной, пойти къ руководителямъ, спросить у нихъ въ участкѣ бѣднѣйшіе кварталы, бѣднѣйшія помѣщенія и мѣсто со счетчиками, 23, 24 и 25 числа ходить по этимъ кварталамъ, входя въ сношенія съ живущими въ нихъ, и удерживать эти сношенія съ людьми, нуждающимися въ помощи, и работать для нихъ.

Второе: руководителямъ и счетчикамъ обращать вниманіе на жителей требующихъ помощи и работать для нихъ самимъ, и указывать ихъ тѣмъ, которые захотятъ работать на нихъ. Но у меня спросятъ: что значитъ работать на людей? Отвѣчу: дѣлать добро людямъ. Не давать

деньги, а дѣлать добро людямъ. Подъ словами «дѣлать добро» понимается обыкновенно — давать деньги. Но, по моему понятію, дѣлать добро и давать деньги — есть не только не одно и то же, но двѣ вещи совсѣмъ разныя и, большей частью противоположныя. Деньги сами по себѣ зло. И потому, кто даетъ деньги, тотъ даетъ зло. Заблужденіе это, что давать деньги значитъ дѣлать добро, произошло отъ того, что большей частью, когда человѣкъ дѣлаетъ добро, то онъ освобождается отъ зла и въ томъ числѣ и отъ денегъ. И потому, давать деньги есть только признакъ того, что человѣкъ начинаетъ избавляться отъ зла. Дѣлать добро — значитъ дѣлать то, что хорошо для человѣка. А чтобы узнать, что хорошо для человѣка, надо стать съ нимъ въ человѣческія, т. е. дружескія отношенія. И потому, чтобы дѣлать добро — не деньги нужны, а нужна прежде всего способность, хоть на время отречься отъ условности нашей жизни; нужно не бояться запачкать сапоги и платье, не бояться клоповъ и вшей, не бояться тифа, дифтерита и оспы: нужно быть въ состояніи сѣсть на койку къ оборванцу и разговориться съ нимъ по душѣ такъ, чтобы онъ чувствовалъ, что говорящій съ нимъ уважаетъ и любитъ его, а не ломается, любуясь на самого себя. А чтобы это было, нужно, чтобы человѣкъ находилъ бы смыслъ жизни внѣ себя. Вотъ что нужно, чтобы было добро, и вотъ что трудно найти.

Когда мнѣ пришла мысль о помощи при переписн, я поговорилъ кое съ кѣмъ изъ богатыхъ объ этомъ, и я видѣлъ, какъ рады были богатые случаю такъ прилично избавиться отъ своихъ денегъ, этихъ чужихъ грѣховъ, которые они берегутъ у себя на сердцѣ. Возьмите пожалуйста, говорили мнѣ, 300 рублей, 500 р., но я самъ или сама не могу идти въ эти трущобы. Не въ деньгахъ недостатокъ. Вспомните евангельскаго Закхея, начальника мытарей. Вспомните, какъ онъ оттого что былъ малъ ростомъ, влѣзъ на дерево смотрѣть Христа, и когда Христосъ объявилъ, что идетъ къ нему, какъ онъ, понявъ только одно, что учитель не хвалить богатство, кубаремъ соскочилъ съ дерева, побѣжалъ домой и устроилъ угощеніе.

И какъ только вошелъ Христосъ, такъ первымъ дѣломъ Закхей объявилъ, что половину имѣнія дастъ нищимъ, а кого обидѣлъ, тому вчетверо отдастъ. И вспомните, какъ мы всѣ, читая Евангеліе, низко цѣнимъ этого Закхея, невольно съ презрѣніемъ смотримъ на эту половину имѣнія и четверное вознагражденіе. И чувство наше право. Закхей, по разсужденію, казалось бы, сдѣлалъ огромное дѣло. Но чувство наше право. Онъ еще не начиналъ дѣлать добро. Онъ только началъ немного очищаться отъ зла. Такъ и сказалъ ему Христосъ. Онъ сказалъ ему только: нынѣ пришло спасеніе дому сему.

Что, если бы московскіе Закхеи сдѣлали то же, что онъ? Въдѣ собрался бы не одинъ миллиардъ. Ну и что — же бы было? — Ничего. Еще бы больше грѣха, если бы вздумали раздавать эти деньги обѣднымъ. Денегъ не нужно. Нужна дѣятельность самоотверженная, нужны люди, которые хотѣли бы дѣлать добро, отдавая не чужія грѣхи — деньги, а свой трудъ, себя, свою жизнь. Гдѣ же эти люди? А вотъ они, по Москвѣ ходятъ. Это — самые счетчики-студенты. Я видѣлъ, какъ они записываютъ свои карточкн. Онъ пишетъ въ ночлежномъ домѣ на нарахъ у больного. «Чѣмъ боленъ?» — «Воспой». И студентъ не морщится и пишетъ. И это онъ дѣлаетъ для какой-то сомнительной науки. Что же бы онъ сдѣлалъ, если бы онъ дѣлалъ это для несомнѣннаго своего личного добра и добра всѣхъ людей?

Какъ дѣтямъ въ веселымъ духѣ хочется хохотать, они не умѣютъ придумать, чему бы хохотать, и хохочутъ безъ всякаго предлога, потому что имъ весело, такъ эта милая молодежь жертвуетъ собой. Она еще не успѣла придумать, за что бы имъ жертвовать собой, а жертвуетъ своимъ вниманіемъ, трудомъ, жизнью, затѣмъ, чтобы записать карточку, изъ которой еще выйдетъ или не выйдетъ что-нибудь. Что же бы было, если бы было такое дѣло, которое того стоило? Есть и было, и всегда будетъ это дѣло, и одно дѣло, на которое стоитъ положить всю жизнь, какая есть въ человѣкѣ. Дѣло — это есть любовное общеніе людей съ людьми и разрушеніе тѣхъ преградъ, которыя воздвигли люди между собой, для того, что-

бы веселье богача не нарушалось дикими воплями оско-
тинившихся людей и стонами безпомощнаго голода, холода
и болѣзней.

Перепись выводить передъ глазами насъ, достаточныхъ
и такъ называемыхъ просвѣщенныхъ людей, всю ту ни-
щету и задавленность, которая таится во всѣхъ углахъ
Москвы. 2,000 людей изъ нашего брата, стоящихъ на
высшей ступени лѣстницы, станутъ лицомъ къ лицу съ
тысячами людей, стоящихъ на низшей ступени общества.
Не упустимъ случая этого общенія. Черезъ этихъ 2,000
людей сохранимъ это общеніе и употребимъ его на то,
чтобы избавиться самимъ отъ безцѣльности и безобразія
нашей жизни и избавить обдѣленныхъ отъ тѣхъ бѣдъ и
несчастій, которыя чуткимъ людямъ изъ насъ не даютъ
спокойно радоваться нашимъ радостямъ.

Я предлагаю вотъ что: 1) всѣмъ намъ, руководителямъ
и счетчикамъ, къ дѣлу переписи присоединить дѣло по-
мощи—работы для добра тѣхъ людей, по нашему понятію,
требующихъ помощи, которые встрѣтятся намъ; 2) всѣмъ
намъ, руководителямъ и счетчикамъ, не по назначенію
комитета Думы, а по назначенію своего сердца, остаться
на своихъ мѣстахъ, т. е. въ отношеніяхъ къ жителямъ,
нуждающимся въ помощи, и по окончаніи дѣла переписи
продолжать дѣло помощи. Если я сумѣлъ высказать хоть
немного то, что я чувствую, то я увѣренъ, что только
невозможность заставить руководителей и счетчиковъ бро-
сить это дѣло, и, что на мѣсто оставшихъ отъ этого дѣла
явятся другіе; 3) всѣмъ тѣмъ жителямъ Москвы, чувст-
вующимъ себя способными работать для нуждающихся,
присоединиться къ участкамъ и, по указаніямъ счетчи-
ковъ и руководителей, начать дѣятельность теперь же и
потомъ продолжать ее; 4) всѣмъ тѣмъ, которые по ста-
рости, слабости или другимъ причинамъ не могутъ сами
работать среди нуждающихся, поручать работу своимъ
близкимъ молодымъ, сильнымъ, охочимъ. (Добро не есть
даваніе денегъ, оно есть любовное отношеніе людей. Оно
одно нужно).

Что бы ни вышло изъ этого, все будетъ лучше того,
что теперь.

Пусть будетъ самое послѣднее дѣло, что мы, счетчики
и руководители, раздадимъ сотню двургривенныхъ тѣмъ,
которые не ѣли, — и это будетъ не мало, не столько по-
тому, что неѣвшіе поѣдятъ, сколько потому, что счетчики
и руководители отнесутся по-человѣчески къ сотнѣ бѣд-
ныхъ людей. Какъ счесть, какія послѣдствія произойдутъ
въ общенравственномъ балансѣ оттого, что вмѣсто чув-
ства досады, злобы, зависти, которыя мы возбудимъ, пе-
ресчитывая голодныхъ, мы возбудимъ сто разъ доброе
чувство, которое отразится на другомъ, на третьемъ и
безконечной волной пойдетъ разливаться между людьми. И
это много! Пусть будетъ только то, что тѣ изъ 2,000 счет-
чиковъ, которые не понимали этого прежде, поймутъ, что,
хотя среди нищеты, нельзя говорить: это очень инте-
ресно; что человѣку несчастье другого человѣка должно
отзываться не однимъ интересомъ; и это будетъ хорошо.
Пусть будетъ то, что будетъ подана помощь всѣмъ тѣмъ
несчастливымъ, которыхъ не такъ много, какъ я думалъ
прежде, въ Москвѣ, которымъ можно помочь легко почти
однимъ деньгами. Пусть будетъ то, что тѣ рабочіе, зашед-
шіе въ Москву проѣзжіе съ себя одежду и не могущіе вер-
нуться въ деревню, будутъ отправлены домой, что сироты
заброшенныя будутъ призрѣны, что ослабѣвшіе старики
и старухи нищие, живущіе на милосердіе товарищей ни-
щихъ, будутъ избавлены отъ полуголодной смерти. (А это
очень возможно. Такихъ не очень много). И это будетъ
ужъ очень, очень много. Но почему не думать и не на-
дѣяться, что будетъ сдѣлано и еще, и еще больше? По-
чему не надѣяться, что будетъ отчасти сдѣлано или на-
чато то настоящее дѣло, которое дѣлается уже не день-
гами, а работой, что будутъ спасены ослабѣвшіе пьяницы,
непопавшіеся воры, проститутки, для которыхъ возможенъ
возвратъ? Пусть не исправится все зло, но будетъ созна-
чаніе его, и борьба съ нимъ не поанцеевскими мѣрами,
а внутренними, — братскимъ общеніемъ людей, видящихъ

зло, съ людьми, не видящими его потому, что они находятся въ немъ.

Что бы ни сдѣлано было, все будетъ много. Но почему же надѣяться, что будетъ сдѣлано все? Почему не надѣяться, что мы сдѣлаемъ то, что въ Москвѣ не будетъ ни одного раздѣтаго, ни одного голоднаго, ни одного проданнаго за деньги человѣческаго существа, ни одного несчастнаго, задавленнаго судьбой человѣка, который бы не зналъ, что у него есть братская помощь? Не то удивительно, чтобы этого не было, а то удивительно, что это есть рядомъ съ нашимъ излишкомъ досуга и богатствъ, и что мы можемъ жить спокойно, зная, что это есть. Забудемте про то, что въ большихъ городахъ и въ Лондонѣ есть пролетаріатъ, и не будемъ говорить, что это такъ надо. Этого не надо и не должно, потому что это противно и нашему разуму, и сердцу, и не можетъ быть, если мы живые люди. Почему не надѣяться, что мы поймемъ, что нѣтъ у насъ ни одной обязанности, не говоря уже личной, для себя, ни семейной, ни общественной, ни государственной, ни научной, которая бы была важнѣе этой? Почему же не думать, что мы наконецъ поймемъ это? Развѣ только потому, что дѣлать это было бы слишкомъ большое счастье. Почему не думать, что когда-нибудь люди проснутся и поймутъ, что все остальное есть соблазнъ, а это одно—дѣло жизни. И почему же это «когда-то» не будетъ теперь и въ Москвѣ? Почему не надѣяться, что съ обществомъ, съ человѣчествомъ не будетъ то же, что бываетъ съ больнымъ организмомъ, когда вдругъ наступаетъ моментъ выздоровленія? Организмъ боленъ, это значитъ, что клѣточки перестаютъ производить свою таинственную работу: однѣ умираютъ, другія поражаются, третьи остаются безразличными, работаютъ для себя. Но вдругъ наступаетъ моментъ, когда каждая живая клѣточка начинаетъ самостоятельную жизненную работу: она вытѣсняетъ мертвыя, запираетъ живой преградой зараженныя, сообщаетъ жизнь отжившимъ, и тѣло воскресаетъ и живетъ полной жизнью.

Отчего же не думать и не надѣяться, что клѣточки нашего общества оживутъ и оживятъ организмъ? Мы не знаемъ, въ чьей власти жизнь клѣточки, но мы знаемъ, что наша жизнь—въ нашей власти. Мы можемъ проявить свѣтъ, который есть въ насъ, или загасить его.

Приди одинъ человѣкъ, въ сумерки къ Ляпинскому почленному дому, когда 1,000 человѣкъ раздѣтыхъ и голодныхъ ждутъ на морозѣ впуска въ домъ, и постарайся этотъ одинъ человѣкъ помочь имъ, и у него сердце обольется кровью, и онъ съ отчаяніемъ и злобой на людей убѣжитъ оттуда; а придите на эту тысячу человѣкъ еще тысяча человѣкъ съ желаніемъ помочь, и дѣло окажется легкимъ и радостнымъ. Пускай механики придумываютъ машину, какъ приподнять тяжесть, давящую насъ—это хорошее дѣло; но пока они не выдумали, давайте мы подурядки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христіански налегнемъ народомъ, не поднимемъ ли? Дружнѣй, братцы, разомъ!

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ СБОРНИКУ *)

О ТОМЪ, ВЪ ЧЕМЪ ПРАВДА ВЪ ИСКУССТВѢ.

Порожденія ехиднины! какъ вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста. Добрый человекъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе, а злой человекъ изъ злого сокровища выноситъ злое.

Говорю же вамъ, что за всякое праздное слово, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда.

Ибо отъ словъ своихъ оправдаешься и отъ словъ своихъ осудишься.

(Матв. 12, 34—37).

Въ этой книгѣ, кромѣ разказовъ, въ которыхъ описываются истинныя происшествія, собраны еще исторіи, преданія, сказанія, легенды, басни, сказки, такія, какія были составлены и написаны на пользу людей.

Мы избрали такія, какія мы считаемъ согласными съ ученіемъ Христа и потому считаемъ добрыми и правдивыми.

Многіе люди и особенно дѣти, читая исторію, сказку, легенду, басню, прежде всего спрашиваютъ: правда ли то, что описывается, и часто, если видятъ, что то, что описывается, не могло случиться, то говорятъ: это пустая выдумка и это неправда.

Люди, которые судятъ такъ, судятъ неправильно.

Правду узнаетъ не тотъ, кто узнаетъ только то, что было, есть и бываетъ, а тотъ, кто узнаетъ, что должно быть по волѣ Бога.

Напишетъ правду не тотъ, кто только опишетъ, какъ было дѣло и что сдѣлалъ тотъ, и что сдѣлалъ другой человекъ, а тотъ, кто покажетъ, что дѣлаютъ люди хорошо, т. е. согласно съ волей Бога и что дурно, т. е. противно волѣ Бога.

Правда—это путь. Христосъ сказалъ: «Я есмь путь и истина и жизнь».

И потому правду знаетъ не тотъ, кто глядитъ себѣ подъ ноги, а тотъ, кто знаетъ по солнцу, куда ему идти.

Всѣ словесныя сочиненія и хороши, и нужны не тогда, когда они описываютъ, что было, а когда показываютъ, что должно быть; не тогда, когда они рассказываютъ то, что дѣлали люди, а когда оцѣниваютъ хорошее и дурное, когда показываютъ людямъ одинъ тѣсный путь воли Божьей, ведущій въ жизнь.

Для того же, чтобы показать этотъ путь, нельзя описывать только то, что бываетъ въ мірѣ. Міръ лежитъ во злѣ и облазнахъ. Если будешь описывать міръ, какъ онъ есть, то будешь описывать много лжи, и въ словахъ твоихъ не будетъ правды. Чтобы была правда въ томъ, что описываешь надо писать не то, что есть, а то, что должно быть; описывать не правду того, что есть, а правду царствія Божія, которое близится къ намъ, но котораго еще нѣтъ. Отъ этого и бываетъ то, что есть горы книгъ, въ которыхъ говорится о томъ, что точно было, или могло быть, но книги эти всѣ ложь, если тѣ, кто ихъ пишутъ, не знаютъ сами, что хорошо, что дурно и не знаютъ, и не показываютъ того единаго пути, который ведетъ людей къ царствію Божьему. И бываетъ то, что есть сказки, притчи, басни, легенды, въ которыхъ описывается чудесное такое, чего никогда не бывало и не могло быть, и легенды, сказки, басни эти правда потому, что они показываютъ то, въ чемъ воля Божія всегда была, есть и будетъ, показываютъ, въ чемъ правда царствія Божія.

Можетъ быть такая книга и много, много есть такихъ романовъ, исторій, въ которыхъ описывается, какъ человекъ живетъ для своихъ страстей, мучается, другихъ

*) Цвѣтвикъ. Изд. «Посредника».

мучаетъ, терпитъ опасности, нужду, хитритъ; борется съ другими, выбивается изъ бѣдности и подъ конецъ соединяется съ предметомъ своей любви и дѣлается знатенъ, богатъ и счастливъ. Книга такая, если бы и все, что въ ней описывается точно такъ и было и не было бы въ ней ничего невѣроятнаго, все-таки будетъ ложь и неправда, потому что человѣкъ, живущій для себя и для своихъ страстей, какая бы у него ни была красива жена и какъ бы онъ ни былъ знатенъ, богатъ, не можетъ быть счастливъ.

И можетъ быть такая легенда, что Христосъ съ апостолами ходили по землѣ и зашли къ богачу, и богачъ не пустилъ Его, а зашли къ бѣдной вдовѣ и она пустила. И потомъ Онъ велѣлъ бочкѣ золота покатиться къ богачу, а волка послалъ къ бѣдной вдовѣ съѣсть ея послѣднюю телушку, и вдовѣ было хорошо, а богачу худо.

Такая исторія вся невѣроятная, потому что ничего того, что описывается, не бывало и не могло быть; но она вся правда потому, что въ ней показывается то, что всегда должно быть, въ чемъ добро, въ чемъ зло и къ чему долженъ стремиться человѣкъ, чтобы исполнить волю Бога.

Какія бы чудеса ни описывались, какіе бы звѣри ни разговаривали по-людски, какіе бы ковры-самолеты ни переносили людей,—и легенды, и притчи, и сказки будутъ правда, если въ нихъ будетъ правда царствія Божія. А если не будетъ этой правды, то пускай все, что описывается будетъ засвидѣтельствовано кѣмъ бы-то ни было, все это будетъ ложь, потому что нѣтъ въ немъ правды царствія Божія. Самъ Христосъ говорилъ притчами, и притчи Его остались вѣчною правдою. Онъ только прибавлялъ: «И такъ наблюдайте, какъ вы слушаете».

